

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 6 (216)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 6 (216). 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Имидж России в современном мире. (По материалам круглого стола журнала «Вестник аналитики»)	5
<i>А. Юнусова.</i> Ислам в России	24
<i>Екатерина Макарова.</i> Образ административно- политической элиты глазами населения Татарстана.....	33
<i>Г. Клочков.</i> Внутренние причины этнополитических конфликтов на Юге России	40
<i>З. Дзарахова.</i> Ингушетия на рубеже XX–XXI вв. Этнополитические и геополитические реалии.....	47
<i>Камалудин Гаджиев.</i> Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа.....	51
<i>Г. Новрузова.</i> Азербайджанцы в Российской Федерации.....	64
<i>К. Ханбабаев, Р. Мамараев.</i> Геополитические процессы вокруг Каспия.....	69
<i>Салтанат Ермаханова.</i> Модернизация казахстанского общества: Стимулы и барьеры	77
<i>Андрей Большаков.</i> Взаимоотношения Киргизии с республиками постсоветской Центральной Азии	80
<i>Елена Ионова.</i> Влияние внешних факторов на отношения России и Туркмении	86
<i>Е. Кузьмина.</i> Особенности внутривнутриполитической и международной ситуации в Центральной Азии	92
<i>Ахмед Айдамиров.</i> Афганский конфликт обретает международные масштабы	107
<i>А. Разливаев.</i> Турция: Исламисты и армия	115
<i>А. Гончаров.</i> Этноконфессиональная ситуация в Ираке в 1990-е годы	125
<i>В. Кузнецов.</i> У китайских мусульман	134
<i>Алексей Громыко.</i> Устоит ли новый Вавилон? (Проблемы межцивилизационной интеграции Европы)	140

З. Абдулагатов. Грозит ли исламу столкновение с христианством. (Доводы против «столкновения цивилизаций»).....	155
С. Чудинов. Феномен террориста-смертника	161

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

**ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(По материалам круглого стола
журнала «Вестник аналитики»)**

В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В.А. Луков, доктор философских наук В.К. Кантор. Вел круглый стол доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

1. Как можно охарактеризовать современный имидж России: положительный – отрицательный, ясный – неясный, обозначенный – необозначенный.
2. К чему сводятся усилия власти – «быть демократической страной или казаться ею»?
3. Что определяет имидж современной России?
4. Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?
5. Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

Каков современный имидж России?

Луков В. На мой взгляд, рискованно сказать – «он положительный». Или, наоборот, утвердиться в мысли, что он, увы, отрицательный. В той же мере, полагаю, нет оснований говорить об имидже как о ясном или неясном, обозначенном или необозначенном. О русском народе можно говорить как о великом. Но относится ли такая характеристика к современному государству в нашей стране? Когда иностранцы говорят о Достоевском или Толстом, они имеют в виду четко обозначенную духовность. Они понимают ее несколько иначе, чем то, что хорошо видно в экранизациях и театральных постановках, нередко вызывающих у нас улыбку или

раздражение. Тем не менее здесь они стремятся нас понять и даже приподняться до русских культурных вершин. Подобным образом происходит в пресловутой «области балета»: французский телеканал «Mezzo» своим приоритетом имеет русский балет. В почете русские художники-авангардисты. В общем, это большое достижение, но достижение позапрошлого века, которое в узкой зоне современной культуры остается неизбежным и не зависящим от политической конъюнктуры. Но в какой степени выражает имидж нашей страны современная попса? В мире многое знают о России, но еще больше мыслят о ней на основе стойких стереотипов. Когда русский философ Павел Александрович Флоренский размышлял о символе, он противопоставлял ему конкретное в качестве понятия. Определенность не устраняет символ. Имидж выражает определенный уровень понимания. Далее предстоит высвободить его скрытое содержание, позволяющее вычитать более глубокий смысл, заключенный в нем. Поэтому прежде чем ответить на ваш вопрос, надо уточнить, что сегодня подлежит обсуждению.

Гуревич П. Тогда, может быть, начнем с конкретного. Создана Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны. Это как: актуально – неактуально? Ведь имидж заключает в себе огромный практический смысл. В нем не только политические дивиденды, но даже и экономический эффект. Ни одно государство не станет вкладывать капитал в экономику той страны, которая не вызывает уважения или доверия. Невозможно извлечь и политические выгоды, если страна не пользуется признанием. Стратегически важно, будут ли нас оценивать как великую державу или как колониальную страну. Но, с другой стороны, создание имиджа – не сооружение архитектурного завитка на фронто-не неустойчивого здания. Наши властители, судя по всему, полагают, что авторитет страны поддерживается грозными высказываниями, жесткой позицией по конкретному международному вопросу или прямолинейными идеологическими акциями. Поэтому, увы, привлекательный образ России в мировом общественном сознании сегодня не просматривается. Вооруженный конфликт с Грузией не принес стране дивиденды. Американские идеологические службы внедрили в общественное сознание идею очередной российской агрессии. Польша, Украина тоже используют любой повод, чтобы демонизировать образ России. Отношения с братской Белоруссией напоминают коммунальные разборки. Как быть?

Луков В. Конечно, здесь есть возможность создавать образ страны для мира, используя технологии манипулирования общественным сознанием. Это уже хорошо разработанные схемы воздействия. Но если только к этому сводится весь вопрос, то обсуждать его философию вряд ли нужно: заказ не обсуждается. Нам интересно говорить на тему имиджа лишь в том случае, если мы хотим, чтобы образ страны не отрывался от ее действительных качеств и отражал живую Россию с ее проблемами и стремлениями решить их. Прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, какой он для нас самих, для народов России, что мы хотим предъявить мировому общественному мнению – некий привлекательный образ страны или ее реальность, хотя бы даже и с постоянным напоминанием, что темные стороны в ней – не вся реальность, как у любой другой страны? В последнее время много говорится о том, как должна выглядеть наша страна, какие достижения в ней возможны. Толкуем об идеальном социальном устройстве. Но не очень понятно, как до него добраться и на чем. Лермонтовский Демон обещал Тамаре «сны золотые навевать». Актуально ли такое стремление в международном масштабе: достославное предсказание графа Бенкендорфа, который отвечал при императоре Николае I за тайную полицию и за идеологию: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение». Мы снова с этим хотим идти к миру?

Гуревич П. А нужен ли нам вообще привлекательный образ России с учетом новых реальностей? Я говорю это, разумеется, с провокативной целью. В мире происходят грандиозные перемены. Кризис заставил многие государства отбросить в сторону маски благородства и демократии. Цинизм политиков обнаружился весьма отчетливо при обсуждении тайн, связанных с пактом Молотова–Риббентропа. Хотели найти злодеев, а оказалось, что от раскрытия секретов не выиграло ни одно государство. Каждая страна преследовала свои интересы, но при этом были все, что называется, хороши. Сейчас не до игры в привлекательные идеалы. Надо ухватить сырьевые ресурсы, территории. За право обладать пресными источниками будут идти войны. Уже через 20 лет, если не раньше, начнутся войны. Нехватка воды будет ощущаться в Китае, Бангладеш и Пакистане – эти страны попытаются контролировать источники водных ресурсов. Обнародованы данные запасов нефти и газа в Северном Ледовитом океане. Недавно в журнале «Science» была

опубликована карта запасов нефти и газа в Арктике. На ее составление группе сотрудников Американской геологической службы понадобилось пять лет. Оказалось, что в Арктическом бассейне содержится 13% мировых запасов нефти – это меньше, чем считалось раньше. А газа тут – 30%. Причем почти все месторождения сосредоточены на мелководье и доступны для разработки. Что же касается нефти, то ее количество, примерно 10 млрд. т, невелико. Грядут немислимые энергетические войны. Может быть, в новых условиях устрашающий имидж более прагматичен? Как насчет новой «империи зла»?

Кантор В. Ход мысли понятен, хотя и обескураживает. Но, мне кажется, дикость и варварство все равно будут маскироваться. Цивилизованность — товар, который неплохо котируется на международном рынке.

Гуревич П. Хотел бы к этому добавить, что в наши дни события на международной арене определяются не только сильными государствами. Обнаружился совершенно неожиданный ход событий. Порой небольшое государство, к примеру, Грузия, способно влиять на мировое общественное мнение не меньше, чем какое-нибудь мощное государство, допустим, США или Китай. Это новая реальность. Маленькая страна теперь может манипулировать общественным мнением. И вот для этого как раз нужны не циничные действия, а некий идеологический камуфляж.

Луков В. Солон был, безусловно, прав, когда убеждал своих сограждан, что никто и никогда не должен забывать о том, какое он производит впечатление на других, на чужеземцев. Но прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, каков он внутри страны.

Гуревич П. Когда невесту выдают замуж, сначала пытаются убедиться в ее достоинствах и недостатках. Что мы хотим предъявить мировому общественному мнению – некий привлекательный образ страны или ее подлинную идентичность? Зарубежные политики отлично видят угрозы национальной безопасности страны и хотят использовать наши откровенные провалы в общественной жизни. Ведь не секрет, что у нас ни одна государственная структура не выполняет свои прямые функции в полной мере. Объявляя смертельную войну коррупции, президент назначает на должность губернаторов людей, за которыми тянется длинный шлейф криминальных обвинений. Прокуратура сражается со Следственным комитетом вместо того, чтобы следить за законностью. Милиция не

защищает граждан, а карает их. Государственная дума принимает законы, которые выгодны элите, а не народу. Губернаторы не пытаются поднять экономику края, а расстреливают редких баранов с вертолетов. Это похоже на системный кризис государственной власти. Поэтому у многих соседних стран возникает искушение присвоить себе часть нашей территории, завладеть нашими ресурсами, зерновым рынком, завалить Россию ядерными отходами или генетически модифицированными продуктами.

Кантор В. Сегодняшние газеты читать жутковато, слушать речи политиков и журналистов тоже. Все о том же: Россия потеряла себя, России навязывают чуждую систему ценностей, Россия находится на пороге смуты, Россию злые силы хотят превратить в Запад, а между тем, русский народ хочет жить свойственным ему образом. Прямо апокалипсис какой-то.

Луков В. Согласен в том смысле, что для сотворения имиджа требуется позитив. Нельзя выработать устойчивый образ страны на одних кладбищенских прогнозах или мрачных заклинаниях. Но ведь в результате мирового кризиса представление о России в современном мире значительно ухудшилось. Появились другие критерии для оценки той или иной державы. И один из них, несомненно, – способность тех или иных государств выйти из создавшейся катастрофы с наименьшими издержками. Но здесь наша страна не имеет особых приоритетов. Есть все основания полагать, что мы выйдем из кризиса в числе не самых успешных стран. Да, стереотипы меняются. Образ агрессивной державы, несущей угрозу всему миру, столь непоколебимый в период «холодной войны», теперь замещается другим трафаретом – «кровожадный медведь-монстр». Нас осуждают сегодня за непомерные амбиции, за нецивилизованность, за непредсказуемость. Хочется возразить, но по существу нечем. Мы пребываем в состоянии наркотического делириума. Утверждаем, хотя никто в мире так не считает, что Россия стала независимой и сильной. Толкуем о том, что за истекшие десять лет влияние державы на мировой процесс укрепились. Цитируем, как мантру, слова В.В. Путина: «Руки России крепчают». Можно, конечно, обижаться на мир, который не видит наших усилий или превратно их толкует. Вся проблема в том, что не только Европе, но и нам самим многое непонятно. У нас не было таких скандальных выборов в современной России, как те, что состоялись в октябре 2009 г. Идея суверенной демократии приказала долго жить. Задуманная ради укрепления стабильности общества, она обнаружила

свой абсурдный смысл. Примитивизация политической системы, которая позволяет оценивать эффективность каждого губернатора, чиновника, политика по тому, удалось ли ему обеспечить нужный процент. Игнорирование политической незаинтересованности масс, социальной усталости, кризиса долготерпения – вот итоги этих событий. И не только в политике так обстоит дело. У нас трясет страну от открытого подрыва образовательной системы, организованного Министерством образования и науки при потворстве высших властей, но никакие возражения не принимаются в расчет. Так с этим ли строить положительный имидж России?

Гуревич П. Смысл имиджа, понятное дело, рождается не за рубежом. Разумеется, нельзя игнорировать мировое общественное мнение. Но ведь идея суверенной демократии как раз и покоилась на соответствующем мотиве: никто не смеет указывать нам, как нам строить народовластие. Но мы уже не рассматриваем как чрезвычайное событие очередное убийство политика, бизнесмена, адвоката. Борьба с коррупцией превратилась в фарс. Ни власть, ни суд, ни милиция не защищают каждого из нас. Цинизм становится нормой поведения. По-прежнему одна пятая часть населения жирует, а четыре пятых – еле сводят концы с концами. Когда мы задаемся вопросом, каков современный имидж России, нам важно учесть: привлекательный образ страны невозможно соткать с помощью имиджевых технологий. Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны не способна изменить ситуацию в стране. Она может предложить лишь косметические усилия для сотворения привлекательного образа страны. Между тем главная проблема в том, достаточно ли проведенных российских реформ для того, чтобы не дать возможности «реставраторам» катапультировать страну в прошлое? Вошла ли Россия неозвратно в число государств с европеизированной политической и экономической системой?

К чему сводятся усилия власти – «быть демократической страной или казаться ею»?

Луков В. Никто, судя по всему, не сомневается в том, что демократии в России стало меньше. Об этом сказал и Путин во время визита в Польшу. Он отметил, что у нас еще слабая политическая система и незрелый народ. Путин даже выразил готовность и дальше строить демократию, подчеркнув, что путь к демократии

будет долгим. Вроде бы в этом заявлении все здраво и оптимистично. Огорчает только то, что эти слова не блещут новизной. То же самое говорит Мубарак в Египте, Каддафи в Ливии, Чавес в Венесуэле. Авторитаризм всегда обещает переродиться в демократию. А на самом деле развивается в прямо противоположную сторону.

Гуревич П. Прежде всего, в стране не прослеживается тенденция к трезвому, разностороннему анализу того, что происходит у нас на самом деле. Оценки экономической ситуации в России крайне противоречивы. Эксперты говорят о назревающем коллапсе экономики, а политики утверждают, что мы вступили в полосу несомненного развития. Кому верить?

Луков В. Россия, как и другие страны, которые оказались основными жертвами кризиса, находится в бедственном положении. Политики отмечают снижение спада экономического роста и даже возможный его рост. Но прекращение рецессии не означает, что в экономике началось возрождение. До выхода из транса еще очень далеко. Каждый месяц в стране прекращают существование тысячи промышленных, строительных, торговых и финансовых учреждений. Армия безработных не уменьшается, а растет, несмотря на благоприятные прогнозы. Рынок находится на приближении к новым угрозам и трудностям. Как заклинание, звучат слова политиков: «Расслабляться еще рано». Лукавая фраза. Стоит, мол, только отказаться от эйфории, и все пойдет путем. Страна старательно приукрашивает реальность.

Гуревич П. Но ведь это не только проблема России. Дефолтом грозит невысказанный рост дефицитов многих ведущих государств мира. Это результат обширных финансовых вливаний в экономику. Конечно, для нас это особенно тревожно. Ведь эта угроза не дает возможности развиваться экономической инфраструктуре. Но суть дела в том, что мы хотим казаться благополучной страной вместо того, чтобы найти реальный путь к процветанию.

Луков В. Опасность ускоренной девальвации или даже краха доллара может превратиться в реальность мгновенно, неожиданно. Это внесет хаос в сложившуюся систему международных расчетов. Надо ли говорить о том, как отразится на судьбе России такая дестабилизация.

Гуревич П. Неважно выглядит и российский политический истеблишмент. В России по-прежнему нет независимого парламента и суда. Коррупционные скандалы разгораются и исчезают. Нор-

мы права не применяются к тем, кто властвует. Прокуратура не станет доводить дела до судебного рассмотрения, пока не последует высшее указание. В той же мере правомочен сегодня окрик: «Этого человека не трогать». Власть исключила народ из управления обществом. Разумеется, элиты и даже руководство Российской Федерации осознают, чем это чревато. Однако изменить «вертикаль власти» уже крайне сложно.

Кантор В. Согласен: дела в нашей стране плохи, и имидж тоже неважный. Но нет ли в наших рассуждениях примитивной постановки вопроса? Получается, что создание имиджа вообще зряшная затея. Подлинные достижения, выходит, говорят сами за себя. Станем развивать демократию, и Америка ахнет и будет нас любить. Но так ли это?

Гуревич П. Конечно, не хотелось бы обойти огромные достижения социальной психологии, политическую практику многих режимов. Сталинская Конституция поражала своей грандиозностью, но не избавила страну от массовых расстрелов и бесправия. Советская пропаганда добилась огромных успехов в создании привлекательного образа страны, по крайней мере, внутри державы. Людмила Гурченко вспоминает в своей повести про то, что она, еще совсем юная, думала, как плохо живется в ее станице и как замечательно развивается и благоденствует страна. Основанием для таких убеждений были, конечно, советские фильмы. Сталин использовал для усиления могущества страны даже чрезвычайные ситуации. Едва ли не трагическая эпопея с ледоколом «Челюскин» стала для страны героической эпопеей. Имиджевые технологии работали так успешно, что многие видные европейские писатели обманулись, полагая, что в Стране Советов вообще рождается новый мир.

Луков В. Смысл книги когда-то модного у нас американского социолога Шибутани можно выразить одной фразой: «Надо быть скромным, но надо кричать об этом на всех перекрестках». Иначе говоря, умный человек может восприниматься как дурак, а инвалид умственного труда как глубокомысленный гений. С этой точки зрения, понятно, что создание имиджа страны – дело тонкое. Здесь мы сразу наталкиваемся на стереотипы. Вот в русском бытовом сознании французы легкомысленны, предаются все время любовным приключениям, немцы аккуратны и расчетливы, англичане чопорны, сдержанны, неукоснительно соблюдают традиции. У американцев на уме только работа и деньги, японцы трудолюбивы

и вежливы, грузины гостеприимны, но любят прихвастнуть и поволочиться за женщинами, чукчи от природы естественны.

Гуревич П. Хотя это и «ложные картинки», т.е. стереотипы, нельзя не признать, что в них есть и нечто подлинное, реальное. Разве педантизм не черта немецкого характера? Может быть, в Америке нет культа денег? Каждый стереотип все же имеет прототипическую основу. Духовный трафарет рождается на реальном фундаменте, хотя затем упрощает ситуацию, доводя ее до «ложной картинки». Но важно иметь в виду, что стереотипы меняются. Возьмем, к примеру, тип негра в американском общественном сознании. В определенном времени он соответствовал образу «дяди Тома» из известной «хижины». Простой, добрый, связанный с природой. Затем в американском общественном сознании закрепился стереотип негра агрессивного, жестокого, с воспаленной сексуальностью. Прошли годы, и во времена Рейгана негр превратился в иную фигуру. Социологи писали о том, что динамичная Америка могла бы обогнать весь мир, если бы не негры и пуэрториканцы, которые своей патриархальностью не позволяют обогнать век. В последующие десятилетия огромную популярность приобрел лозунг «Черное прекрасно». Лидеры чернокожих в 1988 г. высказались за введение в обиход термина «афроамериканец» взамен «чернокожий». Энтузиазм, связанный с этим лозунгом, привел к тому, что идеологи афроцентризма объявили всему миру: Сократ был негром. Откуда, мол, эта крупная голова, сутулые плечи, широко расставленные глаза. Негр стал символом порядочности, мудрости, терпения. Закончилось все это, надо ли подчеркивать, избранием Обамы. Век назад такой прогноз вызвал бы шок и недоумение. Вопрос ставится так: если один и тот же этнос толкуется через разные стереотипы, которые абсолютно не совмещаются в одном образе, то тогда что такое вообще идентичность? Мы понимаем, что надо выводить страну из экономического кризиса. Мы понимаем, что свою норму революций Россия уже исчерпала, и поэтому заботимся о стабильности в обществе. Но осознаем ли мы, что нам нужно, наконец, увидеть себя не через призму чарующих параметров идеального общества, а в том варианте, какими мы видимся посторонними глазами.

Луков В. Хотел бы добавить, что Россия далеко не всегда является олицетворением только отрицательного имиджа. В течение большей части XIX столетия Россия была самой популярной европейской державой в США. Во время Крымской войны наши

дипредставительства в Америке осаждали добровольцы, желающие помочь России защитить Севастополь. После неудачного покушения на Александра II Конгресс США поздравил царя с «избавлением от опасности по воле Господа». Когда в 1871 г. с визитом в США прибыл великий князь Алексей Александрович, его принимали, словно мегазвезду. Куда бы ни пошел младший сын императора, всюду появлялись приветствующие толпы.

Гуревич П. Но, с другой стороны, нельзя не помнить и странную растерянность Николая Яковлевича Данилевского, который как раз в те же годы удивлялся тому, что Европа враждебна России. Эта враждебность сохранялась, несмотря на большие жертвы и услуги, которые Россия оказывала Европе. Он писал том, что Россия никогда не нападала на Европу, а Европа неоднократно вторгалась в Россию. Пытаясь понять эту проблему, Данилевский пришел к выводу, что Россия и Европа принадлежат к различным культурно-историческим типам.

Что определяет имидж современной России?

Луков В. У каждого человека в сознании существует ментальная модель мира – субъективное представление об окружающем мире. По-другому еще мы говорим: «картина мира». Она состоит из множества образов – простых и сложных, – из понятий и суждений, важных для повседневной жизни и ориентирующих нас в наших оценках и действиях. В этом складе много всякой всячины – важного и неважного, но он определенным образом упорядочен, и к центру ближе то, что человек признает «своим», а на периферии оказывается то, что относится к «чужому». «Свое» и «чужое» у каждого разделяется не так уж произвольно, огромное значение имеет то, как проходила ранняя социализация в детстве, как строились отношения с окружающими в юности, что стало ценностями и нормами личности под влиянием множества людей – близких и почти незнакомых – на протяжении всей жизни. В юности важен вопрос – «делать жизнь с кого?». Когда в обществе старые ценности отвергнуты, а новые не укрепились, ответ на этот вопрос становится рискованным, неопределенным, противоречивым. И не только на уровне индивидуального сознания. Неясная идентичность становится приметой целых народов и стран. Когда речь идет о формировании имиджа России для других, очень важно определиться, есть ли у самой России ясность, что она такое – куда

идет, какое общество строит, с кем и против кого готова объединяться. Что нам дорого, чем хотим быть в будущем. Идеи «принадлежности» или «общности» оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

Гуревич П. Это, разумеется, так. Но имидж современной России напрямую связан с кризисом идентичности, которая стала острой проблемой для гуманитарного знания. Например, в течение десяти тысяч лет господства на планете сельского хозяйства индивиды прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней, другими группировками. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился. Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека. Модернизация, глобализация привели к тому, что люди были вынуждены попросту переопределять собственную идентичность, сузить ее, превратить в нечто камерное, более интимное. Но это с одной стороны, а с другой – «расширение идентичности». Представители одного народа все чаще и чаще взаимодействуют с людьми иных культур и цивилизаций. Наиболее отчетливо возникновение новой, «сверхнациональной идентичности», проявилось в Европе. Рождаются новые гиганты социальной жизни – общий рынок, таможенные союзы, регионально-хозяйственные идентичности. Мы говорим и о планетарной культуре. И вместе с тем рушатся прежние культурные идентичности.

Кантор В. Такая ситуация характерна не только для России. Разве крах идеи мультикультурализма в Америке не относится к теме нашей дискуссии?

Гуревич П. Но кризис идентичности – не только американская или, скажем, российская проблема. Почти повсюду на земном шаре задаются вопросами: Кто мы такие? Чему принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии. Географически, сомнений, разумеется, не возникает. Но с западной цивилизацией японцев связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранский народ тоже находится в поисках самотождественности. То же самое можно сказать и о Южной Африке. Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем. Сирия и Бразилия переживают потребность в новых опознавательных знаках. Алжир тоже сетует на распад

идентичности. В Турции не утихают споры о подлинной тождественности...

Луков В. К этому можно добавить, я полагаю, и Мексику. Разве там не говорят о «мексиканской идентичности»? Население Британских островов утратило былую уверенность в британской идентичности и пытается выяснить, к кому оно больше склоняется – к континентальным европейцам или «североатлантическим» народам. В Германии с трудом реализуется проект «общегерманской идентичности». Западные и восточные немцы не располагают общими ценностями. Бывшие граждане ГДР зачастую с тоской вспоминают свое прошлое. Мы видим, что кризис в разных странах приобретает различные формы, протекает по-разному и сулит разные последствия. Разумеется, едва ли не в каждой стране он вызван особыми, уникальными обстоятельствами.

Гуревич П. Выходит, кризис носит глобальный характер. Мы не одиноки.

Луков В. Беда, пожалуй, только в том, что в нашей стране поиск идентичности не самая актуальная проблема. Захваченные кризисом, модернизацией, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что никакая программа «рывка в будущее» не может игнорировать именно эту проблему. Глубочайший кризис в России воскресил конфликт XIX века между славянофилами и западниками. Европейская мы страна или все-таки евразийская?

Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?

Кантор В. Нельзя сказать, что эти споры принадлежат только XIX веку. Постоянно задается риторический вопрос: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой, иными словами, речь идет о нашей самоидентификации, о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй народа».

Кантор В. Разумеется, на протяжении тысячелетия, в котором существует Россия как государственно оформленное целое, этот строй менялся, как менялись общественно-политические структуры. Но все же какие-то коренные особенности оставались, в зависимости от ситуации играя то положительную, то отрицательную роль. Если верить отечественным романтикам (славянофилам и пр.), то такими особенностями являются общинность, соборность

и крепкая православная вера. В 30-е годы прошлого века, когда европеизм уже слишком сильно «заразил» русское общество, этот романтический взгляд обрел каноническую официальную формулу: православие, самодержавие и народность. Три кита, на которых, казалось, вечно стояла и будет стоять Россия, стоять неколебимо. Так мы тогда попытались отделиться от Запада. В эпоху недавнюю, эпоху более плотного железного занавеса, триада превратилась вроде бы в диадку: партийность и народность.

Если же обратиться к тем, кто выражал самокритику культуры (Чаадаев и др.), не отрицая ее специфики и самобытности, мы увидим картину более мрачную, но тоже опирающуюся на конкретные факты, а именно: склонность к отречению народа от своих прав, полное подчинение личности государству, а в моменты народных возмущений – дикий произвол, побеждаемый еще более лютым государственным произволом, сызнова приводящим народ в рабское состояние. Из недавних исторических вариаций на эту тему можно напомнить Октябрьскую революцию и Гражданскую войну с их лозунгом (по свидетельству Пителима Сорокина) «все дозволено», на смену которым пришла большевистская тирания, невиданная даже в российской истории, нагледевшейся тиранов. Разумеется, каждая по отдельности, эти точки зрения вполне односторонни, но они, в общем-то, прекрасно взаимодополняются. К примеру, в ситуации сегодняшней «свободы» больше всего жалоб на распад общинных, коллективистских связей, войну всех против всех, как оно было и в Европе в период первоначального накопления капитала. Человек отделился от государства, и выяснилось, что никакой он не общинник, если не считать общиной мафиозные структуры. Рухнул общественный порядок, а апологеты «неособорности» способны только проливать слезы да мечтать о «крепкой власти», наподобие сталинской, которая живо бы всех вновь вернула в коллектив или, если исходить из нынешних идеологических реалий, в «православно-коммунистическую общину».

Луков В. Чем больше споров, тем меньше ясности – что же предпочтительнее. Почему одно рождает другое?

Кантор В. Да, вроде, заколдованный круг... Из «мучительства рождается вольность, из вольности – рабство»?.. (Радищев). Или еще хлеще у героя «Бесов», Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Или вообще принадлежащая нашей стране одна шестая часть суши является

своего рода «заколдованным местом» (Гоголь), из которого как ни пытайся уйти, все равно останешься там, где был?..

Гуревич П. И ничто не меняется?

Кантор В. Стоит, однако, обратить внимание на историко-культурные причины, породившие такое состояние дел. По мнению большинства русских историков, культурологов, философов истории (как романтиков, так и реалистов), тип государства, тип социокультурных отношений, который в той или иной степени продолжается доселе, сложился на рубеже XV–XVI вв. То есть тогда, когда с помощью татар произошла «московизация» Руси (Г. Федотов), затем татарская власть слабела, была отброшена и образовалось непохожее на западноевропейские (хотя примерно в то же время) централизованное государство. Поколебленное реформами Петра и последующей европеизацией, оно было реанимировано большевиками. Его называли «государством правды» (М. Шахматов), «тоталитарным государством» (Н. Бердяев), «народной монархией» (И. Солоневич).

Луков В. Есть ли возможность перечислить и некоторые противоречия?

Кантор В. Все права были у верховной власти, подданные имели только обязанности, но они мирились с этим, поскольку их вынуждали к тому два обстоятельства социально-психологического характера, роль которых в истории много больше, чем мы традиционно считаем. Во-первых, преобладающим моментом была психология осажденной крепости: кругом враги (так оно и было), природных преград никаких, крепость можно построить не из камней (еще С. Соловьёв подчеркивал, что, в отличие от Европы, Россия – страна деревянная (а дерево, как известно, горит), защита же – из тел жителей этой крепости (Ф. Нестеров). Поэтому личность не ставилась ни во что, надо всем преобладали интересы государства. Именно этот архетипический фактор народной психологии столь удачно использовали большевики, объявив страну в кольце буржуазной осады. Во-вторых, изолированность и связанный с ней мессианизм. Менялись цари, менялись социальные структуры, но чувство изолированности и мессианизма оставалось. Возникло оно, возможно, как результат византийского наследия, которое через Балканы (Сербию и Болгарию, неудачно претендовавшую на роль Третьего Рима) утвердилось в России, единственной политически независимой стране с православной верой. Отрезанные татарами от Европы, идеологи российского православия охотно принимали

восхваления униженных и разгромленных греков, болгар и сербов, уверявших москвитов, что они одни являются спасителями подлинного христианского благочестия. В момент освобождения от многовекового ига это падало на весьма восприимчивую почву и льстило национальному самолюбию.

Гуревич П. Вероятно, в числе базовых ценностей русского народа можно назвать и мессианство?

Луков В. Мессианство в российском менталитете обнаруживает себя тотчас же, как только речь идет о возрождении национального самосознания, о сохранении исторического пути России. Мы это обнаруживаем и в сочинениях старшеклассников, когда они посвящены, например, такой мировоззренческой теме, как «Что значит быть русским сегодня?».

Гуревич П. С другой стороны, и игнорирование ментальных основ русского национального самосознания привело к печальным последствиям, что поставило Россию на грань выживания как в мире, так и внутри страны. Мессианство предполагает и жертвенность.

Луков В. Между тем, духом мессианства заражены сегодня многие публицисты и политики. Путин, говоря о возрождении русского самосознания, несомненно, обращается к хорошо знакомым сюжетам.

Гуревич П. Известный парадокс заключается, на мой взгляд, в том, что многие публицисты апелляцию к славянофильству выражают через идею преемственности русского дух... Не поругание «отеческих гробов» всей тысячелетней российской истории, а сознательное принятие былого мессианства. Впрочем, кое-кто и предлагает отказаться от обращения к былой идеологии, преодолеть этот соблазн. Но у известного евразийца это означает, что русскому народу предназначено утвердить глобальную, универсальную истину, значимую для всех народов Земли.

Кантор В. Что же происходит в последние годы? Тирания принудительного единомыслия ушла, но многие жалуются: стало легче дышать, но труднее жить. Исчезает духовность, творческое начало. Принуждение политическое сменилось экономико-социальным. Люди не думают о высоком, стали прагматиками, стараются жить на западный манер, «продавая свое духовное первородство за чечевичную европейскую похлебку». Можно, конечно, ответить банальностью, что тому, кто хочет жить духовно, помех нет, бочка Диогена и служба ночным сторожем всегда

возможны, а вообще-то за свободу надо платить, и что ни дай – ничего не жалко. И если культура не сумеет противостоять натиску денежного мешка (хотя противоборствовала государству), то очень обидно, но тогда такую духовность не жаль: во всяком случае, западные интеллектуалы, писатели и художники постоянно показывают, что они способны на независимость. Но лучше не говорить банальностей, а посмотреть на конкретные идейно-смысловые сдвиги в нашей культуре за последние тридцать лет. После колоссального выброса энергии, длившегося с 1917 г. до середины 1950-х годов, русский народ не выдвинул ни одной мессианистической доктрины и не воспринял таковой. Основная идея, начиная с Хрущёва, – жить не хуже, чем в Европе и Америке («Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла!»). Пропал страх перед государством, а также любовь к нему. Уже в 1970-е годы в передовых слоях интеллигенции развивается апология частной жизни в противовес коллективно-государственной. А интеллигенция в России задает направленность социально-общественного движения. Октябрьская революция явилась, как полагают весьма многие, результатом усилий русской интеллигенции и русской литературы. Именно поэтому, так говорят теперь, революция 1917 г. была великим порывом и прорывом к светлому будущему, пусть даже не состоявшимся. А в наши дни торжествуют мещанин и спекулянт безо всяких идейных запросов. Но, надо сказать, что и нынешний перелом связан с полувековым (если не больше) стремлением русской интеллигенции (диссидентство и вся потаенная, тамиздатовская и самиздатовская литература) вернуться на тот путь европеизации, с которого она сама помогла сойти России в 1917 г. Именно это и происходит. Причем с невероятной активностью. И характерно, что нынешние радикалы – националисты и неоккоммунисты – мечтают не о новых победах, а пытаются сохранить хоть что-либо из старого. Речь идет не только о территориальных потерях и приобретениях, но и об идейно-духовном наследии, которое, как им кажется, полностью отвергнуто. Забыв о «светлом будущем», все хотят быть уверенными не в послезавтрашнем, а завтрашнем дне. Но пока по-прежнему живут «настоящей минутой». Слишком укоренен страх перед непредсказуемыми действиями государства, на первый взгляд, бессильного, но притом вполне замещающего собой гражданское общество. Точнее сказать, оно бессильно в области защиты человеческой личности, а также потеряло власть и желание принуждать граждан к труду, но, как

прежде, всесильно в своих помехах развитию независимой от него экономики.

Государственные структуры хотят все так же контролировать экономику, чтобы собирать с нее жатву удушающих налогов и взяток. От этой неопределенности в нашей жизни царит по-прежнему беспредел, не регулируемый даже идеологией. Избавленное от коммунистических и партийных обязательств и прикрытий, российское троюковское хамство стало откровенным. Население растерянно, как больной после гипнотического сна. К работе больше не принуждают, а по-другому еще надо научиться. Поэтому в глазах агрессивность, безумие и тоска по палке, заставлявшей что-то делать. Бытовой пример: машины, почувствовав себя без надзора ГАИ, несутся не обращая внимания на светофоры и травят пешеходов, как озверелые охотники несчастных зайцев. Без палки кажется, что «все дозволено». От реализма западных людей мы еще весьма далеки.

Вместе с тем растет поколение (после двух «небитых» поколений – с середины 1950-х годов), которое не связывает свои надежды на устройство жизни с государством, полагаясь, прежде всего, на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость. Оно жаждет независимости, но что из него получится, выйдет ли оно из стихии спекуляции к организации производства отечественных товаров – бог весть! Научиться работать самостоятельно, без государственного принуждения – задача исторической важности и невероятной сложности. Разрешима ли она? Ясно, что открывшийся путь – это путь не в райскую жизнь, не в светлое будущее, а в очень непростой, не менее жестокий, чем прежний (хотя по-другому), но все же свободный мир. Выдержит ли эту свободу привыкшая существовать по закону военного времени – закону «палки», закону принуждения – российская ментальность?

Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

Луков В. Менять имидж – вовсе не самостоятельная задача, которую можно превратить в изолированный проект, закрыв глаза на все, что происходит. Создавать о себе хорошее впечатление – это задача сопутствующая. Сопутствовать здесь означает и следовать за изменениями, происходящими в стране, и подталкивать изменения вперед. Это примерно как уборка в квартире в ожидании гостей: не старайся хозяева создать благоприятное впечатление у

гостей о своем быте, не тратили бы они времени в канун визита на доведение чистоты до блеска. Тоже, между прочим, важная сторона имиджа: должно быть не просто неплохо, а блестяще. Но и в этом случае недопустимо идти по линии масштабной фальсификации и исходить из установки: какой образ России может понравиться Западу, такой мы ему и рисуем. Здесь интересен пример Китая, который тоже строит свой образ для мира, но не путем отказа от своего существа.

Гуревич П. В Китае начали с реальных, а не имиджевых проблем.

Луков В. В отношении России это тем важнее, что многое уже сделано для подслащивания образа России как тотально-демократической и правильной по западным меркам страны. Но в какой мере это так? К интересным раздумьям приводят данные ряда крупных социологических исследований, которые совсем недавно представили в своей книге «Молодежь России: Социологический портрет» два крупных российских социолога – М. Горшков и Ф. Шереги. В 1999 г. Горшков и Шереги проводили исследование, в котором опрашивали представителей пяти возрастных групп – 16–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65 лет. Цель – прояснить поколенческие связи и различия в сфере исторического сознания. В 2009 г. группа исследователей под тем же руководством провела опрос среди российской молодежи – и тоже задавалась целью увидеть, что и как меняется в историческом сознании нового поколения сегодня. Каковы же итоги? Что-то совпадает с новыми стереотипами пересмотренной российской истории (представленной в учебниках, написанных на деньги Сороса). Например, по характеристике «страх» в лидерах оказался «СССР при И. Сталине» – 68,7%, «СССР при Н. Хрущёве» дал показатель в 3,5%, «СССР при Л. Брежнев» – 5,3% , «СССР при М. Горбачёве» – 6,7%. Но «Российская Федерация при Б. Ельцине» – 50,6%. Меняется разве что представление об источнике страха: как замечают авторы, при Сталине боялись, что посадят, при Ельцине – что убьют. Высший показатель социальной защищенности дало время Брежнева (75,9%), а низшие показатели – по временам до революции 1917 г. (6,0%) и опять же при Ельцине (7,3%). Зато по межнациональным конфликтам в историческом сознании молодежи соответствующей эпохи нашей новейшей истории опять впереди всех времена Ельцина (84,8%) и Горбачёва (45,0%). И по тяжелому экономическому положению Россия при Ельцине набрала больше голосов, чем все

другие эпохи (89,3%, самые близкие по рейтингу, – Россия до 1917 г. и СССР при Горбачёве – по 24,4%). А как с наличием идеалов? Впереди эпохи Сталина и Брежнева (59,6 и 48,6% соответственно) на фоне 5,8% ельцинского периода. И по дисциплине и порядку сталинский период оценен высшим показателем (83,2%), а ельцинский – низшим (2,0%). В лидерах по таким характеристикам, как «быстрое экономическое развитие», «любовь к Отечеству», «чувство гордости», «мощная промышленность», – опять-таки СССР времен сталинщины, зато по таким показателям, как «преступность, бандитизм», «бюрократия», «кризис», «неуверенность в своем будущем», «социальная несправедливость», «коррупция, взятки», «бездуховность», с большим отрывом стоит Россия при Ельцине. Справедливости ради надо отметить, что высокие показатели это время набрало и по характеристикам «возможность стать богатым человеком», «уважение к Православной церкви», «гражданские и политические свободы».

В опросе 2009 г. сохраняется высокий уровень недоверия к демократическим институтам государства и гражданского общества (к Госдуме, политическим партиям, профсоюзам и т.д.). Только 9,1% опрошенных молодых россиян считают, что внутренняя политика России полностью совпадает с интересами молодежи, а 33,9% считают, что не совпадает. В общем, для идиллического образа России, как готовой идти по западному пути, указываемому МВФ и другими могущественными структурами глобализации по-американски, оснований мало. И надо ли уходить от образов, укрепившихся в народе и передающихся новым поколениям в семье, в ближайшем кругу общения? Лучше бы разобраться, почему в исторической памяти новых поколений, уже не знающих действительности СССР, атакованных идейными противниками социализма – и зарубежными апологетами капитализма, и своими ренегатами, развращаемыми СМИ и рекламой легкой наживы, столь сильны следы советского прошлого, надежды на сильную власть, на государственную заботу. Это наша российская слабость – или специфика, которую терять нам вовсе несподручно, даже если Запад ожидает другого? От этого выбора зависит и то, какие PR-технологии окажутся предпочтительными и что в итоге получится с продвижением положительного имиджа России. Во всяком случае, ясно, что фальшивый образ нам не выгоден, и он будет разоблачен быстро и бесповоротно.

«Вестник аналитики», М., 2010, № 1, с. 108–132.

А. Юнсова,
доктор исторических наук
ИСЛАМ В РОССИИ

Этноконфессиональные процессы с участием ислама в России носят, с одной стороны, более или менее конструктивный, направляемый и регулируемый общественной потребностью, синергетический характер. Можно сказать, что преодолены разрушительные последствия «отделения государства от Церкви», постепенно преодолеваются последствия и более поздних просчетов и ошибок духовных лидеров, вставших в 90-е годы прошлого века на путь раскола еще слабой российской уммы. Большинство исследователей уверены в том, что возрождение ислама в России состоялось.

Вместе с тем, именно сегодня в российском исламе обозначилось несколько, кроме отсутствия организационного единства и недостатков религиозного образования, проблем, которые разрушают ранее сформировавшиеся идиллические представления об этом самом возрождении. Характеризуя результаты постперестроечного – для российского ислама – периода, Дамир Хайретдинов пишет: «В те времена (начало 90-х годов) мусульманские лидеры действительно не знали, что им следует предпринять в первую и вторую очереди в тех новых для них условиях, и по-настоящему боролись с произволом чиновников и отсутствием финансов – все это верно и правильно; но так же верно и другое – уже тогда многие имамы и лидеры определили для себя совершенно иной, нежели религия, круг ценностей, и впоследствии занимались только своими узкими интересами. Не произошло полного слияния интересов народа и его религиозных наставников, а в некоторых, особо запущенных случаях, случилось полное отчуждение мусульманской общины от своего официального лидера. Результаты этого видны сегодня: клановость, наследственность, образование закрытых корпоративных групп вокруг многих и многих мусульманских деятелей России. Безусловно, раскол среди имамов явился одним из последствий ограниченности интересов того или иного лица. В этих условиях рост оппозиционных настроений среди некоторых слоев мусульманского населения, особенно среди молодежи, стал не просто возможен, но и объективно неизбежен. Исламские лидеры не предприняли практически никаких шагов в сторону согласования позиций различных групп, и именно тогда возникли общины,

получившие, с легкой руки некоторых муфтиев, разные прозвища и наименования. Семена вражды, давшие свои ростки не только на Кавказе, но и уже во многих исконно татарско-башкирских районах, были посеяны несколько лет назад, и об этом мусульмане должны помнить и знать сегодня».

В разделенном мусульманском пространстве получили распространение радикальные идеологии, с удивительной легкостью находили своих последователей запрещенные в Российской Федерации экстремистские религиозно-политические организации, такие как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Сегодня с участием мусульманских лидеров, или без участия таковых, в российском исламе происходит:

- передел исламского пространства России, как между старыми участниками раскола, так и между новыми акторами – лидерами различных движений с исламскими лозунгами и риторикой;
- политизация мусульманского духовенства;
- «национализация» ислама, сращивание религиозного экстремизма на почве ислама с национализмом региональных «пассионариев».

Кроме того, религиозные деятели, справедливо отстаивающие самоуправляемость мусульманской общины, стали претендовать на исключительное право в решении экономических, юридических, конституционных вопросов, являющихся прерогативой государства. И это при том, что в самой умме едва ли найдется с десяток тех, кто обладает соответствующими для решения подобных вопросов знаниями.

Названные явления характерны для тюрко-мусульманского социума всей России и в то же время могут быть рассмотрены на примере Южного Урала в силу того, что он:

- а) находится в самом центре России;
- б) мультиэтничен;
- в) поликонфессионален;
- г) здесь есть определенное равновесие между русскими/нерусскими, православными/мусульманами – т.е. двумя основными составляющими России в этнонациональном и религиозном плане. Основными региональными акторами здесь, в системе Россия/этнос и Православие/Ислам, и выступают Республика Башкортостан, Челябинская, Оренбургская области, Южный Урал.

О состоянии мусульманских объединений на Южном Урале

В политико-административном плане Башкортостан и Оренбургье интегрированы в Приволжский федеральный округ, а Челябинская и Курганская области – в Уральский. Однако исторически и географически все четыре субъекта Федерации всегда являлись частью единой Южноуральской этногеосистемы. Они объединены не только географическими понятиями, такими как Урал, Уральские горы, Южный Урал, Приуралье, Зауралье. При всей специфике каждого из субъектов региона для него в целом характерно устойчивое сохранение этнокультурного разнообразия, а для населения – поведенческая адаптивность, общая толерантность этносов и почти полное отсутствие социокультурной неприязни к другим народам. Традиции хозяйственной деятельности, общие ценностные установки, народная этика в совокупности с религиозной практикой, особенности коммуникативного поведения – все способствует сохранению единого духовного пространства Южного Урала. История региона подтверждает неизбежность его многонациональности и поликонфессиональности в качестве доминант этнокультурного и общественно-политического развития. Ислам и другие религии здесь обладают мощным консолидирующим ресурсом общегражданского единства и развития каждого из этноконфессиональных сообществ. Однако объединенные в общем политико-правовом и историко-культурном пространстве южноуральские мусульманские религиозные приходы разобщены организационно. Юридически большинство из них находятся в ведении Центрального Духовного управления мусульман России (ЦДУМ), канонически и ментально тяготея к историческому духовному ведомству, олицетворяющему российский ислам вот уже 220 лет. Вместе с тем, значительная часть приходов находится под юрисдикцией Совета муфтиев России (СМР). Распространяет свое влияние на регион и Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР).

Республика Башкортостан. В Республике Башкортостан действуют семь религиозных центров, 1363 религиозных объединения различных конфессий. Православие и ислам являются ведущими конфессиями, их объединения составляют 89% от общего количества религиозных организаций (около 69% – мусульманские, 20% – православные). Протестантские формирования (баптисты,

адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, мормоны) составляют 11%.

Мусульмане Башкортостана объединены тремя духовными центрами, все они находятся в Уфе:

– Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ) в составе 427 мусульманских приходов и четыре медресе. Председатель и муфтий с 1992 г. Нурмухамет Нигматуллин (Нигматуллин Нурмухамет Магафурович), член Совета муфтиев России;

– Центральное Духовное управление мусульман России (ЦДУМ). Председатель и Верховный муфтий ЦДУМ Талгат Таджуддин (Таджуддинов Талгат Сафич). Под эгидой ЦДУМ находится также более 20 региональных духовных управлений в субъектах РФ;

– Региональное Духовное управление мусульман Республики Башкортостан в составе ЦДУМ учреждено на съезде представителей местных мусульманских религиозных организаций, действующих на территории РБ и входящих в ЦДУМ, в 2003 г. Председатель и муфтий Таджуддинов Мухаммад Талгатович. В ведении РДУМ РБ находится 392 мусульманских прихода и одно высшее учебное заведение – Исламский университет.

Всего в республике 819 мусульманских религиозных объединений, из них 94,2% расположены в сельской местности и только 5,8 % – в 17 городах республики. В городах республики действуют также пять мусульманских учебных заведений: Исламский университет им. Р. Фахретдина (Уфа), медресе им. Марьям Султановой (Уфа), «Галия» (Уфа), «Нур аль-Ислам» (Октябрьский), «Нур аль-Иман» (Стерлитамак).

Оренбургская область. Ислам представлен 133 мусульманскими религиозными организациями, входящими в три муфтията: Региональное Духовное управление мусульман Оренбургской области (РДУМ, г. Оренбург, муфтий Хайруллин Абдульбарихазрат), Центральное Духовное управление мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият, г. Бугуруслан, муфтий Шангареев И.К.) и «Ассоциация мечетей России» (г. Москва, муфтий Шангареев И.К.), включающие 84, 16 и 33 организации соответственно. В пользовании и собственности мусульманских религиозных организаций области находятся 71 культовое здание и 24 молельных дома, 13 воскресных школ, два медресе. Мусульмане издают одну газету. Всего, по данным на 2007 г., в городах Орен-

бургской области действует 15 мечетей, в том числе: в Оренбурге – 9, в Бугуруслане – 1, в Бузулуке – 1, в Кувандыке – 2, в Медногорске – 1, в Новотроицке – 1, в Орске – 1. Внутренние разногласия в мусульманских приходах, разделенных, как и в Башкортостане, на три духовных центра, дестабилизируют общество. Ситуация осложняется тем, что религиозные организации используют в борьбе за лидерство общественные и национальные объединения, инициируют различные обращения, воззвания, взывают к национальным чувствам. Кроме того, известно, что городские мечети и учебные заведения используются представителями экстремистских течений для распространения литературы, листовок, аудио- и видеокассет, о чем свидетельствуют известные события в медресе «Аль-Фуркан». Закрытие медресе не снизило уровень напряженности в мусульманской среде области. 25 августа 2007 г. в г. Бугуруслане Оренбургской области прошел внеочередной съезд «Ассоциации мечетей России» (АМР) и Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият), который удовлетворил просьбу Исагила Шангареева освободить его от должности председателя АМР, однако сан муфтия за ним оставлен пожизненно. Новым председателем АМР и Бугурусланского муфтията выбран заместитель муфтия Исагила Шангареева Асхат-хазрат Шафигуллин. ДУМ ОО (Бугурусланский муфтият) вошло в Оренбургское РДУМ.

Челябинская область. Этнические мусульмане – татары, башкиры, казахи – составляют 13,3% населения Челябинской области. В Челябинской области 69 мечетей, самые крупные из них – Каменная мечеть (Ак-мечеть) в Челябинске (в общей сложности в городе действуют девять мусульманских общин, которые объединяют примерно от 3 до 5 тыс. верующих); мечеть на хут. Миасском (Металлургический район); мечеть Исагила в Курчатовском районе. До недавнего времени мусульмане Челябинской области находились в сфере интересов двух духовных управлений – ЦДУМ (Т. Таджуддин) и Духовного управления мусульман Азиатской части России (председатель Н. Аширов). От имени ЦДУМ муфтием (Г. Шакаевым, после его смерти – Р. Раевым) были объединены зарегистрированные общины мусульман Челябинской и Курганской областей. Сегодня муфтий Р. Раев, одновременно являющийся ректором Российского исламского университета в Уфе, стал именоваться муфтием Южного Урала, а официально он назначен главным муфтием Уральского федерального округа. Второй центр ру-

ководит общинами, признающими решение Духовного управления мусульман Азиатской части России. Представителями ДУМАЧР в Челябинской области были выходец из Сирии Салех Абдель Рахман Гази и Махмуд Габидулин. В настоящее время заметно стремление исламских структур, входящих в Совет муфтиев России, распространить свое влияние на мусульман Челябинской области. За последние два года созданы две общины от Духовного управления мусульман азиатской части России (ДУМАЧР), три общины «Ассоциации мечетей России» (АМР), одна община от Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР). По инициативе ДУМЕР под его юрисдикцией 28 июля 2007 г. была заложена мечеть в д. Акбашево Аргаяшского района. Судя по тому, что в закладке приняли участие Равиль Гайнутдин (председатель ДУМЕР, председатель СМР), Нафигулла Аширов – председатель ДУМАЧР, и Шамиль Аляутдинов – имам Московской мемориальной мечети, заместитель председателя ДУМЕР, а также учитывая, что одновременно состоялось «выездное» заседание Совета муфтиев России, открытие мечети можно расценивать как намерение создать «параллельный» муфтият. Он может быть учрежден в результате регистрации трех общин, которые имеют возможность создать ДУМ согласно п. 4 ст. 8 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». О намерениях вытеснить ЦДУМовское духовенство свидетельствует развернувшаяся кампания по дискредитации муфтия Р. Раева. Например, Г. Ахметшина в статье «“Оборотни в чалмах” препятствуют строительству мечети в деревне Акбашево» утверждает, что Челябинское отделение ЦДУМ в народной среде уже давно прослыло «гарантом нераспространения ислама». Инициатором кампании является общественно-политическое движение «Российское исламское наследие» – РИН, а ее проводником в Челябинской области – член Совета РИН, имам мечети г. Озерска (Духовное управление мусульман Европейской части России – ДУМЕР) Габдулла Шаймарданов, который предпринимает попытки по объединению «параллельных» исламских общин, не входящих в Челябинское региональное Духовное управление мусульман (Аша, Усть-Катав, Челябинск, Озерск, Чебаркуль, Златоуст, Миасское). В одном из информационных сообщений он уже был представлен как «председатель совета имамов Челябинской области».

Курганская область. Мусульманские объединения Курганской области также находятся под юрисдикцией двух духовных центров – ЦДУМ и ДУМАЧР, между которыми не прекращается

противостояние. Здесь действуют 39 мусульманских религиозных организаций, 23 из которых входят в Региональное Духовное управление мусульман Челябинской и Курганской областей Центрального Духовного управления мусульман России (ЦДУМР), 16 – в Казыятское управление мусульман Курганской области Духовного управления мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР). Как считает И.И. Аносов, в Челябинской области заметно совпадают как интересы ДУМЕР, СМР и РИН, так и конкретные проводники этих интересов. Это совпадение интересов заметно также и в Башкортостане, и в Оренбургской области, и в целом в России, оно свидетельствует о сохраняющейся тенденции передела российского исламского пространства. Однако избранная руководством ЦДУМ совместно с чиновниками «мера пресечения» – избрание-назначение Р. Раева муфтием Южного Урала – вряд ли способна решить проблему сохранения мусульманских общин двух областей под юрисдикцией исторического духовного управления.

Передел исламского пространства России и его первые результаты

ЦДУМ и его подразделения (РДУМы) являются оплотом традиционного ислама – неполитизированного, умеренного, толерантного и спокойного, выражающего полную лояльность государству и его законам. В среде духовенства отмечается низкий уровень политической активности, сравнительно низкий уровень религиозного образования, ограничение духовных функций культовой обрядностью в той степени, которая удовлетворяет прихожан. Данные характеристики не следует рассматривать с точки зрения «плохой»/«хороший», они лишь констатируют реальную ситуацию, которая заметно не вписывается в современные тенденции развития российского ислама и вызывает критику ряда мусульманских лидеров, общественных исламоориентированных движений, особенно молодых мусульман, которые «ждут перемен». Находясь на стыке Европы и Азии, между Сибирью и Центральной Россией, мусульманские объединения испытывают на себе большое влияние двух центров политической консолидации ислама во Внутренней России, которые сложились после раскола ЦДУМ в 90-е годы прошлого века, – Совета муфтиев России (Москва) и Духовного управления мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР). СМР и ДУМАЧР давно и прочно объединены общими интересами, амби-

циями, коммерческими партнерами и финансовыми спонсорами. Фактически ими произведен раздел мусульманского пространства Внутренней России: до Урала распространяет свое влияние СМР (Равиль Гайнутдин), за Уралом – ДУМАЧР (Нафигулла Аширов). К ним примыкает движение «Российское исламское наследие» (РИН), деятельность которого до последнего времени осуществлялась с учетом интересов СМР и ДУМАЧР.

Между ними остается ЦДУМ (Талгат Таджуддин), чье влияние распространяется на половину приходов каждого из южно-уральских регионов, на часть приходов Пермской, Ульяновской, Свердловской областей, Чувашии, Марий Эл, Мордовии. Число подведомственных ЦДУМ приходов непостоянно, параллельно с открытием мечетей ЦДУМ зачастую строятся и открываются мечети СМР и ДУМАЧР, часто после открытия мечети и отъезда представителей ЦДУМ прихожан уговаривают перейти в другое подчинение. В настоящее время к открытию мечетей подключается ООД «Российское исламское наследие», как это было в Челябинской области, хотя это не входит в его уставные функции, а вот культурное наследие мусульманской цивилизации Поволжья, Урала, Сибири и Кавказа остается за пределами внимания этой структуры.

К чему это приводит? На примере Поволжья мы видим, что в результате раскола ЦДУМ и создания множества муфтиятов за короткий период произошли качественные изменения в мусульманском (главным образом – татарском) сообществе. Здесь его отличает высокая общественная и политическая активность мусульманских объединений и лидеров, нередкое позиционирование ислама в качестве альтернативы общенациональной идеи, а мусульманской элиты – в качестве идеологической оппозиции, тенденции модернизации ислама, новации в сфере развития мусульманской экономики, культуры и образования, тесные контакты с зарубежными исламскими фондами. Здесь – передовой, сравнительно молодой – по возрасту лидеров, быстро адаптирующийся к современным экономическим условиям, но вместе с тем и политизированный ислам. Мусульманское духовенство данного региона оказалось наиболее восприимчиво к различного рода радикальным исламским идеологиям, уверенно отстаивает интересы экстремистских организаций в судах, создает правозащитные центры. Кроме того, оно само зачастую является генератором радикальных требований и претензий в отношении государства и власти («Манифест»

Умара Идрисова, требования ввести пост вице-премьера из числа мусульман, квот в Госдуме по религиозному принципу и пр.).

Носителями политической активности и политизации ислама в Поволжье являются представители татарского этноса. В регионах Поволжья слова «татарин» и «мусульманин» воспринимаются как синонимы, а «ислам» – как религия татар. Ислам и его лозунги востребованы татарской политической элитой в качестве инструмента мобилизации политической активности этноса, и само «возрождение» ислама здесь происходит (произошло) под знаком возрождения татарской нации.

В Башкортостане, Оренбуржье, Челябинской и Курганской областях ислам, как было сказано выше, аполитичен, не является фактором давления на государственную власть. Что касается «башкирского» ислама, то он остался вне сферы инициатив идеологов башкирского национального возрождения, как в период становления государственного суверенитета, так и сейчас, когда федеральный центр постепенно выводит из употребления словосочетание «государственный суверенитет национальных республик». Ислам политически не востребован башкирской политической элитой, не стал лозунгом политических манифестаций башкирской молодежи, просто остался верой башкир. Такой ислам вполне вписывается в этногеосистему Южного Урала. В наибольшей степени это связано именно с историческими особенностями распространения и функционирования мусульманства на данной территории. Характеристики ислама Поволжья в самой незначительной степени свойственны для ислама на Южном Урале и в Зауралье, где наблюдается смешение этнических мусульман – сибирских татар, казахов, башкир. По мере продвижения на восток, ислам все более характеризуется возрождением традиционализма, низким уровнем социокультурной мобильности мусульман, устойчиво сохраняющимся различием «сельского» и «городского» ислама, ориентацией духовенства и лидеров на государство и демонстративной лояльностью по отношению к высшему руководству страны и региональным властям.

Усиливающаяся активность представителей СМР и ДУМАЧР в регионах, подведомственных ЦДУМ, свидетельствует о сохраняющейся тенденции передела российского исламского пространства. Целью является формирование в пределах России своего рода исламского холдинга. По сути он уже существует в лице СМР, ДУМАЧР и ООД «РИН». Появились и новые акторы процесса, вы-

ступающие с позиции противостояния не только традиционной организационной системе ислама в России, но и системе государственно-исламских отношений. Носителями политического ислама, оппозиционного «режиму Путина–Медведева», выступили «Исламский комитет» Гейдара Джемалы и инициированные им же структурные подразделения движения «Нация ислама» в регионах страны. При этом также используются методы сетевого маркетинга, позволяющие строить разветвленные иерархические структуры.

Передел исламского пространства и формирование исламской политической оппозиции осуществляются в условиях реальной опасности массового распространения радикальных и экстремистских идеологий в мусульманской среде. В 2005–2008 гг. в Челябинске, Магнитогорске, Оренбурге, Туймазах, Баймаке, Бугуруслане, Екатеринбурге – во всех областях Урала и Приуралья – были заведены уголовные дела по факту деятельности экстремистской религиозно-политической партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и других радикальных организаций, построенных по системе разветвленных иерархических структур. Оба этих явления отражают общую тенденцию формирования в России новых структур «нового ислама» и «новых мусульман». Первый этап этого процесса – противостояние традиционному исламу во всех его проявлениях – организационном, социокультурном, ментальном. При этом избран один из самых эффективных методов поражения конкурента – его циничная дискредитация, массированная атака на носителей традиционного ислама с использованием СМИ и электронных технологий, с поиском поддержки в правительственных органах, Госдуме, в окружении президента страны.

*«Этнос. Общество. Цивилизация:
II Кузеевские чтения». Уфа, 2009, с. 36–40.*

Екатерина Макарова,
публицист (Татарстан)

ОБРАЗ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА

Национальная элита в любой стране выступает в качестве важнейшего символа, сам факт наличия и облик которого объединяет население этой страны. Своим примером представители элиты создают образец поведения, который затем тиражируется всеми

остальными членами общества. И если следовать этой логике, то можно сказать: какова элита, таково и общество, и наоборот. Адекватные представления населения о правящих элитах можно рассматривать как специфическую социальную компетенцию, без которой невозможно правильно ориентироваться в социальной реальности. Если основная масса населения достаточно хорошо понимает, кто ими управляет, на что способны «верхи» и что можно от них ожидать, то процессы саморегулирования в обществе легче настраиваются на оптимальные режимы, если нет – общество охватывает иллюзорное чувство благополучия или, наоборот, преувеличенное ощущение того, что «все плохо». Эти психологические состояния по-своему деструктивны, только первое обычно ведет к застою, второе – к постоянной нестабильности и росту издержек на обеспечение хотя бы минимального спокойствия и порядка.

Ослабление центральной власти в 90-х годах привело к укреплению власти региональных элит. Стремительное повышение роли и статуса региональных элит, которые в советское время были всего лишь послушными проводниками политики верхов, оказалось не подкрепленным организационно; российская провинция испытывала дефицит квалифицированных лидеров, носителей свежих идей. Региональная элита в ее современном виде сформировалась из выходцев из бывшей партноменклатуры, а также из хозяйственных руководителей. При этом естественно предположить, что «кадровая политика» в провинциях в таком случае имеет сильный личностный акцент, направленный на формирование внутренние сцементированных команд или кланов, связанных клиентурными связями (процессы теневилизации, традиционализации и этнизации).

Наши основные гипотезы, вокруг которых организовано дальнейшее обсуждение, заключаются в следующем. Для обеспечения доступа в административно-политическую элиту неформальные связи играют более существенную роль, чем обезличенные конкурентные и меритократические процедуры и правила. Для вхождения в республиканскую элиту национальность гражданина имеет сильное значение. Современная административно-политическая элита не соответствует качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою. Образы существующей власти отличаются от ее эталонных представлений.

Отношение населения к государственной власти в значительной мере обусловлено коррумпированностью, бюрократизмом и

произволом ее представителей. Следует говорить о форме политико-правового отчуждения государственной власти от народа, которое обусловлено также последствиями глобального экономического кризиса. Результаты его влияния на государство и общество могут привести к разрушению базы социальной поддержки, воспроизведению предпосылок для массовых социально-политических протестов.

Это подтверждается и характером распределения ответов на вопрос о реакции граждан в повседневной жизни на действия республиканских властей: 49,90% опрошенных вынуждены приспосабливаться; 20,87% одобряют, поддерживают действия республиканских властей; 18,29% стараются держаться от власти в стороне; 3,57% относятся с неприязнью, когда возможно, противодействуют им. Полученные данные могут свидетельствовать о психологическом отчуждении населения от власти, что едва ли может способствовать формированию гражданского общества, развитию стремления граждан участвовать в управлении. Федеральная элита пользуется высоким авторитетом только у 23,30% опрошенных (региональная – у 15,33%), средним – у 53,78% (в данном случае ответы респондентов распределились поровну). Низким авторитетом пользуется административно-политическая элита федерального и регионального уровней у 16,53 и 23% соответственно. В целом авторитет федеральной элиты выше, чем авторитет региональной элиты.

Если рассматривать причины, которые мешают повысить авторитет правящей элиты среди населения, то первая по значимости группа причин – это проявление ею негативных наклонностей к коррумпированности, взяточничеству (60,79% на федеральном и 56,38% на региональном уровне), бюрократизму (по 37,66% и 32,37% соответственно). Это уже не просто оценка сложившейся ситуации в стране, а вполне сформировавшийся образ элиты в глазах населения, отличительные черты которого – «бюрократ», «коррупционер». Подобный стереотип очень сложно сломать – для этого нужно изменить условия и факторы влияния на процессы функционирования и развития государственного управления, а не ограничиваться кампаниями по «чистке рядов» и лозунгами о борьбе с негативными явлениями, которые имеют в большей степени социальную, нежели административную природу.

Следующей причиной, снижающей авторитет правящей элиты, участники опроса назвали оторванность от интересов граждан

(44,93 и 44,49%). Это очень важный фактор. И если население отмечает отрыв интересов правящей элиты от общегражданских интересов населения, то это свидетельствует о дисфункциональности организации всей государственной власти и управления.

Третья группа причин – это профессиональная недостаточность административно-политических элит (пренебрежение к законам – 29,29 и 31,71% опрошенных, низкие нравственные качества – 24,05 и 26,21, слабая профессиональная подготовка – 20,04 и 29,29%). Эти качества правящих элит оцениваются населением в основном под воздействием различных информационных источников (СМИ, знакомые и т.д.). Но в совокупных оценках они имеют достаточно большой вес для того, чтобы учитывать их при анализе причин низкого уровня доверия населения к государственной власти и соответствующего ему уровня авторитета правящей элиты. Проявление негативных наклонностей (коррупционированность, взяточничество, бюрократизм), а также оторванность от интересов граждан присущи больше федеральной элите, в то время как региональную элиту население чаще уличает в профессиональной недостаточности. В целом авторитет региональной правящей элиты ниже, чем авторитет федеральной элиты. Следовательно, профессионализм административно-политических элит является не менее важным фактором повышения авторитета административно-политических элит среди населения, чем степень их интегрированности в общество и отсутствие негативных наклонностей.

Принципиально важным свидетельством сложившегося отношения населения к административно-политической элите Республики Татарстан является уровень общественного доверия, где мнения населения расположились на двух противоположных полюсах: 48,10% опрошенных выразили свое недоверие к республиканской элите, а 43,33% доверяют ей. При этом затруднились ответить на данный вопрос всего 7,75% респондентов. Отсюда следует, что уровень доверия к правящей элите у населения не очень высок, оно пока не видит в элите полноценного социального партнера.

По результатам социологического исследования, большинство опрошенного населения (82,85%) полагает, что сегодня в республике власть реально принадлежит «президенту Республики Татарстан и ближайшему его окружению». Мнение опрошенного населения дополняет мнение экспертов, согласно которому структура элиты Республики Татарстан расположена концентрическими кругами вокруг президента: наиболее близкий круг – «семья»

(близкие родственники); следующий круг – друзья «семьи»; третий круг – «социально близкие» высокопоставленные функционеры (этнические татары – выходцы из деревень); четвертый круг – «приближенные к трону» (функционеры, выдвинувшиеся благодаря деловым качествам, но с учетом безусловной личной лояльности по отношению к первому лицу). 32,64% респондентов считают, что власть в республике принадлежит богатым людям: коммерсантам, предпринимателям, банкирам, 21,69% – руководителям крупных госпредприятий и их лобби. Сегодня, когда власть тесно переплетается с богатством, ключевое место в социальных представлениях россиян постепенно занимает экономическая элита.

Данное распределение мнений участников массового опроса совпало с мнением экспертов в том, что в иерархии элит Республики Татарстан экономическая элита следует сразу за политической. Остальные ответы респондентов на вопрос: «Кому сегодня реально принадлежит власть в республике?» – распределились следующим образом: коррумпированной части аппарата управления – 20,45%, отдельным политическим партиям и общественным организациям – 19,83, полномочному представителю Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе – 12,19, криминальным структурам – 12,19, Законодательному собранию – 9,71%. На вопрос: «Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства республики?» – на первом месте: «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (42,45%). На втором месте ответ: «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (35,56%). Третья ранговая позиция носит неопределенный характер. «В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации» (30,60%). На четвертом месте расположился ответ: «У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желания изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью» (21,55%). Только 19,18% указали на то, что «высший слой администрации сформировался современным демократическим путем».

Многонациональный состав Российской Федерации определяет общественную потребность в пропорциональной представленности в составе административно-политических элит всех населяющих ее народов и народностей. Это относится и к общефедеральным элитам, и особенно к административно-

политическим элитам субъектов Федерации. Этнозация республиканских политических элит – сложный и многоуровневый феномен, не сводимый к механическому увеличению в их рядах числа представителей титульного для каждой республики этноса. Тем не менее степень проявленности данной тенденции наиболее наглядно прослеживается именно на основе возрастания представленности титульного этноса в высших структурах республиканских властей. В Республике Татарстан по этническому составу более 80% административно-политической элиты составляют татары, остальные – представители иных этнических сообществ. Если эти цифры сопоставить с данными об этническом составе населения Татарстана (48,3% татар, 43,5% русских и 8,2% представителей других национальностей), то можно сделать вывод, что этнический состав элиты не адекватно отражает этнический состав населения Татарстана. Результаты проведенного исследования показали, что сильную зависимость национальной принадлежности выделили 31,41% опрошенных и еще 32,41% отметили заметное, но не сильное влияние этого фактора. Это в совокупности мнение более половины респондентов (63,81%), что свидетельствует о наличии достаточно существенной проблемы, связанной с национальным вопросом в системе государственного управления. Отрицают влияние национального признака при вхождении в республиканскую элиту 32,99% опрошенных (суммарный процент отрицательных ответов: «Скорее не имеет» – 18,88% и «Не имеет никакого значения» – 14,11%). И только 3,18% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Результаты проведенного анализа также показали, что в общественном мнении адекватно отражаются и реальные властные позиции в элитном сообществе, четко сформулирован первоочередной запрос к качественному составу и эффективности деятельности элит. Вырисовывается идеальная модель административно-политической элиты – это патриот с прагматическими общегражданскими установками.

Общему «смысловому рисунку» идеального образа цели и побуждения, которыми руководствуется сегодня российская элита, соответствуют в массовом сознании следующим образом. Мотивы, предписываемые представителям элиты, являются важными показателями отношения граждан. Результаты исследования показывают, что в основе ценностей, преобладающих среди представителей административно-политической элиты Республики Татарстан, на-

селение, прежде всего, видит власть, влияние – 52,07% опрошенных, успешную карьеру – 51,86, а также достаток и материальную обеспеченность – 51,24%. Вторую по значимости (в оценках населения) группу ценностей представителей административно-политической элиты, имеющую более специфическую ориентацию, составляют полезные связи – 49,17%, имидж, репутация – 38,38, стремление занять престижное место в обществе – 35,68, признание и уважение людей – 26,76%.

Гражданский мотив и социально-профессиональные ожидания оцениваются гораздо слабее: это реализация своих профессиональных качеств, творческого потенциала – 24,06%, желание быть полезным обществу и государству – 23,85%. А стабильность, идеалы, вера и убеждения рассматриваются участниками опроса в качестве ценностей, преобладающих среди представителей административно-политической элиты Республики Татарстан в наименьшей степени, – 15,14% и 4,77% соответственно.

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, обращает на себя внимание один парадокс: население значительно выше ценит разрешение элитой возникшей ситуации, нежели ее профилактику, недопущение ее возникновения. Так, абсолютно приоритетно (63,82% респондентов) выделено «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку», на втором месте – «забота о развитии национальной культуры и образования» (41,65%), на почетном третьем месте – «умение лоббировать интересы населения республики» (34,51%), далее – «координация действий различных групп населения» (26,71%). А вот «чуткости к проблемам населения» (26,05%) и умению «патронировать развитие местного бизнеса» (19,38%) отведены низшие места в рейтинге.

Подводя итоги, следует отметить, что отношение граждан к административно-политическим элитам и к системе власти весьма инерционно. В течение многих лет оно формировалось на опыте того, что интересы населения фактически приносились в жертву интересам правящих кланов, корпораций и т.д. Поэтому одной из насущных проблем является формирование корпуса государственных чиновников, и в особенности административно-политической элиты, которая бы на первое место в своей деятельности ставила интересы развития общества или хотя бы стремилась согласовать с ними свои собственные интересы.

«Власть», М., 2010, № 3, с. 97–101.

Г. Клочков,
политолог (г. Астрахань)
**ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ**

По этническому своему составу Южный федеральный округ – самый сложный и самый пестрый регион в Российской Федерации. Поэтому ЮФО всегда был, есть и будет местом постоянного столкновения и диалога этносов, культур и даже цивилизаций. Причем конфликт и диалог здесь будут проходить одновременно, вбирая в себя различные аспекты общественной и духовной жизни личности, общества и государства.

Кавказ является составной частью Каспийского региона. Наряду со Средней Азией он представляет собой «западное» и «восточное» его крылья. Но в отличие от Средней Азии Кавказ в своей северной части является составной частью России, и поэтому наш интерес к каспийско-кавказскому направлению совершенно очевиден. На Кавказе очень высокая плотность населения и сильнейшая клановость. Без стабилизирующего «русского» участия там не обойтись. Люди, которые приезжают на Кавказ работать, должны связать с этим регионом и свое будущее, и будущее своих детей и внуков. Потому что Россия будет развиваться, расти на Юг, на Кавказе. Прирастать, как принято говорить, Сибирью, а расти все-таки на Юге.

Выше мы уже говорили, что, как и все другие политические конфликты, региональные политические конфликты связаны с достижением власти или ее перераспределением в пользу определенного региона или же с изменением политического статуса региона. В указанном регионе они отягощены еще и мощным напором этноконфликтов, которые не всегда совпадают территориально с региональными локальными конфликтами, что делает их развитие малопредсказуемым с научной точки зрения. В этноконфликтах на первом месте стоят не столько политические, сколько этнические традиции. Именно они зачастую первыми определяют политическую культуру региона и динамику происходящих в нем конфликтов. Идея сепаратизма является уже политическим оформлением этнокультурных традиций того или иного региона. Именно сепаратизм обостряет отношения, выводя их на уровень политических процессов. Сама по себе идея сепаратизма уже является конфликт-

ной, а силовой вариант ее решения может расцениваться как деструктивное начало региональной политики.

В республиках Северного Кавказа все еще сильны «традиции гор» – большое значение по-прежнему имеет традиция кровной мести и клановых связей. Поэтому вооруженные внутриклановые разборки здесь происходят постоянно, и официальные власти оказываются не в состоянии расследовать совершаемые на их основе преступления (в том числе и против федеральных сил). Объяснение причин сепаратизма в современный период, к которому мы пришли, на первый взгляд может показаться парадоксальным: национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы. Однако, как мы уже указывали, парадоксальности здесь нет, особенно с учетом того, что безопасность большинства государств обеспечивает фактически мировое сообщество в лице наиболее сильных государств. Россия столкнулась с этой проблемой именно в 1990-е годы, когда государство как институт власти действительно ослабло до такой степени, что «национальные окраины» заговорили даже о трансформации федерализма в конфедерализм.

Традиционное в общественном укладе здесь явно преобладает над инновационным (модернизацией), поэтому классические принципы демократии и либерализма здесь подчас приобретают «экзотические» опенки. В отсутствие внешнего врага – реального или виртуального – традиционное общество уничтожает само себя, т.е. находит крайнего среди своих, распадается на враждующие округа, тейпы, семьи, наконец единицы, – всегда найдется кто-то не столь правоверный или православный, как я сам. Уклад обеспечивает, т.е. вручает разрешение на зверство по отношению к живущим иной жизнью, поощряет и оправдывает – снабжает уважением со стороны менее отчаянных или более вменяемых членов сообщества и позволяет релаксировать в насилии. Убийство населения, а не конкретных должностных лиц, которым перепоручены честь и ответственность принимать и проводить решения, прямо обнаруживает цель – уничтожение не похожих на тебя (по вере, образу мыслей, манере поведения – критерии произвольны), остальное – предлоги.

Северный Кавказ это зона постоянно тлеющего (вялотекущего) конфликта, чаще всего происходящего на уровне кланов (тейпов) даже внутри одного этноса. Классическим примером здесь может служить Чечня 2000-х годов, когда у власти в этой республике оказался клан Кадыровых. Их конфликт с кланом «ямадае-

вых» получил широкое освещение в прессе. Как отмечают российские СМИ, «стороны конфликта не вызывают никакого сочувствия», а саму войну окрестили как «битву Героев России за Москву». Обе стороны обвиняют друг друга в «махновщине» и апеллируют к Москве, ища защиту не столько у закона РФ, сколько у первых лиц государства. Обе стороны до последнего времени имели подконтрольные им воинские подразделения – у Кадырова батальоны МВД «Север» и «Юг», у Ямадаева батальон «Восток» ГРУ Минобороны РФ. Каждый из лидеров был занят переманиванием на свою сторону сторонников противной стороны, прибегая к различным средствам и мерам воздействия. Каждый пренебрежительно отзывался о своем противнике и считал себя выше и лучше него. Президент России Д.А. Медведев, находясь в Дагестане в июне 2009 г., заявил: «Проблемы на Северном Кавказе носят системный характер. Это и сохраняющаяся относительная бедность населения, очень высокий уровень безработицы, просто чудовищные масштабы коррупции. И, к сожалению, зачастую это сопровождается утратой доверия к власти». Последнее обстоятельство является самым опасным, поскольку открывает дорогу к сепаратизму и силовым решениям спорных вопросов. Мир в регионе во многом основывается на авторитете федеральной и местной власти. Коррупция же – самый опасный враг авторитета любой политико-административной элиты. Враг, который сидит внутри страны, развращая и ослабляя всю систему социально-политических отношений.

Коррупция является одним из самых негативных факторов в развитии этнополитических конфликтов современности. По серьезности проблема коррупции в этом регионе стоит на первом плане и объединяется с темой террористической угрозы. О продажности чиновников и политиков много говорят и пишут, как сами политики, так и политически ориентированные СМИ. Общественность постоянно информируется о результатах борьбы с коррупцией, но прекрасно понимает, что эта борьба является частью борьбы политических элит за власть. В таких условиях говорить об искренности и эффективности борьбы с этим социальным злом весьма трудно. Борьбу с коррупцией должны вести государственные органы, но контролировать ее должны общественные организации. Какие именно? Это уже другой вопрос. Но то, что именно институты гражданского общества могут и должны это делать, в демократических странах не вызывает никакого сомнения. Если Россия являет-

ся такой демократической страной, то и здесь должны быть развиты эти сегменты гражданской общественной жизни.

Этнополитические конфликты на Северном Кавказе в большинстве своем имеют как раз социально-политические корни. Поскольку это системный кризис, то и бороться с ним следует тоже системно, а не отдельными акциями или временными кампаниями. Принятый в 2009 г. антикоррупционной федеральный пакет документов как раз один из тех способов, которые в перспективе должны содействовать снижению социально-политической напряженности и в ЮФО. Признается, что России необходим реальный выход из коррупционного кризиса, а не политизированная истерия. С целью борьбы с коррупцией, специалистами предлагается минимизировать контакты чиновника с заказчиком государственной услуги. Помимо указанных социально-политических проблем на нарастание напряженности в межэтнических отношениях влияют и социокультурные проблемы. Одна из них – это крайне низкий культурно-образовательный уровень населения. Даже В.В. Путин был вынужден признать: «Массовая неграмотность – это питательная среда для идеологов межцивилизационного раскола, пропаганды ксенофобии, национального и религиозного экстремизма. В конечном счете – для международной террористической деятельности». Повышение культурного уровня населения – залог создания нормальных устоев регионального гражданского общества, которое само будет выстраивать барьеры на пути экстремизма. Министр культуры РФ А. Авдеев отмечал: «Есть сегодня экономически процветающие страны, но не развитые в культурном отношении. И их нельзя назвать великими. Сегодня иные критерии великости. Это не только количество оружия, но и уровень научно-технического прогресса, и уровень освоения новых технологий. И прежде всего степень культуры всего общества. Человек создан миром культуры, который чеканит нас. Говоря о любом времени, мы судим о нем по именам великих деятелей культуры этого периода, будь то русский писатели XIX в., итальянские живописцы XIV–XV вв. или голландские и фламандские художники эпохи буржуазных революций и Великих географических открытий». С мнением министра мы можем согласиться и попутно отметить, что российский Юг только в XX в. дал России немало талантливых, выдающихся имен деятелей науки, культуры и политики. В XX в. практически во всех регионах будущего ЮФО появились свои на-

циональные театры, музеи, университеты и отделения Академии наук.

Мы должны особо подчеркнуть, что огромную роль в развитии национального самосознания играет система образования. От ее ориентации на духовные ценности зависят и культурно-политические ориентации самого этноса и его правящей политической элиты. Малые этносы, интегрированные в большие государственные образования (как, например, Россия), помимо своей этнической культуры, оказываются подключенными к культуре национального большинства и часто являются носителями культурного пространства как «малого», так и «большого» языка. Так, после провозглашения своей независимости, Абхазия в качестве духовного ориентира выбрала Россию. Все это время система образования Абхазии входила в образовательное пространство России. Только так, по мнению самих руководителей Абхазии, ее жители могли иметь доступ к мировому образовательному пространству. Многие выпускники местных школ ориентированы на получение высшего образования в вузах России.

Склонность к конфликту или к компромиссу у национальных элит во многом зависит от качества их политической культуры, и в первую очередь от качества воспитания и образования. Как указывают специалисты, сущность этнократизации региональной власти в национальных республиках РФ проявляется в абсолютизации этнического начала, когда преувеличивается в значительной степени роль национального в жизни общества и государства, когда решаются основные вопросы жизни одного народа в ущерб интересам и устремлениям других наций и народностей. Речь идет об осуществлении такой политики, которая ущемляет, унижает достоинство и образ жизни других народов. Этнократизация власти проявляется в создании привилегированного положения автохтонных наций.

В чем мы видим слабость и порочность такой практики? При проведении политики этнократизма приоритет отдается не личности, а нации, в результате чего через призму интересов своей нации проходят все без исключения экономические, социальные и духовные процессы. Особенно это проявляется тогда, когда это касается политической сферы, где интересы этнократии соблюдаются достаточно строго. Приоритет интересов нации над интересами личности касается создания ряда привилегий только для той части населения, которая принадлежит к господствующей нации. Этнократия деформирует этнический интерес и ставит его на первое место сре-

ди других возможных ценностей, полностью игнорируя приоритет интересов личности, которые в подобных условиях полностью отрицаются и оскорбляются. Этнократией сознательно поддерживается противостояние интересов нации и интересов личности, со стремлением к усилению существующих противоречий и их возвышением. Своей активной идеологической деятельностью, этнократия пытается преодолеть такую родовую черту своей политической неполноценности, как отсутствие традиции суверенной власти. Конфликт этот носит идейно-политический характер и затрагивает не только интересы конкретных политических этноэлит, но и честь и достоинство конкретного этноса. Причем речь идет о возможности и способности самостоятельно решать свои социально-экономические, политические и социокультурные проблемы. В общественном сознании утвердилась мысль о том, что самостоятельность этноса должна проявляться не только в его политическом праве на самоопределение, но и в способности самостоятельно содержать себя в социально-экономическом отношении. Если народ не может сам решать свои проблемы, то невозможно говорить о его самоопределении. В политике этнократизма наблюдаются попытки убедить большинство своего народа в обоснованности притязаний на более широкие полномочия среди окружающих народов, что достигается различными средствами пропаганды и психологического воздействия. Этнократизация власти также проявляется в закреплении привилегированного положения представителей «своего народа», что выражается в «коренизации управления», в заполнении благоприятных «социальных ниш» именно «своим» народом.

Современные угрозы возникновения политических конфликтов на базе этнических разногласий в настоящее время исходят не столько от боевиков, а в значительной степени вызваны отсутствием на Северном Кавказе демократических институтов и процедур управления. Именно в национальных республиках процветает коррупция (так, например, по данным проверки Ингушетии, выяснилось, что в республике только за 2008 г. на стройках «исчезла» сумма в объеме 1,7 млрд. руб.). Тем не менее федеральный центр обещал в 2009–2011 гг. выделить республике еще 29 млрд. руб. При этом центральные СМИ отмечают: гарантий, что не пропадут и эти деньги, у власти нет. Давно уже сидят на весьма солидном федеральном «пайке» и другие республики Северного Кавказа, но особых экономических сдвигов в регионе не наблюдается. При

этом они весьма умело играют на теме террористической угрозы, списывая многие свои ошибки на это кровавое явление современности. Причем порой именно сами власти выступают в роли провокаторов внутриэтнических социально-экономических конфликтов. И если в Чечне хотя бы удалось несколько снизить уровень террористической опасности, то, к примеру, в той же Ингушетии или в Дагестане теракты происходят чуть ли не ежедневно. Отдельной темой для рассмотрения должна стать тема коррупции власти и влияния коррупции на динамику конфликтных отношений.

Широкомасштабная коррупция среди государственных чиновников разных уровней, в том числе в правоохранительных органах, несет в себе серьезную проблему в деле урегулирования этноконфликтов. Коррупция позволяет террористам и их пособникам получать необходимые документы, просачиваться в государственную власть, милицию и т.д., скупать оружие, преодолевать заслоны на маршрутах своего следования, вести контрразведку и получать информацию о планах и замыслах власти. Так, российские СМИ давно уже открыто признают, что «коррупция в Дагестане носит этнически-клановый характер. Клан “скидывается”, покупает для своего выдвиженца хлебное место. Что должен делать выдвиженец? Пристроить вокруг себя, в пределах своей компетенции, сородичей. Насколько хороши их профессиональные качества и навыки, никого не волнует». Эта «странная» социально-экономическая и коррупционно-криминальная атмосфера, которая царит в Республике Дагестан, не способствует межэтническому миру и согласию и отталкивает привлечение легальных капиталов и реальных инвестиционных проектов.

СМИ отмечают, что «режим взаимодействия Центра с республиками Северного Кавказа остается неизменным все последние годы: делайте все, что хотите, лишь бы не было войны, т.е. проявлений сепаратизма. Элиты в южных республиках эту тенденцию хорошо улавливают. И происходящее в регионе давно уже не окрашено в черный цвет сепаратизма, скорее есть лишь оттенок этого явления. Сепаратизм – это только для шума. Другое дело – борьба местных кланов за освоение бюджетных средств. Здесь все гораздо серьезнее... Выстроить такую систему власти в национальных республиках, чтобы ситуация не зависела от качества лидера, а базировалась на институциональных схемах, Центру пока не удалось. И не похоже, что кто-то особенно озабочен этой проблемой... Дошло до того, что в экспертном сообществе уже спорят – стоит ли разво-

рачивать в северокавказских республиках широкомасштабную борьбу с коррупцией или же это только дестабилизирует обстановку?» Ответы на эти вопросы являются на сегодняшний день самыми желанными для федеральной элиты, ибо от их положительного решения во многом зависит целостность и перспектива дальнейшего конструктивного развития нашей страны.

*«Каспийский регион: Экономика, культура»,
Астрахань, 2009, № 3, с. 39–43.*

З. Дзарахова,

зам. министра по связям с общественностью
и межнациональным отношениям
Республики Ингушетия, доктор исторических наук
(г. Назрань)

ИНГУШЕТИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Ингушетия сегодня вновь на слуху: серия провокационных преступлений и широкая их освещаемость в СМИ идут вкуче с прогнозами и оценками. Информационное нашествие на Ингушетию, а тем самым и на Юг России (так как здесь проблемы тесно переплетены), – трагическое, но не неожиданное явление. Из ряда публикаций мы можем сделать вывод о том, что нагнетание напряженной ситуации в республике имеет двойную нагрузку. С одной стороны, это провокации против Республики Ингушетия, сумевшей возродить свою государственность, за 16 лет новейшей истории доказать актуальность и значимость возрождения как для республики, так и России. В 90-х годах XX в., когда произошли конфликты на Северном Кавказе, Ингушетия приняла огромное число вынужденных переселенцев из Северной Осетии и Чеченской Республики, проявив на деле кавказское чувство сопереживания. Численность их оказывалась порой выше численности населения самой республики. Можно сказать, что Ингушетия не допустила катастрофы, принимая на свои плечи непосильный груз гуманитарных проблем.

Ингушетия сегодня является Родиной для представителей более 60 национальностей. В этой республике не было и нет межнационального и межконфессионального противостояния. Религи-

озный путь ингушского народа, вобравшего в себя элементы языческой и христианской культур, на протяжении истории поклонявшегося различным культам, но в целом как высшей субстанции – Дялу (высшему Богу), привел его к исламу в суннитском содержании. Ислам был принят ингушами в XIX в. на почве высоко-развитой этической системы «эздел». Ислам был принят мирно, так как не было противоречий с устоями сложившейся традиционной культуры ингушей. Мораль ислама и этническая система «эздел» дали уникальную по содержанию и форме культуру. Толерантность и уважительное отношение к иным народам и конфессиям заложены в самой культуре ингушей.

Нагнетание страстей вокруг этой республики провоцируют зарубежные службы для дестабилизации общественно-политической ситуации в регионе и, в конечном итоге, в России. «Ингушетия становится очень активной площадкой для идеологических и информационных диверсий со стороны Запада, стран Среднего и Ближнего Востока», – говорит доктор юридических наук В. Лихачев. По его мнению, это не случайно, поскольку сегодня идет геополитический передел мира. Время сложное и противоречивое. Конструкторы развала Союза ССР меняют методы, но не конечную цель. Речь касается безопасности как отдельных субъектов, так и России в целом. Обострение активности преступных сил мы наблюдаем в разных республиках Северного Кавказа. Используются для раскола российского общества и национальный, и религиозный факторы. Противостоять этому нужно совместными усилиями всем. Национализм, наркомания, терроризм, религиозный экстремизм – все это звенья одной цепи. То, что происходит в стране, должно сегодня насторожить всех россиян.

Пока разворачивались события в Южной Осетии, в северокавказских республиках ничего не происходило. Как только события в Южной Осетии пошли на спад, начались теракты на Северном Кавказе. Это уже говорит о том, что все это взаимосвязано и направлено против России. Вспомним, как в истории бывало не раз, – чтобы ослабить общество, нужно изнутри его расколоть и извне поспособствовать.

Проводимой в Ингушетии в рамках российского цивилизационного поля региональной политике противостоят геополитические интересы различных зарубежных государств. Сегодня, когда руководство Ингушетии ведет политику в едином русле с руководством федерального центра, вдруг появляются «страждущие» за

граждан этой республики. Мы помним выступление Дж. Буша в 2007 г., которого «волновала» судьба Назрани и Ингушетии, семинар, проведенный Джеймстаунским фондом на тему «Будущее Ингушетии» в Вашингтоне в ноябре 2007 г., выступления Ю. Латыниной. Ингушетия стала зоной тактических и стратегических интересов США. Почему заокеанским деятелям захотелось использовать Ингушетию в своих геополитических интересах? Да, в этом маленьком регионе слишком много скопилось проблем, решать которые нужно вкупе с другими субъектами и федеральным центром. Случайно ли именно Ингушетия привлекла их внимание? Ингушетия – детище новой, демократической России. Она явилась показателем и подтверждением правовой основы новой России. Именно поэтому федеральный центр будет помогать этому субъекту в его окончательном утверждении себя. И не только поэтому. Во все времена, начиная с вхождения ее в 1770 г. в состав России, Ингушетия оставалась российской территорией.

Именно здесь, на этой территории, еще находится более 50 тыс. вынужденных переселенцев из Северной Осетии и Чеченской Республики. Если в Чечню возвращаются, то в Северной Осетии очень долго шла имитация возвращения, а некоторые села и вовсе оказались закрытыми для возвращения ингушей. В сложные 90-е годы XX в. появлялись, к сожалению, целые трактаты о нападении в 1992 г. Ингушетии на Северную Осетию. **Справка:** События в Северной Осетии, получившие огласку как «осетино-ингушский конфликт», произошли в октябре-ноябре 1992 г. Ингушетия в то время значилась только в Указе Президента РФ от 4 июня 1992 г. На время начала событий еще не были созданы структуры власти Ингушетии, не было самой республики. Так о каком нападении идет речь?

Ингушетия имеет географическую близость к государственной границе России с Грузией протяженностью в 84 км. Ингушетия на протяжении 16 лет остается без границ. Возможно, что идеологическая работа США пойдет на чеченском, ингушском, североосетинском направлениях, писали СМИ в июле 2008 г. Госдепартамент США стал приглашать муфтиев северокавказских республик в рамках программы «Ислам в Америке». В 2009 г. лидеры мусульманского духовенства Северного Кавказа отклонили приглашение из-за недружественной позиции США к России. «За экстремистами и террористами в нашей республике стоял всегда Запад, – говорит муфтий Кабардино-Балкарии Анас Пшихачев, –

Россия сегодня уверенно выходит на мировую арену. Это многим не нравится, поэтому Запад пытается использовать национальный и религиозный факторы, чтобы расшатать ситуацию в стране». Все это направлено на общее расшатывание общественно-политической ситуации.

Для того чтобы не давать повода внешним силам использовать проблемные ситуации, нужно все корректировать строго с Конституцией Российской Федерации. Даже если взять затянувшийся во времени вопрос Пригородного района и возвращения в него вынужденных переселенцев. Пригородный район – это Россия. Северная Осетия – это Россия. Ингушетия – это тоже Россия. Так в чем вопрос? Для всех нас важнее сохранить Россию. Это мы можем сделать, укрепляя ее в правовом поле и соблюдая Конституцию РФ.

СМИ имеют возможность влиять на сознание миллионов граждан. Как используют эту возможность некоторые СМИ, остается вопросом. Для некоторых из них главное – запустить информацию в расчете на общественный резонанс. Ложную или нет – не важно. Кто-то, сознательно или бессознательно, выполняет отведенную им роль провокаторов, муссируя тревогу, «прогнозируя» последствия. Это тоже есть часть информационного нашествия на субъекты ЮФО. Ингушетия сделала свой выбор в пользу России не сегодня. У этого выбора более чем двухвековая история. В XIX–XX вв. Ингушетия дала России пять генералов царской армии и десятки георгиевских кавалеров; в годы Великой Отечественной войны ингуши вместе со всеми народами Союза ССР мужественно сражались на всех фронтах, начиная от Брестской крепости до Берлина, проявили массовый героизм и остановили врага в годы войны на кавказском направлении у стен Малгобека. На Олимпийских играх в Пекине в 2008 г. ингушские спортсмены взяли две золотые медали, и при этом первое «золото» для сборной России завоевал ингушский борец Назир Манкиев. Народы Северного Кавказа и России имеют богатые этнокультурные традиции, издревле скреплявшие наше единство. Безопасность Ингушетии – это и безопасность всей России. Никакие попытки извне не изменят пророссийского курса Ингушетии – этого глубоко российского тыла на Кавказе. Руководство и народ Ингушетии сегодня отражают вызов, брошенный всей России.

«Северный Кавказ в современной геополитике России», Махачкала, 2009 г., с. 74–79.

Камалудин Гаджиев,
доктор исторических наук (ИМЭМО РАН)
**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАВКАЗА**

С точки зрения обеспечения национальных интересов и национальной безопасности России наиболее проблемным регионом является Кавказ, где в сложнейший узел сплетено множество трудноразрешимых социально-экономических, национально-территориальных, конфессиональных, геополитических и других проблем. Кавказ представляет собой специфический регион, обладающий особым обликом, своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного и конфессионального характера. Этим объясняется тот факт, что в отечественной политической науке еще не дан научно обоснованный ответ на вопрос: можно ли говорить о Кавказе как о единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности? Если да, то в чем состоит ее сущность?

Как известно, любое человеческое сообщество, имеющее более или менее сформировавшуюся идентичность, основывается на общей для всех его членов единой интегрирующей идее или идеале. Существуют ли ключевые социокультурные, этнонациональные, конфессиональные, цивилизационные и иные составляющие такой идеи Кавказа, и как эту идею сформулировать? Говорят, например, о некоей «общекавказской культуре», «кавказском менталитете», а в годы перестройки и постсоветский период в России в лексикон вошел используемый с негативным оттенком термин «лица кавказской национальности». Здесь по аналогии с понятием «европейскость» мы вправе поставить вопрос о «кавказскости» и, естественно, вопрос о том, в чем именно состоит эта «кавказскость» и возможно ли ее рассматривать как базисную составляющую единой кавказской идентичности. Несомненно, существует некий комплекс критериев и признаков, на основании которых коренные народы региона относятся к определенной общности, отличающейся от сообществ других народов и регионов. Тем более, что представители каждого из кавказских народов сознают себя именно кавказцами, а не, например, славянами, арабами и пр. Но это весьма трудно поддается верификации. Зачастую «кавказскость» отождествляется с такими действительно характерными для мно-

гих кавказских народов особенностями, как гостеприимство, куначество, мужественность и т.д., хотя в последние десятилетия они подвергаются существенной эрозии, особенно у городских жителей. Как отмечала профессор А.Ю. Шадже, «кавказскость – суперэтнически-специфический феномен, составляющий то “особенное”, что определяет “лицо кавказца”». Она включает кавказский образ жизни, обычаи и общие духовные ценности, идеи диалога, толерантности, гуманизма, добра и пр., которые в совокупности формировали кавказский менталитет и духовное бытие кавказца. По словам Шадже, «кавказскость» отождествляется с такими ценностными категориями, как «истина» и «честь», «справедливость» и «мудрость», формирует особое отношение человека к достоинству, правде и свободе. Г. Нодия писал, что «кавказскость» интуитивно отождествляется с древними традициями гостеприимства, высоко-ритуалистичным поведением, культом воинственной мужественности. Основываясь на подобных рассуждениях, некоторые авторы говорят о существовании некой единой кавказской цивилизации. Так, З. Жвания подчеркивал, что «кавказское единство – не только политическая концепция. Фактически Кавказ – это разнообразный и в то же время гомогенный мир, феномен, формировавшийся на протяжении веков и тысячелетий, в котором существуют четко определенные аутентичные социальные и культурные институты. Это дает основание говорить о феномене единой кавказской цивилизации. Ее создатели – кавказские народы, – несмотря на религиозные и этнические различия, объединены общими ценностями и ментальностью». «Мы, кавказские народы, – отмечал В. Асатиани, – являемся одной целостностью – исторически и геополитически, мы, в сущности, родственные народы по психофизическому складу, “кавказскому характеру”, внешности, темпераменту, нравственным идеалам». В этом же духе рассуждал Р.Г. Абдулатипов, который утверждал, что кавказская цивилизация основывается на «целостности и культурной близости армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, осетин и ингушей», ее главной характерной чертой является «интенсивнейшее взаимодействие многих уникальных культур и почти всех мировых религий».

Была высказана также мысль о существовании северокавказской цивилизации. Некоторые исследователи пишут о кавказской горской цивилизации. В. Черноус определяет кавказскую горскую цивилизацию «полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и раз-

личными течениями ислама), сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества, закрепленных в своеобразных этических горских кодексах, психологических чертах, преобладанием негосударственных форм самоорганизации». Более того, отдельные ученые, используя этнографический подход, посчитали возможным говорить о наличии цивилизаций у отдельных северокавказских народов, например, у адыгов. В основе этих и подобных им построений лежит довольно вольная трактовка самого понятия «цивилизация». Здесь напрашивается сакраментальный вопрос: можно ли такие составляющие, как кавказский этикет, гостеприимство, куначество и пр., рассматривать в качестве критериев определения понятия «цивилизация» в целом и «кавказская цивилизация» в частности? Приходится согласиться с теми авторами, которые убеждены в «умозрительности и неконкретности» этих концепций. Хотя такие разработки интересны как попытки построения политических мифов, они носят, скорее, паранаучный характер и представляют незначительную ценность для понимания реального положения вещей в вопросе кавказской идентичности.

Базовые характеристики Кавказа в большей степени определяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на его этнонациональный состав, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты и т.д. Крайне рассеченная топография, создающая барьеры на пути интеграции различных народностей и племен, во многом помогает объяснить резко бросающиеся в глаза этническую разнородность Кавказа, заметную фрагментацию и локализацию этнической идентификации. Этому способствовал и тот факт, что многочисленные войны и конфликты составляли одно из основных занятий населяющих регион народов, не всегда живущих в мире и согласии и имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Исторически они формировались в постоянной борьбе за выживание. Зачастую общинные, племенные, местные, региональные идентичности (например, в Грузии – мегрельская, кахетинская, имеретинская, аджарская и др.) приобретают не меньшую значимость, чем просто политико-гражданская идентичность. Это в свою очередь создавало условия для сохранения весьма широкого спектра разнообразных культур и языков, что

стало естественной основой консервации традиционного образа жизни и оказало значительное влияние на формирование особого менталитета народов Кавказа. Во многом этим объясняется тот факт, что большинство из них очень ревностно относятся к традиционным, социокультурным и духовным составляющим общественной жизни.

Кавказ в широком его понимании, включая степное Предкавказье, всегда был и остается очень сложным регионом как по разнообразию естественно-географических условий, так и по многонациональному и поликонфессиональному составу населения. Он находится почти в самом центре евразийского континента, занимая весьма выгодное экономико-географическое положение на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций. Северный Кавказ входит в состав РФ, а весь Кавказ, в том числе Закавказье, связан с Украиной, Болгарией и Румынией (через Чёрное море), Центральной Азией (через Каспий), Ираном, Турцией и далее с арабским миром. Здесь соприкасаются разные культуры, конфессии, проживает множество народов и этнонациональных групп. В регионе сошлись ведущие мировые религии, прежде всего христианство и ислам, Запад и Восток, Европа и Азия, Север и Юг. Расположенный на стыке Европы и Азии, Кавказ представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Среднего и Ближнего Востока, а также в бассейны Каспийского и Чёрного морей.

На протяжении всей своей истории Кавказ пережил бесконечное множество войн и конфликтов между различными воинственными кланами, ордами, племенами, религиозными конфессиями, государствами и империями. Борьба за стратегически важный регион сталкивала здесь интересы Византии, Персии, Османской империи, России и Ирана. Причем сами кавказские народы, не в последнюю очередь закавказские страны, были обречены на поиск геополитических партнеров как гарантов своей безопасности. Этническое и конфессиональное многообразие региона создавало соседним державам благоприятные условия для подчинения тех или иных территорий Кавказа по известной формуле «разделяй и властвуй». Каждая держава могла найти здесь приемлемого сателлита по этническому или религиозному признаку. Поэтому естественно, что «история каждого из народов Кавказа, – как справедливо отмечал Е. Рашковский, – есть история жизни в экстремальных ситуациях рубежа, в ситуациях природных, культурно-исторических, лингвистических и государственных пограничий. В рубежности,

разломности – эоисторическая константа жизни кавказских народов. Жизни в экстремальных условиях природы, истории и культуры. Эта константа наложила несомненный отпечаток на характерный облик любого из кавказских народов».

В данном контексте нельзя не затронуть следующий вопрос. В дискуссиях, развернувшихся сегодня по всему Кавказу (да и не только), многие их участники для обоснования неких исторических прав на те или иные территории часто используют неприемлемые с научной точки зрения аргументы, произвольно трактуя исторические события, которые не могут быть подкреплены достоверными фактами и документами. Например, Карабах объясняет свое стремление к независимости, ссылаясь на историю, а Азербайджан, со своей стороны, в попытках вернуть Карабах также апеллирует к истории. Аргументами о восстановлении исторической справедливости Тбилиси обосновывает свои претензии на территории Абхазии, отмечая якобы неабхазский характер последней до XVII в. При такой постановке вопроса получается, что грузины как титульный народ – хозяева, а абхазы – просто гости на территории, на которой они в настоящее время живут. В то же время абхазы, не желающие возвратиться под юрисдикцию Грузии, могут использовать тот факт, что территория нынешней Абхазии была некогда попеременно частью Древнего Рима, Византии и Персии. В разное время ею с большим или меньшим успехом пытались завладеть арабы и генуэзские колонисты. Они могут обосновать свои претензии на суверенитет ссылками на Абхазское царство, существовавшее в IX–X вв. Однако с конца XV до начала XIX в. Абхазия была под властью Турции. Могут привести и тот довод, что зависимость Абхазии от грузинских царств и княжеств была эпизодической и зачастую формальной. В этой связи уместно напомнить, что в Георгиевском трактате 1783 г. речь шла о «признании верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими». Что касается Абхазии, то она вошла в состав Российской империи в 1810 г. Подобная историческая аргументация используется во всех других спорах и конфликтах, определяющих облик современного Кавказа. Результатом такого подхода стало произвольное, не всегда соответствующее реальному положению вещей разделение народов региона на автохтонных и пришлых, хозяев и гостей, титульных и не титульных.

Экскурсы в дебри истории являют собой весьма шаткую конструкцию доказательства древности одних народов и отказа в этом

праве другим народам, тем более невозможно построение на этом зыбком фундаменте идеологии государства так называемой титульной нации. Суть в том, что право народа на территорию проживания определяется не историческими прецедентами, а самим фактом его проживания на этой земле.

В целом можно сказать, что реальное объединение кавказских народов в составе единого государства произошло лишь в рамках Российской империи. До этого многие народы Кавказа либо вовсе не имели государственности, либо потеряли ее. Иначе говоря, ни Кавказ, ни Южный Кавказ, ни Северный Кавказ в отдельности никогда не были политическими понятиями. Контуры политической карты Кавказа почти всю его историю зависели от исхода борьбы между различными сопредельными с ним империями. Нельзя отрицать, что регион действительно обладает определенными, исторически обусловленными устойчивыми чертами политического, социокультурного, языкового характера, типологически отличающими его от соседних регионов. Это, прежде всего, близость исторических судеб, национально-культурных традиций, менталитета, путей эволюции населяющих его народов. Свою специфику имел в регионе процесс консолидации и образования этнонациональных групп. Одна из важнейших его особенностей состояла в том, что формирование и выживание этих групп и народов не всегда напрямую были связаны с государственными образованиями.

На Кавказе в силу комплекса факторов медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы социокультурной матрицы, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Народы региона значительно позже, чем большинство народов Европы, вступили на путь капиталистической модернизации. Живучесть позиций полуфеодальных групп и аристократии в политической жизни, устойчивость консервативных ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения ценностей, институтов отношений гражданского общества, рыночной экономики и правового государства. Немаловажную роль в формировании политического ландшафта и менталитета народов Кавказа сыграли существовавшие во все исторические периоды сложные, запутанные проблемы и противоречия, которые слишком часто становились причиной ожесточенных споров, кровавых конфликтов и войн между странами региона.

Кроме того, последний был в определенной степени яблоком раздора между соперничающими великими державами, граничащими с ним на западе, востоке и юге.

Тысячи лет Кавказ составлял либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть. В разные времена Византия, Парфия, арабы, монголы, турки, Персидская, Османская и Российская империи, христианство и ислам, суннизм и шиизм, народы, принадлежащие к кавказско-иберийской, тюркской, семито-хамитской семьям, различным ответвлениям индоевропейской семьи, сталкивались здесь, порождая почти неразрешимые противоречия и конфликты. В результате регион стал рубежом военного противостояния сначала Византии и Персидской империи, затем Византии, арабов и турков, а в Новое время России, Османской Турции и Сефевидского Ирана, театром многочисленных войн между ними.

Что касается непосредственно нынешнего положения Кавказа, то нельзя не обратить внимание на тот факт, что само понятие «Кавказ» не имеет четкого определения, тем более, что на его территории этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами. Большой Кавказ включает несколько подпространств – географическое, культурно-языковое, историческое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое и политическое. Они, налагаясь и дополняя друг друга, создают многомерное, сложное, обремененное противоречиями, конфликтами и нестабильностью геополитическое пространство, соприкасающееся на юге с Ближним и Средним Востоком, на востоке с прикаспийской Центральной Азией, на западе с Причерноморским регионом.

В политическом контексте Кавказ разделен на две части: Северный Кавказ, входящий в состав Российской Федерации, и Южный, включающий три независимых государства – Азербайджан, Армению и Грузию. Необходимо учесть и то, что с Кавказом теснейшим образом связано Предкавказье, поэтому нет единого понимания границ Северо-Кавказского региона. В этом вопросе существует несколько подходов. Ряд авторов считают, что в данный регион входят как территории, занимаемые северокавказскими национальными республиками РФ, так и территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Другие же, исходя лишь из этнодемографических критериев, ограничивают его территориями, заселенными коренными горскими народами, поли-

тически оформленными в национальные республики. Как правило, от собственно Северного Кавказа отделяют Южно-Русский регион, составляющий Предкавказье, в которое включают Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, а иногда также Волгоградскую, Астраханскую области и Республику Калмыкия. Это в некотором роде переходная зона, по одним признакам тяготеющая к «коренной» России, по другим – к Северному Кавказу.

Все же весьма трудно, если не невозможно, провести четкую линию разграничения между Предкавказьем и Северным Кавказом, если исходить, например, из такого критерия, как ареалы расселения русских и кавказских этносов. Эта связь станет особенно очевидной, если учесть этнодемографический состав населения этих регионов. Как указывалось выше, территории Предкавказья и Северного Кавказа в течение XVII–XIX вв. интенсивно заселялись русскими, украинцами и представителями других народов. Одновременно в Предкавказье шли миграционные потоки представителей как закавказских народов (армян, грузин, азербайджанцев), так и горских народов Северного Кавказа. В Ставропольском и Краснодарском краях значительную часть населения составляют выходцы из северокавказских национальных республик и Закавказья, сохраняются этнические анклавы автохтонного населения, которые в начале 90-х годов преобразованы в Республику Адыгея и Карачаево-Черкесскую Республику. В четырех субъектах РФ – Ставропольском крае, Дагестане, Чечне и Карачаево-Черкесии – расселены ногайцы. Вместе с тем в северокавказских республиках довольно большая русская диаспора. Более того, в Карачаево-Черкесии и Адыгее русские численно превосходят автохтонное население.

Северный Кавказ служит как бы своего рода связующим звеном между Закавказьем и Предкавказьем. Все три зоны с севера на юг и с юга на север плавно переходят друг в друга, стирая существующие между ними границы и обеспечивая единство основополагающих характеристик, таких как тесные многовековые экономические, культурные, политические связи, общность исторических судеб и т.д. Вместе с тем есть и довольно широкий диапазон различий между населяющими Кавказ народами и отдельными его государствами с точки зрения как природно-географических условий, наличия тех или иных ресурсов, факторов и видов хозяйственной деятельности, транспортной инфраструктуры, так и интеллектуального потенциала, качества рабочей силы.

В свете всего изложенного, возникает вопрос: можно ли считать Кавказ особой цивилизацией или неким единым культурно-цивилизационным ареалом и можно ли говорить об особой кавказской цивилизации? Чтобы дать адекватный ответ, необходимо определить, что именно понимается под цивилизацией применительно к Кавказу. Выяснение этой проблемы тем более необходимо, если учесть ту неразбериху и то злоупотребление понятием «цивилизация», которые стали характерны для нашей научной и околонаучной литературы после введения во второй половине 80-х годов минувшего века в обиход пресловутого «цивилизационного подхода». Выводя за скобки дискуссии и споры по данному вопросу, которые получили дополнительный стимул после выхода в свет известных работ ныне покойного С. Хантингтона, целесообразно отметить, что в современном употреблении трактовка понятия «цивилизация», при всей его распространенности и общепринятости, характеризуется крайней неопределенностью и расплывчатостью. В настоящее время существует множество противоречащих, а то и исключających друг друга дефиниций данного феномена. В 1952 г. американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон выделили 164 определения «культуры», указав при этом, что в большинстве случаев данное слово употребляется как синоним слова «цивилизация». Это свидетельствует не только о разбросе подходов к разработке определений цивилизации, но и об их нечеткости, неструктурированности и некой зыбкости.

Необходимо подчеркнуть, что сами авторы теорий цивилизации, получивших наибольшую популярность, прекрасно понимали это и не всегда претендовали на завершенность своих теорий. Так, например, что у Ф. Броделя цивилизация – это «пространство», «культурный ареал», «собрание культурных характеристик и феноменов», у А. Кребера – модели культуры, основанные на высших ценностях, у П. Сорокина – большие культурные суперсистемы, обладающие центральным смыслом или ментальностью. Дж. Тойнби, идеи и концепции которого во второй половине XX в. получили большую популярность, характеризовал цивилизацию как наднациональное «постигаемое поле исторического исследования», как движение, а не состояние, странствие, а не убежище. Однако на этом основании было бы не совсем корректно делать вывод, что цивилизация есть некий миф, искусственная конструкция, лишенная какого бы то ни было позитивного содержания и смысла. При всей неопределенности, дифференцированности и внутренней

противоречивости, цивилизация и культура, как справедливо отмечал А. Боузмен, представляют собой понятия, относящиеся к самому образу и стилю жизни народов, цивилизация – это культура в широком смысле слова. Оба понятия включают в себя «ценности, нормы, институты и способы мышления, которым сменяющиеся друг друга поколения придают первостепенное значение». Действительно, в любом сообществе народов, обозначаемом как цивилизация, можно обнаружить некий комплекс идей, идеалов, ценностей и норм, составляющих в совокупности некую духовную ось, к которой тяготеют, особенно в центре, важнейшие компоненты данного сообщества. Речь, в сущности, идет об основополагающей парадигме или системе мировоззрения данной цивилизации, определяющей параметры самосознания, жизненный уклад, стереотипы поведения людей, всю систему их социальной регуляции. Ключевую роль в большинстве исторических цивилизаций играла религия. В совокупности все эти элементы составляют некую базовую инфраструктуру, способствующую преодолению приверженности местническим, родовым, племенным, этнонациональным и иным партикулярным началам и обеспечивающую универсальность общественных связей.

Представляется, что в данном контексте исторический Кавказ (вынося Предкавказье, с некоторыми оговорками, за скобки) можно рассматривать как некий культурно-цивилизационный круг, состоящий из множества в чем-то взаимосвязанных, а в чем противоречащих, конфликтующих друг с другом субкультур, этнонациональных, конфессиональных, лингвистических, национально-культурных, региональных и иных элементов и пластов, каждый из которых включает множество групп с собственной специфической для нее индивидуальностью. Здесь при общей численности населения не более 30 млн. человек проживают не просто разные этносы и народы, а относящиеся к разным языковым семьям: грузины, горские народы Дагестана, вайнахской и адыгской групп и др. принадлежат к иафетической, или кавказско-иберийской семье; азербайджанцы, кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы и др. – к тюркской; осетины, талыши и др. – к иранской ветви индоевропейской семьи; армяне – к индоевропейской; таты – к семитохамитской и т.д. Народы Кавказа исповедуют большинство существующих в мире религиозных конфессий: грузины – православие, армяне – монофизитскую ветвь христианства, горские народы Да-

гестана и народы вайнахской и адыгской группы – суннизм, азербайджанцы – шиизм, таты – иудаизм, и т.д.

Таким образом, естественно, что установки, ориентации, ценности в отношении тех или иных аспектов жизни, например, у азербайджанца из Баку, грузина из Тбилиси, армянина из Еревана, лезгина из Дербента, могут существенно расходиться, равно как и установки, ориентации, ценности самих представителей каждого из этих народов, проживающих в разных районах. Этим объясняется тот факт, что, как уже говорилось выше, для Кавказа в течение почти всей его истории было характерно наличие весьма сложного и запутанного клубка проблем и противоречий, которые слишком часто становились причиной ожесточенных споров и кровавых конфликтов между населяющими его народами. Тем не менее нельзя сказать, что на Кавказе существует две, три, четыре, множество цивилизаций. Длительный опыт совместного проживания, общая историческая судьба подвергли нивелировке многие различия глубоко цивилизационного характера. На протяжении всей своей истории кавказские народы испытывали разнообразное влияние, но, впитывая их и по-своему перерабатывая, не теряли своей специфики, возможно, даже еще больше ее усиливали. В этом смысле сообщество кавказских народов отличается, скажем, от ближневосточного или центральноазиатского культурно-исторических сообществ. Причем, его следует характеризовать, скорее, как фрагментированное и конфликтное, нежели единое и целостное. В отличие от западной христианской или восточной конфуцианской цивилизаций, многообразие и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга. Этим, по-видимому, определяется преобладание в регионе конфликтных, центробежных, дезинтеграционных, сепаратистских начал над консенсусными, центростремительными, интеграционными началами.

Проанализировав особенности географической среды обитания, системы экономических и политических отношений, религиозных и духовных ценностей, можно утверждать, что ни Кавказ, ни Северный Кавказ никогда не составляли единого целого, поскольку в основном вели обособленный друг от друга образ жизни. В этом вопросе нельзя не согласиться с Н. Чиковани, который пришел к выводу, что «идея достижения единства Кавказа (или хотя бы одной из его частей) существует и, скорее всего, может существовать как идеал, к которому стремятся кавказские народы. Но достаточно даже беглого взгляда на историю, особенно почти десяти послед-

них столетий, чтобы убедиться в беспочвенности рассуждений о наличии такого единства и гармонии интересов... Поэтому представление Кавказа как политической или культурной целостности относится больше к сфере мечты и желания, нежели к исторической или современной реальности».

Кавказ, будучи трансграничным пространством, где веками протекали сложные процессы диффузии культур, обычаев, традиций, ценностей многих народов мира, пограничной зоной между различными мирами, сформировал при этом свойственную только ему уникальность. В течение длительных исторических периодов он выступал в качестве контактной зоны нескольких региональных цивилизаций. Горные хребты послужили этническими и политическими границами. Природно-географическая изоляция, трудности дорожного сообщения препятствовали развитию торговых, хозяйственно-экономических и политических связей между жителями гор, равнин и предгорий. Обособленность общин делала чужим даже жителя соседнего села. При таком образе жизни любые посторонние, будь то культурные, технические или религиозные влияния, с большим трудом приживались в горах Кавказа. Здесь география народов, этносов, конфессий, интересов не совпадает с политической географией, или географией государственных границ. Эта ситуация дополняется несовпадением геополитических интересов южнокавказских государств, которое проявляется, в частности, в том, что они, помимо всего прочего, расколоты в военно-политической сфере: если Армения входит в ОДКБ, то Грузия настойчиво, а Азербайджан несколько завуалированно стремятся в НАТО.

В настоящее время Кавказ характеризуется политической дискретностью, мозаичностью и нестабильностью. Здесь множество реальных и потенциальных этнонациональных, территориальных и конфессиональных противоречий и конфликтов проявляется в наиболее запутанной форме, чреватой далеко идущими непредсказуемыми негативными последствиями для всех стран и народов региона. В сложный узел сплетены весьма острые и трудно разрешимые социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные проблемы. Дополнительную лепту в дестабилизацию обстановки в регионе вносит активизация политического ислама, а также радикальных движений, в том числе исповедующих терроризм.

Как представляется, социально-экономические, этнонациональные, культурные, территориальные противоречия между различными кавказскими народами и государствами делают нереальным в обозримой перспективе формирование жизнеспособного экономического и политического пространства в регионе. Сегодня, в сущности, кроме трубопроводов или так называемого «Нового Великого шелкового пути» не прослеживаются какие-либо иные факторы, играющие в пользу интеграционных тенденций. Например, экономики государств Южного Кавказа и северокавказских республик большей частью не дополняют друг друга, а наоборот, конкурируют между собой. В результате, каждая отдельно взятая кавказская страна, если не брать в расчет маршруты транспортировки углеводородов, больше заинтересована в связях с Россией или любым другим государством ближнего и дальнего зарубежья, нежели в сотрудничестве между собой.

Вполне естественно, что этническое, конфессиональное, культурное пространство Кавказа в результате смешения внутренних и внешних миграционных потоков не имеет четких границ. Оно не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе южнокавказских государств, а простирается на территорию как Азербайджана и Грузии, так и РФ. В частности, это пространство включает территории, занятые такими этносами, как абхазы, проживающие в Абхазии, осетины – в Южной Осетии, лезгины – в Азербайджане, и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и др. аспектов они могут быть отнесены к Северо-Кавказскому региону, а с точки зрения юридически-правового и политического – входят в состав разных государств. Для Азербайджана этот факт оборачивается наличием узла напряженности в районе северной границы, где в результате распада СССР лезгинский, а отчасти аварский этносы оказались разделенными между Россией и Азербайджаном, для Грузии – конфликтогенных ситуаций в Южной Осетии и Абхазии. Такое положение привело к тому, что на Южном Кавказе, наряду с тремя суверенными и признанными мировым сообществом государствами – Азербайджаном, Арменией и Грузией, де-факто существуют три непризнанных государственных образования – Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия. Однако почти все этносы в условиях взаимопроникновения этнических и даже культурных границ вынуждены уживаться вместе. Тем самым они образуют уникальный многонациональный ареал жизнедеятельности, глубоко-

ко инкорпорированный в своеобразную географическую нишу. В условиях глобализации, миграций, расширения связей и т.д. имеет место дальнейший рост подвижности и неопределенности границ, отделяющих различные подпространства друг от друга.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2010, с. 66–74.

Г. Новрузова,

публицист

(Азербайджан)

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Территориальное рассеяние народов было характерно для Российской, а затем и Советской империи. Этническая карта России складывалась в результате как присоединения к славянскому ядру империи земель, населенных другими народами, так и последующих миграций представителей разных этнических общностей внутри страны или за ее пределы. Эти миграции привели к существенному перемешиванию этносов и отрыву многих из них от исторических территорий. С образованием Советского Союза каждая из проведенных советских переписей населения, начиная с 1926 г., среди ряда демографических показателей по населению страны приводит общую численность и национальный состав народов, населяющих СССР, и данные о численности титульных народов, живущих вне своих союзных республик. В своих исследованиях мы рассматриваем проблему расселения и демографических показателей азербайджанцев на территории СССР в целом, в РСФСР и ныне в Российской Федерации – в частности.

По итогам первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. в РСФСР проживали 27 987 азербайджанцев. Азербайджанцы были зарегистрированы в Дагестанской АССР – 19 408 человек, в Москве – 224, в Московской области – 246, в Ленинграде – 100 человек. Вторая Всесоюзная перепись населения была проведена 6 января 1937 г. Материалы второй «дефектной» Всесоюзной переписи населения 1937 г. тогда не были опубликованы. Подлинники материалов переписи в 1937 г. были опубликованы в № 7 журнала «Социологические исследования» в 1990 г. Необходимо отметить, что в перечне народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи 1937 г. азербайджанцы, так же, как и при переписи

1926 г., были записаны как тюрки. Так, общая численность тюрков (азербайджанцев) в 1937 г. по СССР составила 2 134 648 человек. Из них – на территории Азербайджанской ССР общее число составило 1 778 798 человек, в Грузинской ССР – 178 038, Армянской ССР – 124 434, Туркменской ССР – 7015, Киргизской ССР – 4223 человека. Данные по численности азербайджанцев по РСФСР составили 37 861 человек. Этот показатель указан в статистических данных по Дагестанской ССР. Таким образом, мы не располагаем официальными статистическими данными по численности азербайджанцев, проживавших в регионах РСФСР, по итогам переписи 1937 г. Людские потери 30–50-х годов (жертвы репрессий, умершие и погибшие в период Великой Отечественной войны, невозвращенцы) и как результат – разница в численности мужского и женского населения, низкая рождаемость, неустойчивое территориальное размещение населения, нарушенное военными действиями на значительной части территории СССР и т.д., не могли не отразиться на итогах послевоенной Всесоюзной переписи населения 1959 г. Тогда уже записывалась та национальность, которую указывал сам опрашиваемый. Родным языком записывалось название того языка, который сам опрашиваемый считал своим родным языком. Общая численность азербайджанского населения СССР по итогам переписи 1959 г. составила 2 939 728 человек (в Азербайджанской ССР – 2 494 381, в РСФСР – 70 947 человек).

Всегда наиболее привлекательной для азербайджанцев была Российская Федерация с развитой инфраструктурой, уровнем развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса. Численность азербайджанцев в РСФСР выросла с 70 947 в 1959 г. до 152 421 человека в 1979 г. Рост азербайджанского населения по сравнению с ростом коренного населения очень заметен.

Расселение азербайджанцев, как и остальных народов СССР, в наиболее экономически благополучные союзные республики было связано с механизмом социально-экономических трудностей, перенаселенностью, трудовой, учебной, брачной миграций. На изменение численности и расселение титульных народов СССР в Российской Федерации с начала перестройки в 1985 г. повлияли политические факторы, такие как: полная и окончательная депортация азербайджанцев с исторической территории проживания – Армянской ССР; конфликт в Приднестровье; Ошский конфликт в Киргизии; изгнание тюрков-месхетинцев из Узбекистана (Ферганские события) и т.д. За три года перестройки кровавые межэтниче-

ские распри, репрессии по национальному и религиозному признаку дали эффект «шоковой терапии». Перепись 1989 г. – последняя за весь период существования СССР.

В 1989 г. общая численность азербайджанцев по итогам переписи составила 6 770 403 человека. Численность азербайджанцев, проживающих на территории собственного государственного образования – Азербайджанской ССР, составила 5 804 980 человек, на территориях союзных республик – 965 417 человек. В Российской Федерации число азербайджанцев составило 335 889 человек. С распадом СССР была разрушена общая система проведения переписи населения. Дестабилизация, военная эскалация на Кавказе, первая и вторая чеченские войны, людские потери, демографический дефолт, восстановление разрушенного хозяйства и всего народнохозяйственного комплекса независимого государства, переориентация приоритетов в развитии промышленности и сельского хозяйства, финансовые затруднения и т.д. – все в целом требовало от Российского государства времени. Полная версия переписи населения Российской Федерации была проведена лишь в 2002 г.

Согласно переписи населения 2002 г. численность населения страны составила 145 166 731 человек. Русское население составило 115 889 107 человек. Общая численность всего населения страны и численность русского населения за межпереписной период с 1989 по 2002 г. сократилась соответственно на 1 855 138 и 3 976 839 человек. Численность азербайджанского населения – граждан России – по переписи 2002 г. составила 621 840 человек. Городское население составило 479 517 человек, из них численность мужчин – 307 346, женщин – 172 171. В сельской местности Российской Федерации проживает 142 323 азербайджанца, в том числе мужчин – 79 430 человек, женщин – 62 893.

Если по итогам переписи населения 1989 г. азербайджанское население не было зарегистрировано в более чем 40 административных единицах РСФСР, то при переписи 2002 г. они зарегистрированы во всех субъектах Федерации. Наибольшее количество азербайджанцев проживает в Южном ФО – 185 921 человек. Далее следуют: Дальневосточный ФО – 18 094; Центральный ФО – 161 859; Приволжский ФО – 84 183; Уральский ФО – 66 632; Сибирский ФО – 60 699 и Северо-Западный ФО – 44 452 человека. При расселении по регионам Российской Федерации мигрантами учитывается инвестиционный потенциал региона: количественная характеристика, учитывающая насыщенность его территории факто-

рами производства (природные ресурсы, рабочая сила, основные фонды, инфраструктура и т.п.), потребительский спрос населения и другие показатели, влияющие на потенциальные объемы инвестирования в регион, и т.д.

На территории Дагестана азербайджанцы проживают издревле. Наибольшее их число зарегистрировано в Южном Дагестане: в Дербентском, Кизлярском, Рутульском и Табасаранском районах. С 1989 г. к началу переписи 2002 г. их число выросло с 75 463 до 111 656 человек. Здесь наблюдается характерная для Дагестана демографическая картина – перевес в численности сельского населения над городским, женского населения над мужским.

Расселение азербайджанцев в Тюмени связано с освоением нефтяных и газовых месторождений. По переписи 1979 г. численность азербайджанцев в Тюменской области составила 2645 человек, или 0,1% ко всему населению. Согласно переписи 1989 г. население Тюменской области составило 3 097 657 человек. Численность азербайджанского населения к 1989 г. увеличилась на 16 810 человек и составила 19 455 азербайджанцев, или 0,6% ко всему населению области. Материалы переписи 2002 г. дают нам цифру 42 359 человек, т.е. численность азербайджанцев, проживающих в Тюменской области, увеличилась на 22 904 человека, или в два раза.

Эпоха развала Союза Советских Социалистических Республик – это не только эпоха образования на карте мира новых независимых государств, это эпоха этнических конфликтов и «чисток», эпоха «великого переселения народов». Новейшая история новообразовавшихся государств характеризуется одним «бедствием» – массовым неконтролируемым миграционным обменом. Появилась новая категория населения – мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы. Массовое перемещение этой категории населения вызвано следующими факторами: усилением национализма; дискриминацией по языковому, национальному и религиозному признакам; политическими преследованиями; «выпадением» русскоязычных представителей из экономической и политической элиты; высоким уровнем инфляции; резким снижением уровня жизни; высоким напряжением на рынке труда; сельской перенаселенностью; усилением этнокультурной дистанции; последствиями гражданской войны и т.д. По данным Государственного комитета Российской Федерации по статистике, с 1990 по 2000 г. число прибывших в Российскую Федерацию из Азербайджана составило

480 157 человек, убывших – 129 233 человека. Государственный комитет по статистике Азербайджанской Республики за рассматриваемый период приводит резко отличающуюся от российских источников статистику. Разница в показателях государственных статистических комитетов двух стран существенна – 229 594 человека прибывших и 28 693 человека из числа убывших в «пользу» российской статистики. Возникает вопрос: на какие источники опирались и те, и другие статисты? Оказалось, что статисты ЦСУ Азербайджанской Республики ссылаются на предоставленные МВД Азербайджанской Республики данные об убытии–снятии с учета постоянного места жительства граждан АР, т.е. мигранты, выезжая из страны, прекращают с ней все соответствующие административно-юридические отношения. Российские же данные включают в статистику не только тех, кто выбыл из республики-донора вчистую, но и временно выехавших по разнообразным причинам.

Нерегулируемая миграция населения с постсоветского пространства потребовала от российских властей запоздалого принятия Закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Таким образом, в то время как страны Содружества становятся все более моноэтничными (здесь возрастает удельный вес титульных национальностей), Россия превращается во все более полиэтничную и все менее русскую.

Другой особенностью новой России является то, что четыре из 11 народов-миллионеров являются «не коренными», т.е. имеющими вне России собственные государственные образования (это белорусы, украинцы, армяне и казахи). Следствием этого является неизбежное влияние стран-эмитентов на внутреннюю политику Российской Федерации. Среди других крупных этнических категорий численностью менее миллиона, но не менее 500 тыс. человек, увеличение характерно для азербайджанцев. С момента переписи 1989 г. на момент переписи 2002 г. численность азербайджанцев увеличилась на 85%. Факторы быстрого увеличения численности те же, в основном миграционного свойства. При этом перепись развенчала миф об огромных масштабах переселения азербайджанцев в Россию. Таким образом, представляя картину расселения и размещения азербайджанцев в России с момента проведения всесоюзных переписей населения до известных нам итогов Всероссийской переписи 2002 г. можно сказать, что с развитием экономического потенциала каждого региона Российского государства (насыщенность основными институтами рыночной экономики,

экономико-географическое положение, доходы населения, прибыльность предприятий и т.д.) изменяется картина расселения азербайджанцев по экономическим районам Российской Федерации.

«Вопросы гуманитарных наук», М., 2010 г., № 1, с. 24–30.

К. Ханбабаев,

кандидат философских наук

Р. Мамараев,

политолог

(УРАН РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВОКРУГ КАСПИЯ

Стремительно меняющийся политический ландшафт Каспийского региона, появление здесь иностранных компаний, натовских военных, различных региональных и нерегиональных игроков превращают, по противоречивым данным, этот богатый энергоресурсами район в объект острого геополитического соперничества. Актуализируют каспийские проблемы неблагоприятные прогнозы перспектив урегулирования палестино-израильского конфликта, развития иракского кризиса и наращивания Ираном своей ядерной программы. Расширение Европы за счет нестабильных и обделенных энергоресурсами государств бывшего «восточного блока» повышает спрос на нефть и газ Каспия. Все эти обстоятельства придают новый импульс политическим баталиям вокруг энергоресурсов региона и маршрутов их экспорта на внешние рынки. Между тем безопасность прикаспийских государств (России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана) оставляет желать лучшего, в том числе и вследствие быстрой милитаризации региона.

Милитаризация развивается на неблагоприятном фоне. Во-первых, прикаспийским государствам до сих пор не удается договориться о правовом статусе Каспия. Невозможность установить единые правила игры подрывает взаимное доверие. Во-вторых, на особую роль в регионе претендуют внерегиональные державы и ТНК, контролирующие основные нефтяные проекты в Азербайджане и Казахстане. Отметим в этой связи намерение Пентагона, точнее его Европейского командования ВС, в ближайшие годы реализовать запущенную осенью 2003 г. программу «Каспийская

стража». Она, по официальной версии, предполагает налаживание патрулирования и охраны границ прибрежных государств, чтобы перекрывать поток террористов, незаконный оборот оружия и наркотиков в Каспийском бассейне – сфере значительных интересов США. Выказывая озабоченность военным превосходством России и Ирана, которые «уже имеют существенные военно-морские силы, включающие морскую пехоту», над другими прикаспийскими государствами, американские стратеги обещают сфокусировать усилия на «странах с прозападной направленностью» – Азербайджане и Казахстане. Военное ведомство США уже передало Вооруженным силам Республики Казахстан корабль водоизмещением более 1 тыс. т, проводит обучение персонала, оборудует береговую военную инфраструктуру. Казахстану обещаны также современные технические и радиоэлектронные средства наблюдения и разведки. Аналогичную помощь США предлагают и Азербайджану. В частности, в дополнение к уже построенному в Баку морскому командно-штабному пункту планируется создать новые аналогичные центры, а также центры по воздушным и морским секретным операциям. На эти цели Пентагон выделяет около 130 млн. долл. В сентябре 2005 г. в прессе появились сообщения о намерении США построить в Азербайджане две радиолокационные станции (РЛС). Напомним, что в Азербайджане уже действует Габалинская РЛС, которую обслуживают российские специалисты. В 2002 г. Россия и Азербайджан подписали договор по этой станции. Тогда же российская сторона переименовала РЛС в информационно-аналитический центр «Дарьял».

Таким образом, США принимают самое активное участие в милитаризации региона, вбивая клин между Россией и ее прикаспийскими соседями. Вообще сам факт появления Пентагона на Каспии расценивается большинством военных экспертов как внешнеполитическое фиаско России и угроза ее стратегическим интересам, ибо Урал с его промышленными и оборонными предприятиями оказывается открыт для потенциального военного нападения с юга.

Стремясь перехватить у Америки инициативу обеспечения безопасности на Каспии, Россия выдвигает проект создания «Смешанных сил быстрого реагирования по обеспечению безопасности в бассейне Каспийского моря», куда планируется включить на добровольных началах войска и морские части прикаспийских государств. Они-то и будут бороться с терроризмом, противодейство-

вать организованной преступности и наркотрафику. Одновременно предполагается ввести запрет на присутствие в регионе вооруженных сил третьих стран, не имеющих непосредственного выхода к Каспию, а также запретить плавание судов под их флагами. Но есть немалые сомнения в том, что России удастся единолично «вытянуть» амбициозную программу по обеспечению безопасности в регионе: ее соседи в Прикаспии заразились гонкой вооружений, и вектор их внешнеполитической направленности все больше отклоняется от российского. Они ежегодно умножают расходы на оборону и охотно принимают военную помощь не только у России, но и у стран НАТО и Китая.

Во многом усиливает стратегическую неопределенность в Каспийском регионе фактор Ирана. Делая широкообещательные заявления о необходимости превращения Каспия в море «мира, стабильности и братства», Иран развертывает там свои крупномасштабные военные программы, резко – в 1,5 раза – увеличивает военное присутствие, перебрасывая туда из Персидского залива свои ВМС. В 2003 г. принята новая программа развития Иранской национальной танкерной компании: она предусматривает строительство серии танкеров на местных судостроительных заводах и создание в перспективе иранского танкерного флота на Каспии. Напряженность в регионе связана также с программой развития иранской атомной энергетики: многие в мире считают ее прямой угрозой международной безопасности.

Россия поставлена в этой связи перед нелегким выбором. С одной стороны, Иран – ее сосед, с которым отношения в целом лучше, чем с другими прикаспийскими странами, включая многих участниц СНГ. Кроме того, Иран в отличие от других государств Персидского залива не замечен в спонсорстве сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе. Москва также имеет длительный опыт сотрудничества с Ираном во многих сферах, в том числе в ядерной. Однако Россия менее всего заинтересована, чтобы у ее соседей – и Иран, несомненно, в их числе – началось производство ядерных бомб. В России не могут не признать: в рассуждениях американцев в отношении иранской ядерной программы есть своя логика; подобные амбициозные и «несистемные» ядерные державы могут быть очень опасны. И уж тем более у России нет серьезных оснований строить совместно с Ираном антиамериканскую «ось».

Главные конкуренты в борьбе за добычу и экспорт энергоресурсов Каспия – компании США и России. Но с ними все чаще со-

перничают новые игроки – динамично развивающиеся страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Они прилагают огромные усилия, чтобы закрепить за собой не только существующие, но и потенциальные источники поставок. Один из таких игроков – Китай. Создание в непосредственной близости от китайских границ (в Афганистане, Киргизии) структур передового базирования американских войск, взятие под контроль Ирака, а в будущем, возможно, Ирана – серьезные вызовы, означающие, в частности, наращивание рисков для китайского нефтяного импорта с Ближнего Востока. Китай вынужден спешно реагировать на них. Еще до того, как США взяли под контроль иракскую нефть, китайцы не скрывали своей заинтересованности в выходе в районы, откуда нефть могла бы попадать к ним, минуя находящийся под наблюдением американцев Малаккский пролив. Поэтому интересы Китая в географически близком к нему Каспийском регионе вполне объяснимы и предсказуемы. Китайские инвесторы становятся здесь все более мощной и амбициозной силой: в конце 90-х годов их ежегодные нефтяные инвестиции не превышали нескольких десятков миллионов долларов, а сейчас близки к половине миллиарда. Свидетельство растущей роли Пекина в казахстанском нефтегазовом секторе – покупка в 2005 г. компанией «СНПС» за 4,2 млрд. долл. одной из основных национальных нефтедобывающих компаний – «ПетроКазахстан» с мощностью более 7 млн. т нефти. Строящийся Китаем 1000-километровый нефтепровод должен будет связать Карагандинский район Казахстана с Синьцзяном. Нефтепровод – жизненно важная часть более масштабного проекта – нефтяного маршрута (3 тыс. км) от нефтяных полей Каспия до Китая. Это означает, что традиционное западное направление казахстанского экспорта, по которому нефть идет транзитом через Россию, будет частично переориентировано на Восток. Возможно, что поток каспийской нефти, переброшенный на восточный маршрут, уведет с собой и ощутимую часть сырья, предназначенного для транспортировки через Россию.

Существует устойчивая традиция – изображать Китай в качестве основного геополитического соперника России, намного более опасного, чем США или Евросоюз, с которыми, по логике, выгоднее «дружить» против Китая, в том числе и для того, чтобы предотвратить экспансию последнего в жизненно важные, с точки зрения стратегических интересов России, территории. Такой негативный имидж Китая формируется в России в значительной мере

под влиянием традиционно настороженного восприятия этого азиатского гиганта на Западе. Но данный имидж не вполне соответствует реальной политике Китая, тем многообразным интересам, включая и интересы нефтяных компаний, которые питают контакты России с этим крупнейшим государством Азии. Российские эксперты справедливо замечают: «Сегодня Запад рисует из Китая коммунистического монстра, который угрожает демократии, поэтому Россию подталкивают продавать нефть не Китаю, а Японии. Но если Россия будет изолирована от Китая и Индии, с одной стороны, а с другой – ей не дадут интегрироваться в Евросоюз, то у России останется путь превращения в страну-лимитроф на окраине Европы, в “недоевропу”, перед которой всегда будет закрыто большинство дверей». С нашей точки зрения, Китай – перспективный потребитель энергоресурсов России и ее важный стратегический партнер. Он, конечно, создает реальную и сильную конкуренцию российским экономическим интересам на Востоке – но кто ее не создает? Верно и то, что интересы России и Китая могут различаться, в частности по вопросам разработки нефтегазовых запасов Каспийского бассейна.

Индия – шестой в мире потребитель энергоносителей, и третьей – после Китая и Японии – в Азии активно стремится диверсифицировать свои источники снабжения, проявляя, как и Китай, огромную заинтересованность в нефтегазовой отрасли государств Каспийского региона. Министр энергетики Индии Шанкар явно воодушевлен идеей повторить проект трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан и хотел бы построить маршрут, связывающий Индию с бассейном Каспийского моря. Рассматривают в Индии и возможность соглашения с Азербайджаном о поставке до 5–6 млн. т нефти в год. Но приоритетными являются отношения с Казахстаном. По мнению заместителя министра иностранных дел Индии Р. Сикри, «Казахстан сегодня – один из крупных производителей, а Индия – один из крупных потребителей нефти. Казахстану нужен надежный рынок сбыта, Индии – гарантированные поставки сырья. Обе стороны признают, что это взаимовыгодно».

Помимо Китая и Индии в последнее время интерес к каспийским месторождениям стали проявлять арабские компании. Так, «Rafioil» (Объединенные Арабские Эмираты) подписала недавно с азербайджанской компанией «ГНКАР» контракт на разработку месторождения Сураханы в течение 25 лет. Хотя это месторождение практически выработано, инвестиционные обязательства

«Rafioil» составили 400 млн. долл. Остаточные запасы месторождения составляют 6,8 млн. т нефти.

Относительно новый игрок на каспийской сцене – Пакистан надеется активизировать участие прикаспийских государств в давнем энергетическом проекте – строительстве Трансафганской газопроводной системы, ведущей из Туркмении через Афганистан в Пакистан и Индию. Активизация Пакистана диктуется и политическим императивом. Во-первых, он как ведущая региональная держава стремится увеличить свое присутствие в Прикаспии путем налаживания экономических контактов с тамошними государствами. Во-вторых, Исламабад заинтересован в сдерживании здесь своего традиционного соперника – Индии. В-третьих, Пакистан ищет новых партнеров ввиду непростых отношений, складывающихся у него с Вашингтоном. Проект Трансафганского трубопровода имеет давнюю историю. Идея качать газ из Туркменистана главным потребителям в обход России возникла у президента Туркменистана С. Ниязова еще в 1995 г. и совпала с интересами ряда зарубежных энергетических компаний. Так, одновременно с появлением в Афганистане талибов (которых эксперты назвали тогда даже «передовым отрядом американских нефтяников») в Туркмению прибыли представители аргентинской фирмы «Bridas» и американо-саудовской компании «Unocal», которые предприняли первые шаги к реализации плана достройки нефтепровода из Туркменистана предположительно через территорию Афганистана и Пакистана к Аравийскому морю. Компания «Unocal» должна была стать основой международного консорциума. Однако в 1998 г. она вышла из проекта: Конгресс США не рекомендовал ей участвовать в строительстве газопровода через Афганистан из-за озабоченности ситуацией в области прав человека в этой стране и нахождения там Усамы бен Ладена. По завершении антиталибской военной операции в Афганистане в 2001 г. в США вновь заговорили о Трансафганском трубопроводе. У проекта к тому же появились и другие сторонники – Индия, Китай, Иран. В середине 2005 г. Индии и Пакистану удалось прийти к редкому для двух стран-соперниц соглашению: Индия присоединилась к проекту по транспортировке туркменского газа через территорию Афганистана и Пакистана.

Запад, который давно вынашивает планы проложить альтернативные российским маршруты поставки энергоресурсов на мировые рынки, весьма благосклонно относится к идее Трансафганского трубопроводного проекта. Вряд ли Пакистан стал бы без

одобрения Вашингтона развивать сотрудничество с Ираном, давно уже причисленным администрацией Буша к «оси зла». Дополнительным подтверждением того, что за спиной Пакистана стоят США, может служить и обострение конфликта между Америкой и Узбекистаном, элита которого некогда планировала стать важным партнером Запада, а сегодня вынуждена ориентироваться на Москву и Пекин.

Активную роль в геополитике Каспийского региона играет и Турция. Наряду с американскими компаниями она выступает основным лоббистом трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (1760 км). Этот нефтепровод, связав месторождения на Каспийском море с портами Турции, позволит диверсифицировать источники энергоносителей и ослабить зависимость Западной Европы и США от стран Персидского залива, значительно усилить политическое и, безусловно, экономическое влияние Анкары на Каспийский регион. Основное преимущество проекта Баку–Тбилиси–Джейхан – обход крайне перегруженных турецких проливов Босфор и Дарданеллы и обеспечение прямого доступа к портам, принимающим многотоннажные танкеры. Однако у проекта несколько слабых мест: при транспортировке каспийской нефти через Средиземноморье в Гибралтарском проливе могут возникнуть проблемы, аналогичные имеющимся на Босфоре. С рынком сбыта также нет определенности: пока неизвестны объемы и себестоимость добычи нефти, нельзя назначить и цену ее реализации. Помехой могут стать и сглаженные на сегодняшний день, но окончательно не урегулированные конфликты между Азербайджаном и Туркменистаном, а также Ираном и Азербайджаном из-за принадлежности некоторых каспийских месторождений.

Геополитический фактор продолжает играть при прокладке трубопровода БТД доминирующую роль. Комплекс политических ограничений при транспортировке через нестабильный Кавказ существенно снижает активность потенциальных инвесторов, а неудачи некоторых каспийских проектов (в частности, на ряде месторождений в Азербайджане) избавили транснациональные компании от прежней эйфории. Независимые аналитики до сих пор весьма скептически оценивают экономическую жизнеспособность проекта. Нефтепровод рентабелен только при транспортировке 45–50 млн. т в год в течение 40–50 лет. Существующие извлекаемые запасы нефти в Азербайджане не обеспечивают такой загрузки. Казахстан – единственная страна в регионе, способная восполнить

нехватку сырья. Администрация США добивается от него предоставления гарантий на загрузку нефтепровода. Но Казахстан их дать пока не может. Во-первых, предполагаемые запасы нефти в казахстанской части Каспийского шельфа еще не подтверждены окончательно. Во-вторых, определенные опасения вызывают физико-химические параметры каспийской нефти: для ее транспортировки необходимы дорогостоящие трубы с антикоррозийным покрытием. В-третьих, пока не определен способ транспортировки нефти из Актау в Баку: танкерами или трубопроводами, проложенными по морскому дну. Вариант доставки по имеющемуся маршруту Атырау–Астрахань–Грозный–Баку невозможен из-за все еще нестабильной ситуации в Чечне. Создание танкерного флота для доставки нефти в Баку не только весьма накладно, но и несет потенциальную угрозу и так уже подорванному экологическому балансу Каспия. Словом, от участия Республики Казахстан в данном проекте во многом будут зависеть его рентабельность и дальнейшая перспективность.

Перед такими прикаспийскими партнерами России, как Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, выбор между разными центрами силы на Каспии жестко не стоит. Их активное сотрудничество в рамках совместных нефтегазовых разработок и по поводу определения правового статуса Каспия уравнивается присутствием западных (американских) нефтяных и военных интересов в регионе. Транснациональные компании, действующие в интересах энергетической безопасности энергозависимых стран Западной Европы и в рамках долгосрочной стратегии США по контролю над мировыми энергоресурсами, займут преимущественное место в энергетическом секторе экономики прикаспийских государств. Эти компании и будут определять условия присутствия более мелких подрядчиков, среди которых найдут свое место и российские компании. Но участие последних едва ли будет определять стратегию дальнейшего развития стран региона. Роль и влияние России в прикаспийских государствах заметно сократятся по сравнению с предшествующим десятилетием. Главная цель усилий Китая – избежать зависимости от морских поставок и расширить доступ к сухопутным российским и центральноазиатским энергомаршрутам, в которых Китай очень заинтересован. В этой связи обращает на себя внимание стремление США не допустить усиления в Каспийском регионе, представляющем для США долгосрочную опасность, Китая, воспрепятствовать российско-китайскому сближению, по-

сколькx это создает весьма неприятную для США конфигурацию в Азии. Новые лидеры Ирана (объявленные Западом «ставленниками консервативных сил»), предупредившие, что готовы к адекватному ответу в случае санкций либо «точечных» военных ударов по иранским ядерным объектам, похоже, еще глубже будут вовлечены в дипломатический конфликт с США и западноевропейской «тройкой» (Великобританией, Германией и Францией) из-за своих ядерных амбиций.

*«Северный Кавказ в современной геополитике России»,
Махачкала, 2009 г., с. 350–363.*

Салтанат Ермаханова,
кандидат социологических наук
**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ**

Модернизация в казахстанском обществе встречает на своем пути разного рода барьеры и препятствия. Какова их иерархия? Какие главные факторы, по мнению экспертов, препятствуют успешной модернизации Казахстана?

Самым мощным в этом ряду выступила группа факторов, условно получившая обобщенное название «человеческий фактор» (79,6%). В него вошли: коррумпированность работников государственного аппарата; общая бедность населения, препятствующая его экономической активности; недостаток людей с деловой хваткой, способных организовать бизнес; приверженность населения традиционным социокультурным образцам, противоречащим новым демократическим и либеральным ценностям.

Примечательно, что представленность в обществе различных в модернизационном отношении социально-психологических типов людей выглядит, по мнению экспертов, следующим образом: 33% составляют модернисты-рационалисты, т.е. те, кто обладает даром успешно действовать в новых и сложных ситуациях, готов взять на себя значительный риск и начать новое дело, способен сопоставлять затраты и результаты, обладает навыками калькуляции и пр.; 39% являются комбинаторами, т.е. сочетают в себе как рациональные, так и традиционные начала в сознании и поведении; и, наконец, 28% номинируются как традиционалисты, т.е. находятся под непосредственным мощным влиянием культурных, соци-

ально-экономических особенностей своей страны, во всем придерживаясь глубоко укоренившейся традиции.

«Неправильная экономическая политика» властей Казахстана является вторым по мощности фактором, сдерживающим модернизационный процесс (74,2%). В этот ряд мы включили следующие индикаторы: нецелесообразное использование национального богатства, в том числе природных ресурсов, упор на развитие сырьевых секторов экономики в ущерб несырьевым, слабое развитие свободных экономических зон.

«Слабость правовых институтов, отсутствие правопорядка» занимают третью позицию (33,5%) в качестве фактора, тормозящего модернизацию.

Четвертую позицию занял фактор, получивший наименование «технологический застой» (27,3%). Он объединил два индикатора: отсутствие технопарков и недостаточный приток передовых иностранных технологий.

«Непродуманность модернизационной стратегии в целом» была указана на пятом месте.

Как видим, в нашем исследовании высветились две главные проблемы модернизации в современном Казахстане – коррумпированность работников государственного аппарата и нецелесообразное использование национального богатства, в том числе природных ресурсов. Можно предположить, что они тесно связаны между собой: коррупция обслуживает экономические интересы и нужды групп влияния, рвущихся к обладанию и распоряжению национальным богатством государства, нецелесообразное же использование национального богатства, в свою очередь, состоит, отчасти, и в том, чтобы подпитывать, «содержать» коррупцию, а самих агентов коррупции «включить в долю».

По данным Всемирного банка, который проводил исследования коррупции в странах с переходной экономикой (бывшие социалистические страны и Турция), уровень коррупции является наиболее высоким в тех из них, где политика менее действенна, а деятельность органов власти менее эффективна. Причем коррупционные схемы являются более сложными в тех странах, где переходный период все еще находится на относительно ранней стадии. Согласно тем же данным, в Казахстане в 2002–2005 гг. наблюдалось скромное, но значимое снижение «коррупционного налога» (измеряемого в процентах от годового дохода компании), что внушает некоторый оптимизм. Как видно, правящей политической

элите Казахстана следует продолжать курс на укрепление этих положительных сдвигов и активизации усилий по «антикоррупционной терапии общества».

Помимо факторов, тормозящих модернизацию, есть и другие, противоположные по смыслу и симметричные первым, т.е. те, которые стимулируют, катализируют и активизируют модернизационный процесс в современном Казахстане. Особое место в ряду этих факторов занял экономический блок. Он является заглавным в модернизационном отношении (90%). Две составляющие данного блока: богатые природные ресурсы страны и иностранные инвестиции в экономику. Это – лидеры в ряду всей совокупности факторов, обеспечивающих модернизационный процесс. Заметно «хуже» обстоит дело с факторами иной природы, такими как «активизация информационных потоков, коммуникаций и международных взаимодействий» (33,5%), «развитие политических институтов» (32,7%), «человеческий фактор» (23,1%). И, наконец, весьма слабо проявили себя следующие детерминанты: «рост технологического уровня производства» (15%), а также «развитие правовых институтов» (9,6%).

Итак, подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что модернизация в Казахстане стоит на «трёх китах» – экономике (богатые природные ресурсы, участие иностранных инвестиций, развитие рыночных отношений), информации и коммуникации, а также политике (развитие политических институтов), которые и вытягивают общество из трясины «вечно вчерашнего». Однако, к сожалению, в характере самой модернизации ярко просматриваются черты «вчерашнего дня»:

1) крен в сторону сырьевых, добывающих производств в ущерб развитию высокотехнологичных отраслей экономики;

2) отсутствие опоры на человеческий фактор – недостаток полноценных социальных агентов (акторов, субъектов) модернизационного процесса, поскольку значительная часть населения в трудовой и бытовой практике придерживается устаревших социокультурных образцов, демонстрирует низкий уровень деловой и социальной активности, к тому же бедна и недостаточно интегрирована в инновационные процессы и структуры;

3) слабое содействие модернизационным процессам правовых институтов, осуществляющееся к тому же в условиях деформированного правосознания населения (45,4% наших экспертов

полагают, что «в обществе действует лишь один закон – сила денег»).

Иными словами, модернизация в Казахстане осуществляется «сверху», в формате и границах стереотипов «традиционного толка».

*«Феномен модернизации и его отражение
в сознании субэлитарных групп:
Социокультурный аспект»,
Новосибирск, 2009 г., с. 117–123.*

Андрей Большаков,
кандидат социологических наук
(Казанский государственный университет)
**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИРГИЗИИ
С РЕСПУБЛИКАМИ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Большинство постсоветских стран проводит в последние несколько лет ярко выраженную многовекторную внешнюю политику, целостной пророссийской ориентации не существует в полной мере ни в одном государстве постсоветского пространства. Не является исключением в этом плане и Киргизия. Кроме того, экономическое положение Киргизской Республики настолько бедственно, что геополитические игры элиты являются едва ли не единственным способом эффективного пополнения бюджета. Экономика республики просто не может отказываться от финансовой помощи великих держав и международных организаций.

Киргизия в большой степени зависит от более сильных соседей, стремящихся играть по отношению к маленькой стране роль «старших братьев» (исключение составляет только Таджикистан). Север Киргизстана тесно связан с Казахстаном и Китаем. На юге роль главных партнеров играют соседние области Узбекистана и Таджикистана. Границы с этими странами делят Ферганскую долину наподобие средневековой Германии. Киргизстан вынужден лавировать между интересами данных стран, периодически заявляя о стратегическом партнерстве то с Россией, то с США, то со странами Европейского союза. Показательным в этой связи является наличие авиабазы «Манас» на территории Киргизстана. Сама авиационная база – это комплекс различных геополитических проблем.

Во-первых, столкновение интересов разных ведомств США, России и Китая. Во-вторых, проблема Афганистана, которую необходимо решать. В-третьих, интересы стран, расположенных к югу от Киргизстана, которые понимают, что в Киргизской Республике существует иностранная авиабаза, которая может быть рассмотрена как потенциальная угроза. Весь этот комплекс проблем сопряжен с реальными национальными интересами Киргизстана.

Основными донорами Киргизстана являются Россия, США, Китай, Германия, Великобритания, Турция, Швейцария и Япония, а также Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Всемирный банк и Программа развития ООН. Ни одна страна современного мира пока не в состоянии полностью обеспечивать все необходимые для Киргизстана финансовые вливания в одиночку, а потому лавирование киргизского истеблишмента в лабиринтах современной геополитики будет продолжаться.

Особую роль в развитии современной Киргизии играют ее взаимоотношения с центральноазиатскими странами. Интеграция в постсоветской Центральной Азии отсутствует, существует кооперация и взаимодействие ряда международных игроков. Структура экономики и номенклатура товаров большинства стран региона идентичны, поэтому интеграция объективно заменена конкуренцией. Казахстан – это 65% всей региональной экономики. Исходя из своего экономического потенциала, Казахстан претендует на роль лидера в Центральной Азии. Энергетика не является фактором интеграции в Центральной Азии.

Киргизстан и Казахстан. Данные страны связаны особыми культурными и историческими узами. Духовная и языковая близость киргизского и казахского народов являются общепризнанным фактом. Две страны активно сотрудничают в рамках таких международных организаций, как СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС. Если не считать проблем, возникающих из-за регулирования стока Сырдарьи, киргизско-казахские отношения в эпоху А. Акаева развивались почти без конфликтов. Казахи были представлены в элите Киргизстана. В 90-х годах XX в. страны договорились о возвращении всех земель, арендованных в советский период. К 2001 г. была в основном завершена демаркация между двумя государствами. В январе 2000 г. Киргизстан и Казахстан подписали договор о совместном использовании воды рек Чу и Талас. Несмотря на то что свергнутый в результате политической революции 2005 г. А. Акаев бежал сначала в Казахстан, отношения между двумя странами не

стали кризисными. В декабре 2005 г. на встрече премьер-министров двух стран было подтверждено право собственности Казахстана на несколько объектов около озера Иссык-Куль, принадлежавших Казахской ССР до 1991 г. Удалось договориться об упрощенном порядке трудовой миграции из Киргизстана в Казахстан; было образовано совместное предприятие «Казкыргыз», создание которого сняло угрозу необеспечения Киргизстана узбекским газом зимой. В 2007–2008 гг. значительно возросли инвестиции Казахстана в экономику Киргизстана. Известно, что казахские компании примут участие в тендере по осуществлению крупного инвестиционного проекта – строительства ГЭС «Камбарата-1». Активно развивается гуманитарное сотрудничество между странами, был проведен Форум интеллигенции двух стран, до 100 человек увеличилась квота мест в вузах Казахстана.

Однако киргизско-казахские отношения далеки от идеальных. Казахские власти ужесточают меры в отношении киргизских граждан, проезжающих по территории соседей. Так, например, дорога из Таласской области Киргизстана пролегает через территорию Казахстана. Пассажиры-киргизы ежедневно подвергаются униженным проверкам на пограничных постах Казахстана.

Киргизстан и Таджикистан. Киргизская Республика и Таджикистан являются партнерами по ряду постсоветских международных региональных организаций (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ), активно взаимодействуют в рамках ШОС, официальные переговоры и встречи представителей двух стран проходят в дружественной обстановке и служат укреплению дипломатических, торгово-экономических, культурных и гуманитарных контактов между странами. По ряду экономических, военно-технических и геополитических параметров обе страны являются слабейшими в регионе Центральной Азии. Их экономики конкурируют друг с другом, основные миграционные потоки из этих стран устремлены, прежде всего, в Россию, хотя многочисленные диаспоры киргизов и таджиков существуют и в других странах СНГ. Ситуация в Таджикистане напрямую связана с перманентной гражданской войной в Афганистане. Политические элиты Киргизстана и Таджикистана стремятся выйти из ореола «несостоявшихся государств», доказать свое экономическое и военное превосходство друг другу, занять более-менее устойчивые позиции. Географические параметры двух стран, наличие ограниченности или неравномерности в распределении природных ресурсов подстегивают часть населения на экс-

пансию с последующим освоением соседних территорий. Так, Таджикистан при наличии территории в 143,1 тыс. кв. км (из которых 93% – горная местность) имеет более 7 млн. человек населения (плотность населения более 45 человек на 1 кв. км). В свою очередь, Киргизстан имеет 198,5 тыс. кв. км территории с населением около 5 млн. человек (плотность 25 человек на 1 кв. км).

Список взаимных претензий Киргизстана и Таджикистана начинают земельно-территориальные участки на спорных приграничных территориях, преимущественно в Баткенской области Киргизстана, где на границе с Таджикистаном остаются около 70 спорных участков. В Киргизстане находится таджикский анклав Ворух, административно относящийся к Исфаринскому району Согдийской области Таджикистана. На территории площадью около 130 тыс. кв. км проживают более 20 тыс. человек, 95% которых являются таджиками, а 5% – киргизами. С каждым годом ожесточенное противостояние между жителями приграничных районов двух стран заканчивается попытками их правительств хоть как-то урегулировать ситуацию. Однако все безуспешно, так как Киргизстан и Таджикистан не могут прийти к общему согласию по вопросу определения принадлежности спорных приграничных участков. Важно отметить, что Киргизстан и Таджикистан уже имеют горький опыт длительного конфликта, в основе которого лежит застарелый спор вокруг земельно-водных ресурсов. С 80-х годов XX в. имели место серьезные столкновения между таджиками и киргизами, например в селениях Ворухе-Танги (1982) и Матче-Актатыре (1988). Безрезультатные попытки урегулировать противоречия, в ходе которых выдвигались различные требования, вплоть до передачи спорных земель Таджикистану, привели к новой эскалации напряженности (1989–1991), угрожая перерастанием в открытый двусторонний конфликт. В 1998 г. на территории Баткенского района отмечались новые столкновения из-за распределения воды.

За последние два–три года произошли аналогичные приграничные столкновения, преимущественно в весенне-полевой сезон. Нашумевший случай произошел в марте 2008 г. в Баткенской области, когда более 150 таджикских граждан во главе с руководителем администрации Исфаринского района вторглись на территорию Киргизстана и с помощью экскаватора попытались разрушить дамбу на канале, препятствовавшую поступлению поливной воды на таджикскую территорию. При неблагоприятном развитии событий подобные «малые конфликты» могут привести к применению

вооруженной силы. В условиях участвовавших беспорядков на пограничных территориях и конфликтов при определении принадлежности земельных участков, водных спорах и др. любые односторонние действия со стороны Таджикистана или Киргизстана без учета мнения друг друга могут привести к межэтническим конфликтам. Представляется, что подобное развитие событий не входит в интересы правящих элит двух государств, которые постараются решить спорные вопросы в рамках региональных организаций или при посредничестве России.

Киргизстан и Туркмения. Киргизская Республика и Туркмения представляют собой своеобразные полюса в плане общественно-политической открытости. Киргизстан можно смело называть наиболее открытой страной региона Центральной Азии, Туркмения является самым закрытым государством Центральной Азии и всего постсоветского пространства. Противоречия военного и геополитического характера практически отсутствуют во взаимоотношениях двух стран, но разные модели экономического и политического развития способствовали настороженному отношению к действиям друг друга на протяжении большей части постсоветского периода. Политические изменения, которые произошли в Туркмении за последние несколько лет, позволили руководству Киргизстана наладить более конструктивные взаимоотношения с данным государством в экономической сфере. Культурно-гуманитарное, торгово-экономическое сотрудничество двух стран стало развиваться в последнее время более интенсивно, удалось наладить взаимодействие в области развития туризма. Китай заинтересован импортировать природный газ из Туркмении по киргизской территории, а не через Казахстан, и готов инвестировать в этот проект. Киргизия, которая, как и Казахстан, имеет общую границу с Китаем, полностью зависит от единственного источника поставок газа – Узбекистана – и хочет диверсифицировать импорт. Киргизия, Таджикистан и Туркмения подписали рамочную конвенцию об охране окружающей среды. Это стало одним из итогов многолетней работы Межгосударственной комиссии по устойчивому развитию Международного фонда спасения Арала. Конвенция «предполагает единые требования в сфере осуществления природоохранной деятельности для всех стран Центральной Азии». Особое внимание в документе отведено научно-техническому сотрудничеству в решении экологических проблем и выработке совместных действий по

сохранению биологического разнообразия. Разработана и принята схема сотрудничества в чрезвычайных экологических ситуациях.

Киргизстан и Узбекистан. Отношения между двумя государствами на дипломатическом уровне носят преимущественно дружеский и взаимовыгодный характер. Известно, что в 1998 г. Киргизстан, Узбекистан и Казахстан подписали соглашение «О вечной дружбе и сотрудничестве», которое в определенной степени способствовало решению общих центральноазиатских проблем: региональной безопасности, противодействию терроризму и экстремизму, социальному развитию. Регулярно встречались президенты и премьер-министры трех стран, но реального экономического сближения не происходило. После приостановки Узбекистаном в 2008 г. своего участия в Евразийском экономическом сообществе, обе страны остались членами влиятельных региональных организаций ШОС, СНГ и ОДКБ. Сотрудничество Киргизстана и Узбекистана получило новый импульс после прихода к власти К. Бакиева. Две страны договорились о налаживании тесного взаимодействия в деятельности пограничных, таможенных служб и служб безопасности в целях усиления контроля за государственной границей. Основной акцент в межгосударственных переговорах был сделан на вопросы дальнейшего расширения торгово-экономического сотрудничества, в частности эффективного использования транспортных коммуникаций и водно-энергетических ресурсов. Взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество Киргизстана и Узбекистана упорядочивается подписанными соглашениями о свободной торговле, стимулировании и защите инвестиций, избежании двойного налогообложения и другими важными двусторонними документами.

При этом события еще советского периода в Оше (киргизо-узбекский этнический конфликт 1990 г.), фактор проживания значительной общины узбеков на юге Киргизстана и сравнительно небольшого числа киргизов в Узбекистане в значительной степени осложняют двусторонние отношения. Реализация прав этнических меньшинств (узбекского, киргизского) является основой не только двусторонних соглашений, но и стабильности в Центрально-Азиатском регионе в целом.

* * *

Киргизская Республика поддерживает дипломатические, военно-технические, торгово-экономические, культурные и гума-

нитарные отношения с большим количеством стран в других регионах. Но именно великие державы и государства Центрально-Азиатского региона определяют основные тенденции внутреннего и внешнего развития Киргизской Республики. За последний год, лавируя между Россией и США, Киргизстан добился многого: сумел оставить военную базу антитеррористических сил в стране, более чем в три раза увеличил доход от ее пребывания, добился списания внешнего долга России, получил российский грант, а также часть кредита на льготных условиях. При всем этом руководство Киргизии сохранило возможность дальнейшего торга вокруг авиабазы. Ведь договор о присутствии натовских военных заключается на год с возможностью продления или непродления, если какая-нибудь другая заинтересованная страна, например Россия, пожелает сделать киргизским властям более выгодное предложение. Киргизстану в рамках современных реалий Центральной Азии объективно необходимо тесное сближение с Россией. Соседи Киргизстана – Казахстан, Таджикистан, Узбекистан – постоянно ужесточают пограничные претензии к республике. Противостоять более сильным в экономическом и военном отношении странам, которые предъявляют жесткие территориальные ультиматумы, возможно только в союзе с Российской Федерацией.

*«Цивилизация и государство на Востоке»,
М., 2009 г., с. 23–44.*

Елена Ионова,

кандидат исторических наук

(ИМЭМО РАН)

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРКМЕНИИ

Доминантой сотрудничества России и Туркмении остается экспорт туркменского газа в РФ. В течение 2008 г. шел активный диалог на высшем уровне: в сентябре и декабре состоялись два рабочих визита Д. Медведева в Ашхабад, в марте и ноябре – Г. Бердымухаммедова в Москву. Кроме того, переговоры на высшем уровне происходили и во время встреч в рамках саммитов СНГ. Они касались поиска решений спорных вопросов (в первую очередь, это относилось к вопросам об объемах и цене закупаемого РФ туркменского газа), а также определения новых направлений

двустороннего сотрудничества. В 2009 г. Россия, несмотря на расширение внешнеэкономических связей Ашхабада, сохранила лидирующие позиции во внешнеторговом обороте республики. За 11 месяцев его объем достиг 5,5 млрд. долл. (правда, без учета газовой составляющей торговый оборот двух стран не превысил 900 млн. долл.), при этом российский экспорт в Туркмению вырос почти в 2,5 раза. С участием российских инвесторов в республике реализуется 127 проектов в различных секторах экономики и социальной сфере. Руководство РТ подчеркивает, что отношения с РФ имеют характер долгосрочного стратегического партнерства, не зависят от международной конъюнктуры и не подвержены влияниям извне.

Вместе с тем изменившиеся реалии вносят существенные коррективы в отношения двух стран. К числу факторов, оказывающих непосредственное влияние на взаимодействие России и Туркмении, относится, во-первых, активизация экономических отношений Ашхабада с другими экономическими партнерами, что, в частности, находит отражение в практической реализации принципа многовариантности маршрутов экспортных поставок туркменского газа, и, во-вторых, – мировой финансово-экономический кризис. С введением в действие 14 декабря 2009 г. газопровода по маршруту Туркмения–Узбекистан–Казахстан–Китай Россия перестала быть единственным импортером туркменского газа (исключение до этого составлял небольшой по объему импорт в Иран) и его поставщиком на мировой рынок. В ближайшие 30 лет туркменский газ будет поступать в Китай, который постепенно становится одним из крупнейших рынков сбыта сырья из Центральной Азии (в 2006 г. был запущен нефтепровод из Казахстана). Для КНР Трансазиатский газопровод, построенный в кратчайшие сроки – всего за два года, – становится реальным шагом к диверсификации источников поставок энергетического сырья, к чему стремятся все страны, импортирующие нефть и газ, в целях обеспечения энергетической безопасности. Для Туркмении новый трубопровод означает, прежде всего, обеспечение устойчивого сбыта добываемого газа, формирование его цены на основе рыночной конкуренции и в целом снижает зависимость республики от РФ в доставке этого сырья на мировой рынок. Строительство Трансазиатского газопровода, которое расценивается заинтересованными центральноазиатскими странами как «делка века», приобретает особое значение и с точки зрения перспектив развития интеграционных процессов. Трубопровод может стать важным фактором как внутрирегиональной (объ-

единение ресурсного, промышленного и транзитного потенциалов трех стран ЦА), так и межрегиональной интеграции (четырёхсторонний формат с участием Китая, но без России). В свою очередь, это может привести к выстраиванию новых схем партнерства.

Именно на интеграционных аспектах проекта делали акцент лидеры Туркмении, Казахстана и Узбекистана в своих выступлениях по случаю открытия газопровода. По словам Н. Назарбаева, «это великий проект. Через эту трубу восстанавливается древний Шелковый путь». Он отметил также, что это ведет к укреплению позиций Центрально-Азиатского региона в мировой энергетической системе. И. Каримов заявил, что запуск трубы в Китай «меняет геополитическую карту Центральной Азии» и служит усилению энергетической безопасности в региональном и глобальном масштабах. В то же время руководители трех центральноазиатских стран подчеркивали, что Трансазиатский газопровод – это еще и основа создания обширной энергетической инфраструктуры со всеми сопутствующими элементами – производственными и социальными объектами, коммуникациями и новыми рабочими местами. Следует отметить, что российскому бизнесу удалось внести свой вклад в реализацию этого проекта, при участии российских компаний был возведен один из самых сложных участков трубопровода.

Вместе с тем налицо растущая зависимость экономики Туркмении, как и других стран региона, от Китая, который все более активно входит на их рынки. Как известно, энергоресурсы стран ЦА давно интересуют КНР и являются главным фактором особого внимания Пекина к региону. Оно сопровождается увеличением объема инвестиций в экономику стран ЦА и предоставлением льготных кредитов на конкретные проекты. В настоящее время активизация туркмено-китайских отношений наблюдается не только в сырьевом секторе, но и по широкому спектру направлений развития экономики. С участием китайских инвестиций, которые, по официальным данным, составили в 2009 г. более 1 млрд. долл. и 1,4 млрд. юаней, в Туркмении осуществляются 53 проекта в нефтегазовой сфере, телекоммуникациях, на транспорте, в сельском хозяйстве, в текстильной, химической и пищевой промышленности, а также в здравоохранении и строительстве.

Рост влияния Китая происходит за счет укрепления позиций китайского капитала в экономике Туркмении. В частности, Китайской национальной нефтяной компании (КННК) принадлежит до-

говорная территория «Багтыярлык» с месторождением Саманедепе, откуда природный газ поступает в туркмено-китайский газопровод (китайские инвестиции пошли, в том числе, на строительство здесь крупного газоперерабатывающего завода). Корпорация, получившая в 2007 г. лицензию на разведку и добычу здесь газа, остается до сих пор единственной иностранной компанией, добывающей газ в Туркмении. Как и в других республиках ЦА, Пекин использует здесь механизм предоставления льготных кредитов на различные проекты. В частности, в 2009 г. КНР стала крупнейшим кредитором Туркмении. При этом КННК, наряду с компаниями Южной Кореи и ОАЭ, выиграла международный тендер, общая сумма соглашений по которому составила 9,7 млрд. долл. В ходе визита в Туркмению Председателя Госсовета Ху Цзиньтао в декабре 2009 г. был подписан пакет новых соглашений по льготным кредитам, в основном на развитие транспорта и связи.

В 2009 г. происходило расширение другого альтернативного направления экспорта туркменского газа – в соседний Иран. Готовился к вводу в эксплуатацию второй экспортный газопровод в эту республику в рамках договоренностей, достигнутых в июле 2009 г. между Ашхабадом и Тегераном. Наконец, на диверсификацию экспортных маршрутов «голубого топлива» рассчитаны активно обсуждаемые в республике планы его прямых поставок в Европу, в обход России, по газопроводу «Набукко». Реализация этого проекта отражает давнее стремление ЕС и США. Брюссель все более внимательно присматривается к энергоресурсам Туркмении, многие европейские компании готовы вкладывать инвестиции в разработку и освоение месторождений республики. Совпадение интересов Туркмении и Евросоюза в 2009 г. нашло отражение в активизации отношений на межгосударственном уровне, а также развитии партнерских связей между отдельными компаниями европейских стран и РТ.

В этом аспекте показательны итоги первого официального визита Г. Бердымухаммедова в Италию в ноябре 2009 г., которые включили не только межправительственные соглашения (например, по поддержке и защите инвестиций), но и договоры с крупными компаниями. В частности, был подписан меморандум о взаимопонимании между Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при Президенте РТ и корпорацией ENI, которая, как ожидается, первой из итальянских компаний выйдет на туркменский рынок. Кроме того, в 2009 г. был

подписан меморандум о долгосрочном сотрудничестве с одной из крупнейших энергетических компаний Европы – немецкой «RWE AG». С ней было заключено соглашение о разделе продукции при освоении одного из нефтегазовых блоков каспийского шельфа. Свои предложения по освоению морских месторождений представили французские компании «Total» и «GDF», британский энергетический холдинг BP, австрийская компания «OMV».

В последнее время в поиске инвестиций Ашхабад уделяет большое внимание развитию отношений с Японией. В республике японский бизнес уже осуществляет 23 инвестиционных проекта; среди компаний, наиболее активно действующих на туркменском рынке, – «JTOCHU Corporation», «JGC Corp.», «Внешнеторговая компания Абдул Хади», которые открыли свои представительства в республике. В середине декабря состоялся первый официальный визит Г. Бердымухаммедова в Токио, главная цель которого заключалась в привлечении новых японских инвестиций в экономику РТ. В ходе визита были намечены пути взаимодействия в области транспорта и связи, в строительстве, текстильной промышленности, здравоохранении. По его итогам была создана экспертная группа, призванная определить основные направления сотрудничества в нефтегазовой и перерабатывающих отраслях, а также заключен ряд соглашений, предусматривающих вложение японскими компаниями инвестиций в развитие химической промышленности РТ. Кроме того, между Государственным банком внешнеэкономической деятельности РТ и Японским банком международного сотрудничества было заключено соглашение о привлечении в туркменскую экономику долгосрочных льготных кредитов. В целом можно констатировать, что в настоящее время происходит процесс активного встраивания Туркмении в мировую хозяйственную систему по разным географическим направлениям.

Между тем отношения Москвы и Ашхабада в 2009 г. складывались непросто. Мировой финансовый кризис, обусловивший снижение спроса на газ в Европе и Украине, отразился и на уменьшении объемов закупок «голубого топлива» у Туркмении Россией. В 2009 г. «Газпрому» стало экономически невыгодно закупать у Туркмении газ – несмотря на падение мировых цен, Ашхабад не соглашался ни на снижение цены, ни на сокращение объемов газа. При этом было практически заморожено строительство Прикаспийского газопровода, проект которого получил в свое время широкий резонанс. Однако сложность отношений Москвы и Ашхаба-

да определялась не только последствиями мирового кризиса (весь первый квартал «Газпром» полностью выполнял обязательства, закупая положенный объем газа в соответствии с европейской формулой цены за вычетом расходов на транспортировку и маркетинг топлива). Недовольство Москвы вызывал продолжающийся поиск Ашхабадом возможностей для экспорта газа в Европу в обход РФ. Это нашло отражение в расхождении позиций Москвы и Ашхабада по вопросу строительства внутреннего газопровода Восток–Запад, который позволил бы соединить месторождения в восточных районах страны с побережьем Каспия. В Москве требовали гарантий, что газ по этой артерии будет поступать в Прикаспийский газопровод и пойдет в Европу через Россию, а «Газпром» станет не только инвестором, но и оператором трубы. Однако Г. Бердымухаммедов в ходе мартовского 2009 г. визита в Москву отказался дать гарантии, которые в перспективе могли сделать газопровод Восток–Запад первым звеном трубопровода «Набукко». Вдобавок, Ашхабад объявил международный тендер по этому проекту. В ответ «Газпром» известил Ашхабад о намерении снизить отбор газа в четыре раза.

Между тем ухудшение отношений с Ашхабадом не входит в планы Москвы. Соображения геополитики требуют сохранения устойчивых связей с республикой, которая испытывает растущее влияние других внешних партнеров. В налаживании отношений Москвы и Ашхабада большую роль сыграл визит Д. Медведева в Ашхабад в декабре 2009 г., итоги которого подвели черту под переговорами, продолжавшимися в течение всего года, как на высшем уровне, так и на уровне руководителей хозяйствующих субъектов. Туркмения и Россия договорились о возобновлении с января 2010 г. поставок туркменского топлива. Был также достигнут компромисс по вопросу цены, формула которой должна соответствовать условиям европейского газового рынка. В целом в 2010 г. туркменский газ обойдется «Газпрому» дешевле – в основном за счет сокращения объема его поставок (ранее, по контрактам, ежегодные закупки составляли порядка 50 млрд. куб. м). Вместе с тем некоторые эксперты считают, что в новом соглашении нашли отражение прежде всего политические устремления Москвы, так как на деле «Газпрому» выгоднее покупать более дешевый газ у российских независимых производителей, увеличивающих его добычу.

Важными представляются договоренности, касающиеся туркменских трубопроводов. Во-первых, запланировано продолжить сотрудничество в строительстве Прикаспийского газопровода, призванного расширить поставки туркменского газа через Россию в Европу. Во-вторых, активизировать участие РФ в прокладке внутреннего газопровода Восток–Запад, долгое время бывшего камнем преткновения в отношениях двух стран. При этом один из пунктов соглашения предусматривает согласование с РФ новых направлений поставок туркменского газа на рынки Европы. Также было принято решение об усилении участия российских компаний в техническом переоснащении ведущих отраслей экономики РТ, которое нашло отражение в соглашении о расширении стратегического сотрудничества в области энергетики и машиностроения. Кроме того, намечено привлечь российские компании к участию в проектах в нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслях, включая освоение углеводородных ресурсов туркменского сектора Каспийского моря, а также к созданию инфраструктуры для транспортировки нефти и продуктов ее переработки. Большая роль в техническом переоснащении туркменской экономики отводится российской государственной корпорации «Ростехнологии». В том случае, если достигнутые соглашения получают практическую реализацию, можно ожидать, что российско-туркменские отношения выйдут на новый уровень.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № 1, с. 84–89.*

Е. Кузьмина,

кандидат политических наук

**ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ
И МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Центральная Азия, прошедшая 18-летний период становления новых независимых государств, является одним из геополитических регионов мира, оказывающих влияние на мировые процессы. Она представляет значительный интерес для мировых и региональных политических игроков. В данной статье мы проведем анализ внутривнутриполитических особенностей региона, способствующих или препятствующих его единству. Поскольку Центрально-

Азиатский регион находится в стадии становления, считаем необходимым проанализировать интересы и возможности крупных внешнеполитических игроков, влияющих на формирование регионального единства. Входящие в Центрально-Азиатский регион страны различаются по политическому и социальному устройству, организации экономической жизни, стратегическим приоритетам во внешнеполитической сфере. Однако в политическом развитии государств региона существует и ряд общих черт.

Государства Центральной Азии после распада Советского Союза прошли значительный путь к становлению своей государственности. Территориально эти государственные образования оформились лишь в 1924–1936 гг. в качестве союзных республик СССР. До второй половины XIX в. на территории Центральной Азии существовали три многонациональных государства – Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, никак не затрагивавшие ареалы национального проживания. Затем значительная часть этих территорий вошла в состав Российской империи. На этой территории в советский период не существовало национальных государств, хотя уже в это время шел процесс укрепления политических возможностей тех наций, которые являлись в республиках титульными. Костяк политической, экономической и культурной элиты в регионе был сформирован еще в советский период. При советской власти традиционные структуры центрально-азиатских социумов (регионализм, клановость) формально игнорировались, шли перманентные чистки партийно-номенклатурной элиты, но параллельно шел и процесс укрепления кланового самосознания народов Центральной Азии. В результате в регионе еще в период существования СССР произошел синтез авторитарно-иерархической власти Советов с традиционной схемой общественных отношений. Это привело к тому, что с обретением независимости в 90-е годы XX в. центральноазиатские элиты не претерпели кардинальных изменений, как в России, где элитарное сообщество обновилось более чем наполовину. Исключение в какой-то мере составляет лишь Таджикистан, прошедший через жестокую гражданскую войну, в котором политическая элита пополнилась религиозными деятелями.

Ни одна из стран не имеет мононациональной структуры, хотя титульные нации составляют от 60 до 90% населения. При этом в каждом государстве имеется широкий диапазон национальных меньшинств. Такая полиэтничность оказывает значительное давле-

ние на решение внутривластных проблем. Все центрально-азиатские государства во главу угла своей внутренней политики ставят вопрос укрепления национальной составляющей для формирования мононациональной государственной идентичности. М.А. Хрусталёв правомерно выделил две основные задачи, стоящие перед правящей элитой центральноазиатских государств в связи с полиэтничностью региона и этнократическим характером власти в Центральной Азии: консолидацию титульных этносов и легитимацию этнократии.

С обретением независимости в странах Центральной Азии стал еще более укрепляться регионализм. В Киргизии это – деление на Север–Юг, в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – на региональные кланы, в Казахстане – на старший, средний и младший жузы. Выстроенная в странах Центральной Азии жесткая вертикаль верховной власти плавно перетекает в многочисленные властные клановые пирамиды. Разрушить клановые связи не удалось ни одному президенту. Они лишь уравнивают эти связи частыми кадровыми перестановками без скидок ближайшему окружению. Само явление клановости отражает традиционнопатриархальные и социокультурные устои населения. Суть их заключается в том, что основная масса населения относится к институту государственной власти как к системе справедливого распределения социальных и материальных благ. Такая этносоциальная структура общества позволила сформировать элиту «по принципу клиентелы, в основу которой была положена протекция вышестоящих руководителей родственникам и землякам в обмен на их лояльность». При общности принципа формирования региональных элит в каждой из стран Центральной Азии клиентарная модель формирования и функционирования элиты имеет свои особые черты.

Важной специфической чертой политического сознания народов Центральной Азии является тот факт, что лидер государства ассоциируется с отцом нации, наделенным этой же общиной неограниченной властью. Это позволило всем президентам вне зависимости от срока нахождения у власти постепенно и поступательно укреплять институт президентства как инструмент личной власти. Главы двух крупнейших государств региона – Казахстана и Узбекистана – Н. Назарбаев и И. Каримов – находятся у власти с 1991 г. Они, как и президент Таджикистана Э. Рахмон, использовали лимит демократического пребывания на своих выборных постах. Раз-

громив своих потенциальных соперников и ослабив оппозицию, эти лидеры имеют достаточно прочные позиции и конституционно укрепили статус президентских республик. В Туркменистане еще первым президентом страны была создана система неограниченной власти монархического типа. Новый президент Г. Бердымухаммедов, приступивший к управлению страной после смерти Туркменбаши («отца всех туркмен») С. Ниязова в конце 2006 г., произвел ряд изменений во внутренней политике государства, не затрагивая основ сверхсильной президентской власти. Таким образом, повсеместно наблюдается тенденция укрепления личной власти президента.

Другой специфической чертой политических систем центральноазиатских государств, связанной с особенностями этносоциального обустройства регионального общества, является делегирование президенту функций разных ветвей власти. Разница в страновом разрезе заключается лишь в объеме делегируемой власти. Если в Киргизстане и Казахстане создается впечатление меньшего влияния главы государства на законодательную и судебную ветви власти, то в Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане президентская власть не ограничивается никакими условностями.

Юридически государства Центральной Азии являются демократическими республиками – регулярно проводятся выборы президентов и членов парламентов, существует разделение функций властей и т.п. Но фактически демократия в регионе имеет определенные ограничения в сравнении с классическими западными образцами. Таким образом, в государствах Центральной Азии действуют так называемые делегированные демократии, которые более адаптированы к существующей традиционной структуре региональных сообществ.

Такое положение поддерживается большинством населения центральноазиатских стран, исключение составляют лишь небольшие группы оппозиции. Особенностью оппозиции в странах Центральной Азии является то, что она формировалась не на основе создания партий, имеющих в своих программах различные взгляды на управление страной или являющихся выразителями разных социальных слоев общества, а в результате удаления ряда политиков от власти по различным политическим и экономическим причинам. Это явно видно на примере наиболее приближенного к абсолютной монархии Туркменистана, где все лидеры оппозиции (и живущие за границей, и пребывающие в заключении) находи-

лись в разное время на высших государственных должностях. Такое же положение и в наиболее «демократичных» Казахстане и Киргизии, где любой лидер оппозиции был в свое время чиновником высокого ранга. Официальные оппозиционные силы действуют в рамках, дозволенных властью, и под ее тотальным контролем (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). В Туркменистане и Узбекистане есть и оппозиция, выдворенная за пределы страны. В первом случае оппозиция значительно ограничена в своих действиях по реформированию политической системы страны, во втором – она не в состоянии активно влиять на политическую жизнь своей родины.

Во всех странах Центральной Азии в 2000-е годы проводились парламентские реформы. Главной причиной проведения этих реформ было предотвращение раскола элиты и дестабилизации общества. По мнению аналитиков, перманентные конституционные реформы могут оказаться достаточно эффективным инструментом в вопросе стабилизации политического процесса, поскольку они позволяют менять правила политической «игры» в широком диапазоне, не выходя за рамки конституционно-правового поля. Кроме того, парламентские реформы позволяют деполитизировать крупные бизнес-группы, если не нейтрализовать, то ослабить их политическое давление на власть. Это наиболее очевидно на примере Казахстана. Хотя некоторые казахстанские компании еще представлены в системе законодательной власти, но наиболее влиятельные банковский и нефтяной секторы оказались за пределами парламента. На сегодняшний день достигнут альянс верховной власти с крупным бизнесом, ориентированный на стратегические цели государства, включая вхождение в 50 наиболее конкурентоспособных стран мира. Крупный бизнес получил власть не через выборы и политические партии, а благодаря административному ресурсу. Создание госхолдинга «Самрук», фонда «Казына», социально-предпринимательских корпораций, союза «Атамекен», программа «30 корпоративных лидеров», акции по легализации собственности, наличие своих ставленников в администрации президента, правительстве, Нацбанке, акиматах и т.п., – все это фактически привело к тому, что интересы крупного бизнеса, как частного, так и государственного, попросту стали государственной политикой. По мнению Д. Ашимбаева, в стране возникли две мало связанные между собой реальности. В одной есть парламент, правительство, «Нур Отан», политическая и административная рефор-

ма, СМИ, электорат и пр. В другой – крупный бизнес (банковский, строительный, металлургический, нефтяной) и госкорпорации. Объединяет их только фигура главы государства, признаваемого в качестве гаранта стабильности в «обоих мирах».

Примерно на тех же принципах осуществляется взаимодействие власти и бизнеса и в других странах региона. Естественно, в каждом государстве есть свои нюансы этого взаимодействия, но роль президента как арбитра межэлитных противоречий и гаранта стабильности связей бизнеса и власти четко прослеживается во всем регионе.

Фактически элиты государств Центральной Азии имеют чрезвычайно узкие политические возможности, вызванные особенностями модернизационных процессов, которые характерны для стран исламского Востока. В таких государствах успешно реализуются лишь две модели политического развития. Это – авторитарный светский режим со всеми присущими ему недостатками (клановость, деспотизм, коррупция) и исламская теократия. Несмотря на повсеместное возрождение религиозного самосознания, все государства региона избрали светский путь развития. Можно согласиться с мнением О. Руа, что авторитарная модель государства семейного типа, выбранная лидерами Центральной Азии, опирается на частичную социально-экономическую модернизацию (внедрение рыночных институтов, создание условий для развития социальных групп капиталистического общества) и на секулярное развитие. При этой модели роль религии в политике и экономике страны минимизируется. По этому пути наиболее успешно продвигались Египет, Иордания, Индонезия (до своей «цветной революции» в 1998 г.). Пиком политического развития этой модели является своеобразный вариант демократии, при котором сохраняется сильная роль личной власти лидера страны, армии и спецслужб. Наиболее ярким примером здесь служит Турция.

В некоторых странах Центрально-Азиатского региона (Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) в перспективе возможно усиление исламского фактора во внутригосударственной политике. Это связано как с социокультурным и религиозным сознанием населения этих стран, так и с низким социально-экономическим уровнем развития этих стран, который еще более снизится в связи с расширяющимся мировым экономическим кризисом.

Страны Центрально-Азиатского региона характеризуются большими различиями по уровню социально-экономического раз-

вития при довольно низком общем уровне. Четко выделяются два полюса. Один из них представляет Казахстан, другой – все остальные страны. На Казахстан приходится 69% общерегионального ВВП, на Узбекистан – 23%. Доли Киргизии и Таджикистана существенно меньше – около 4%. Туркменистан почти не участвует в региональных экономических процессах, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имеют высокую долю аграрного сектора в экономике, в Казахстане самый высокий уровень промышленного производства. Он также заметно опережает соседей по доходам и сбережениям населения. В этой стране значительно ниже уровень безработицы и бедности.

Ведущую роль в структуре промышленности играют отрасли ТЭК, черная и цветная металлургии и пищевая промышленность. Различие в том, что у Казахстана эти отрасли широко включены в международную экономику, а в остальных странах они работают преимущественно либо на внутренний, либо на региональный рынок. Туркменистан пытается за счет сотрудничества с Китаем выйти на мировые рынки сырья. В Киргизии и Таджикистане в металлургии производятся в основном концентраты руд или черновой металл – начальные стадии металлургического производства.

Узбекистан является главным поставщиком природного газа для Киргизии и Таджикистана. Определенную роль он играет и в поставках легковых автомобилей и сельскохозяйственной техники. Экономическое значение горных Киргизии и Таджикистана определяется тем, что они занимают верховья основных рек Центральной Азии – Амударья и Сырдарья – и благодаря расположенным на этих реках и их притоках гидроузлам могут регулировать сток и обеспечивать полив сельскохозяйственных земель в Узбекистане и Казахстане в период вегетации хлопчатника и других культур. Казахстан играет важную роль в обеспечении стран региона хлебопродуктами, жидким горючим и черными металлами. Кроме того, исключительно важна его роль как страны-транзитера, через которую другие центральноазиатские страны выходят на европейский, российский и китайский рынки.

Страны ЦА сильно различаются по характеру и глубине проводимых экономических реформ. Казахстан и Киргизия дальше продвинулись в их осуществлении. В Узбекистане происходит постепенная рыночная трансформация, которая характеризуется наиболее высокой централизацией власти в экономической сфере. В Туркменистане еще более жесткая централизация управления

экономикой страны, и рыночные трансформации идут самыми медленными темпами. Таким образом, за годы суверенного существования сильно возросли различия между странами региона. Они связаны с разной динамикой экономики после пика экономического спада, наблюдавшегося в середине 1990-х годов. Наиболее высокие темпы экономического развития наблюдались в Казахстане и были связаны с быстрым ростом добычи нефти и благоприятной ценовой конъюнктурой на мировом рынке углеводородов, черных и цветных металлов.

Рост экономического веса Казахстана в начале XXI в. пробудил в нем региональные лидерские амбиции. Но эти амбиции вступают в противоречие с установившейся негласной этнокультурной иерархией центральноазиатских народов. Земледельцы-узбеки ментально ощущают некое культурное превосходство над недавними кочевниками – казахами и киргизами, к тому же они являются численно крупнейшей нацией региона. Поэтому экономически подкрепленные амбиции на доминирование в регионе у Казахстана наталкиваются на противодействие Узбекистана, который, в представлении его граждан, имеет на это естественное историческое право. Эта сложная ткань исторических взаимоотношений и современной экономической динамики в регионе ЦА делает реализацию каких-либо проектов регионального сотрудничества весьма проблематичной. Хотя официальные лица Киргизии и Таджикистана поддерживают идеи казахского лидера, однако в республиках зреет недовольство скупкой Казахстаном многих экономических объектов в этих странах. Это еще больше осложняет ситуацию в вопросах интеграции Центрально-Азиатского региона.

Анализ ситуации показывает неоднозначность оценок дальнейшего развития Центрально-Азиатского региона и каждой страны в отдельности. Перспективы интеграции в Центральной Азии не внушают оптимизма. Не был запущен ни один совместный региональный проект (так и не создано реального единого экономического пространства, тормозятся совместные решения экологических проблем). Страны заинтересованы в экономической интеграции с внерегиональными странами, в первую очередь с соседними Россией и Китаем. Имеется сильная зависимость стран региона от этих стран в решении социальных вопросов, в частности безработицы.

Центральная Азия все еще находится в стадии развития и становления. Она обеспечена системой международных институтов

и организаций, но крайне противоречива в вопросах сотрудничества с ними. Народы, населяющие эту территорию, обладают неустойчивой собственной идентичностью. Это отражается в неопределенности внешнеполитических ориентиров центральноазиатских государств, в конкуренции за интеграционные проекты, в противоречиях между региональными институтами и отсутствии действенного сотрудничества в рамках международных организаций. В таких странах это называется многовекторным сотрудничеством.

Начавшийся мировой экономической кризис значительно ослабил экономические позиции государств Центральной Азии. Резкое снижение цен на углеводороды и ряд других природных ресурсов привели к ослаблению производственной и финансовой систем этих государств, что подтолкнет их правительства к укреплению экономического взаимодействия с более богатыми по сравнению с центральноазиатскими соседями странами – с Россией, Китаем, странами ЕС и США, поскольку только эти государства, имеющие значительные финансовые и производственные возможности, могут помочь в преодолении кризиса национальных экономик. Влияние и экономические возможности других государств в регионе различны. Между ними – в силу внешних по отношению к региону причин – еще не достигнут консенсус по распределению сфер влияния в Центральной Азии. Центральная Азия сегодня является ареной борьбы не только за природные богатства, но и за политическое и идеологическое влияние. Наибольший интерес к региону проявляют США, ЕС, Россия и Китай. Эти страны объединяют стремление диверсифицировать источники снабжения углеводородами и маршруты их доставки на свои рынки и укрепить в регионе свои экономические и политические позиции. Эта задача рассматривается в контексте борьбы полюсов мировой политики и экономики за глобальное влияние. Следует подчеркнуть, что страны Центральной Азии выигрывают от соперничества мировых и региональных лидеров. Высокие темпы их роста – во многом результат этого соперничества. Это отдалает формирование экономического и политического единства региона и создание региональной экономической структуры, а тем более политического союза. Такой вывод можно сделать уже из сегодняшнего положения, когда временные рамки мирового кризиса все еще неопределенны.

Последние восемь лет наблюдается активизация политической и особенно экономической деятельности в регионе соседей – России и Китая. Россия пытается восстановить свои былые пози-

ции, используя существующие преимущества: единство общей государственности на протяжении почти полутора веков и экономическую завязанность ряда отраслей национальных экономик на экономическое единство с Россией, единые транспортные, трубопроводные и даже электрические сети.

Экономические интересы России в Центральной Азии довольно широки. Некоторые из них имеют чисто экономический характер, например импорт и экспорт традиционных товаров, а некоторые тесно смыкаются с внешнеполитическими и геополитическими интересами (нефтегазовый сектор, транспорт, атомная промышленность). Вместе с тем в РФ не выработана единая стратегия политических и экономических отношений со странами Центральной Азии. Все проводимые ныне в регионе совместные экономические проекты осуществляются лишь на двусторонней основе. Ни один из задекларированных многосторонних проектов не работает. Это объясняется как описанной ситуацией в отношениях между центральноазиатскими государствами, так и несбалансированной российской политикой в отношении единого региона. Одной из главных причин российского участия в ШОС является возможность расширения своего влияния на регион и укрепления интеграционных тенденций в сотрудничестве с ним. Россия считает основой усиления своего влияния в регионе развитие сотрудничества со странами в военной сфере и по вопросам безопасности. Это соответствует ее современному внешнеполитическому курсу на укрепление российских глобальных позиций. Именно в вопросах сотрудничества в сфере безопасности прослеживается все более четкий акцент России на развитии многостороннего взаимодействия и интеграции. Москва пытается координировать процессы формирования региональной системы безопасности. Наиболее активно она стала действовать с 2007 г.: по инициативе России подписаны документы, регламентирующие создание в рамках ОДКБ механизма миротворческой деятельности и расширение военно-технического сотрудничества.

Немаловажным фактом выхода России на лидирующие позиции в вопросах формирования региональной системы безопасности является ситуация вокруг американской базы в Киргизии и присутствия войск НАТО в этой республике. Такая неплановая, часто постфакторальная политика России в Центральной Азии дает и разнонаправленные результаты. С одной стороны, страны региона медленно, но верно расширяют свое сотрудничество с Россией.

С другой стороны, из-за отсутствия российской общерегиональной стратегии сотрудничества регулярно возникают межгосударственные казусы в виде демарша Таджикистана по гидроэнергетическим проблемам после заявлений Д.А. Медведева в ходе официального визита в Ташкент или приостановления Узбекистаном своего участия в ЕврАзЭС из-за нечеткой позиции России в отношении направлений транспортировки туркменского газа по новым договоренностям по Прикаспийскому трубопроводу и САЦ-3.

Китай прошел период своего существования в качестве стороннего наблюдателя в Центральной Азии и разработал стратегию, направленную на то, чтобы, опираясь на ШОС, активно участвовать в решении проблем региона, развивать отношения с его странами, способствовать стабильности и процветанию, а также осуществлять свои стратегические интересы, которые прежде всего сосредоточены в сфере освоения ресурсов Центральной Азии. Хотя никаких официальных доктрин в отношении региона не представлено, но, исходя из конкретных действий Пекина и выступлений в прессе китайских политиков и ученых, можно утверждать, что КНР имеет тщательно продуманную программу взаимодействия с государствами Центрально-Азиатского региона (ЦАР). Китай каждой стране Центральной Азии выделяет собственное место. В целом можно выделить две сферы китайских интересов в ЦАР: сфера безопасности и экономическое взаимодействие. Китайские аналитики выделяют следующие угрозы национальной безопасности для КНР: уйгурский сепаратизм внутри страны, религиозный экстремизм и терроризм на сопредельных территориях, наркотрафик, американское военное присутствие в регионе. Китай старается сохранять стабильное положение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), населенном в основном уйгурами-мусульманами, которые не раз высказывали свое намерение создать независимое уйгурское государство. По мнению китайской стороны, сепаратистский «Восточный Туркестан» имеет опорные пункты в регионе и тесные связи с центральноазиатскими религиозными и экстремистскими организациями, которые являются проводниками между «Восточным Туркестаном» и международными террористическими организациями, в первую очередь с «Аль-Каидой». Пекин настаивает, что это является прямой угрозой национальной безопасности КНР. Китай учитывает и тот факт, что на территории сопредельных центральноазиатских стран проживают уйгуры. Он подталкивает правительства этих государств к ужесточению политики в отноше-

нии местных уйгуров. Так, существует китайско-казахское соглашение, в котором содержится обязательство не вести агитации среди китайских мусульман. Значительные опасения у Китая вызывает ситуация в самих центральноазиатских государствах и Афганистане. В первую очередь, это – вопросы религиозного экстремизма и наркотрафик. В наркотрафике страны региона выступают в основном как страны – транзитеры афганских наркотиков в сопредельные страны и государства Европы. В Китай наркотики поступают из Казахстана и Таджикистана.

Серьезнейшей проблемой геополитического и геостратегического плана стало для Китая появление в Центральной Азии американских и натовских военных баз. Еще более негативно Пекин относится к перспективе длительного военного присутствия США в регионе. Китайская сторона постоянно проводит работу с политическими элитами центральноазиатских государств с целью ограничить масштабы и формы их военного сотрудничества с американцами. Руководство КНР осознает, что имеет недостаточно сил на полномасштабное противостояние США в регионе, и предпочитает создание региональной системы безопасности в рамках ШОС. Китай наращивает свое экономическое присутствие в странах региона, ежегодно увеличивая взаимную торговлю, строя там взаимовыгодные коммуникации. Сотрудничество с Центральной Азией для Китая во многом отождествляется с воссозданием «Шелкового пути». В этом смысле регион выступает для Китая в качестве моста, соединяющего его с Европой и Ближним Востоком. Но Китай воспринимает «Шелковый путь» не только как систему трансевроазиатских коммуникаций, но и как инструмент своего глобального влияния, распространения технологий, культуры и политических взглядов. Для Китая Центральная Азия важна с точки зрения развития сильно отстающего от восточных провинций Синьцзян-Уйгурского автономного района. Создание благоприятных внешних и внутренних условий для его ускоренного развития – одна из центральных задач китайского руководства.

Фактически в ближайшее десятилетие Россия и Китай будут постепенно превращаться из экономических союзников в экономических соперников в Центральной Азии. Об этом говорят и осуществляемые ныне коммуникационные проекты, и проблемы координации экономического сотрудничества, возникающие внутри ШОС, постепенное вытеснение с центральноазиатских рынков товаров некитайского производства.

На развитие ситуации в Центральной Азии огромное влияние оказывают не только соседние государства – Россия и Китай, – но и находящиеся географически достаточно далеко от ЦАР США и ЕС. Геополитические интересы Америки в регионе весьма весомы. В конце 2005 г. США обнародовали стратегию «Большой Центральной Азии» (БЦА), суть которой заключается в объединении Афганистана со странами Центральной Азии в единый военно-стратегический и экономический регион. Проект предназначен для ограничения влияния в странах региона России и сдерживания экономической экспансии Китая в Центральную Азию. С другой стороны, США посредством создания БЦА предполагают ограничить влияние Пакистана и Ирана на Афганистан. При этом стратегической целью является установление и поддержание доминирующего влияния США в регионе. Экономические интересы Америки связаны с деятельностью работающих в регионе нефтяных компаний. Именно в освоении новых месторождений нефти на США приходится более 1/3 из 40 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций, вложенных в Казахстан за годы независимости. Однако практически вся добываемая ими нефть реализуется в Европе. Кроме того, проект БЦА предполагает уделить особое внимание формированию в регионе крупного международного узла транспортировки товаров и сырья, а также модернизации в странах региона сельского хозяйства с целью создания альтернативы выращиванию растительного сырья для производства наркотиков в Афганистане. Основной акцент в разработанной концепции делается на Казахстан. Американские компании уже вложили значительный капитал в нефтяную отрасль страны и намерены продолжать вложения. Они крайне заинтересованы в подключении Казахстана к трубопроводу БТД, расширении Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), а также участии Казахстана и Туркменистана в предполагаемом Транскаспийском газопроводе. Здесь интересы США и ЕС совпадают. Ряд американских программ направляется на финансирование экономических проектов для преодоления бедности в Таджикистане и Киргизии. В последнее время США демонстрируют желание наладить энергетический диалог с Душанбе и участвовать в строительстве Джастижумского гидроузла на приграничной с Афганистаном реке Пяндж. Они заинтересованы и в прокладке коммуникаций из Таджикистана через Афганистан к портам Индийского океана и в этом отношении конкурируют с Китаем.

В последнее десятилетие многократно возрос интерес к Центральной Азии у Европейского союза. Объем взаимной торговли ЕС с ЦА в 2007 г. был в два раза больше, чем у Китая, и в 1,5 раза больше, чем у России. При этом необходимо учитывать тот факт, что ЕС – это 27 государств, поэтому при расчетах берется совокупность торгового оборота всех стран, хотя крупнейшими торговыми партнерами и инвесторами являются наиболее крупные экономически и политически государства Евросоюза. В перспективе объемы торговли будут постоянно увеличиваться. Для европейцев главный экономический и одновременно политический интерес в Центральной Азии связан с участием в разработке месторождений углеводородов и с получением их по альтернативным, в обход России, трубопроводам. Посредством сотрудничества со странами Центральной Азии в энергетике ЕС хотел бы ограничить свою зависимость от российских энергопоставок. В этом контексте Евросоюз положительно оценил присоединение Казахстана к нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Он заинтересован в участии Казахстана в проекте Одесса–Броды–Плоцк, а также в реализации Транскаспийского газопроводного проекта, позволяющего наполнить проектируемый европейский трубопровод «Набукко». Однако реализация этого весьма желательного для ЕС проекта из-за начавшегося создания Прикаспийского газопровода и трубопровода Туркменистан–Китай откладывается на неопределенное время.

Другой интерес Евросоюза связан с реализацией проекта ТРАСЕКА, который предполагает создание прямого транспортного коридора, связующего Центральную Азию с ЕС через Южный Кавказ, Турцию, Болгарию и Румынию. Фактически ТРАСЕКА представляет собой западную половину «Шелкового пути». Большое внимание уделяется изучению возможности введения визы ТРАСЕКА, что подразумевает упрощение административных процедур, связанных с прохождением транзитных грузов и сопровождающих их лиц на погранично-таможенных переходах в странах-участницах. В 2007 г. были приняты Стратегия ЕС по сотрудничеству с Центрально-Азиатским регионом и программа этого сотрудничества на период 2007–2013 гг. В Стратегии представлены как общерегиональные сферы сотрудничества, так и проекты двустороннего взаимодействия. По объемам намечаемых инвестиций на первом плане стоит Казахстан с крупными запасами углеводородов. Сотрудничество с Центральной Азией осуществляется на основе подходов и целей, сформулированных в Общей региональной

инициативе и Европейской политике соседства ЕС (ЕПС) в Восточной Европе и на Южном Кавказе. В связи с этим предполагается расширить взаимодействие с центральноазиатскими странами, привлекая их в программы ЕПС и приобщая тем самым к нормам и стандартам ЕС.

США и западноевропейские страны сумели добиться двух значимых результатов в Центральной Азии. Во-первых, это внедрение капитала своих стран в наиболее выгодные отрасли хозяйства региона, причем главным образом в тех сегментах рынка, которые позволяли бы без сколько-нибудь существенных затрат получить в относительно короткие сроки наибольшую финансовую выгоду. Во-вторых, путем весьма продуманной, кропотливой и целенаправленной работы были созданы целые страты в элитных группах центральноазиатских государств, которые ориентировались и действовали в соответствии с определенными поведенческими установками. При этом временной фактор играл в пользу именно такой линии.

Естественная смена поколений в политической элите республик Центральной Азии неизбежно должна была привести к появлению в рядах такой элиты молодых акторов, мышление которых сформировалось в иных исторических реалиях, чем у прежних лидеров, родившихся и выросших в период существования СССР. С учетом этого обстоятельства на Западе имеются надежды на уменьшение роли русского языка и вообще культурной близости с Россией в социализации таких новых элитных групп.

Таким образом, с одной стороны, страны Центральной Азии имеют общие черты внутривнутриполитического развития и формирования внешнеполитических ориентиров. С другой стороны, мировые и региональные лидеры имеют идентичные интересы в сотрудничестве с центральноазиатскими государствами. Эти два фактора позволяют руководителям стран Центральной Азии вести многовекторную внешнюю политику и лавировать между центрами силы. Политика многовекторности не ведет к оформлению общерегиональных интересов, а значит, и к центральноазиатскому региональному единству. Она, наоборот, заставляет их соперничать за экономические инвестиции и политические дивиденды внешних для региона игроков. Такое положение дел может привести к разлому Центральной Азии как единого политического и экономического региона, сохраняя лишь географическую доминанту единства.

«Политэкс», СПб., 2009 г., т. 5, № 3, с. 116–132.

Ахмед Айдамиров,
ПОЛИТОЛОГ
**АФГАНСКИЙ КОНФЛИКТ ОБРЕТАЕТ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАСШТАБЫ**

Попытка Вашингтона наладить диалог с талибами с целью постепенно трансформировать их в нечто вроде политической партии встречается со многими преградами, хотя это неплохой курс. Военную победу большинство аналитиков считают нереальной.

– Во-первых, во главе движения «Талибан» стоят гордые горцы, которые не готовы отказаться от сотрудничества с «Аль-Каидой».

– Во-вторых, даже при расколе движения все равно сохранится экстремистское крыло.

– В-третьих, талибов очень непросто усадить за один стол с президентом Афганистана Хамидом Карзаем, которого они считают не более чем «мэром Кабула». В их глазах он является предателем, и при успешном диалоге его политическая роль неизбежно понизится.

По оценкам экспертов, в Афганистане мировое сообщество решает три задачи: создание «нормального» государства; предотвращение использования афганской территории международными террористами, под которыми прежде всего имеется в виду «Аль-Каида»; решение проблемы производства наркотиков и наркотрафика.

США, Канада и группа европейских стран в 2001 г. взяли на себя ответственность за решение афганской проблемы, а к концу десятилетия фактически признали, что от этого решения они еще дальше, чем прежде. У западников есть еще один вариант: возвести вокруг Афганистана стену вроде Берлинской, наглухо изолировав его от внешнего мира. Эта идея – создание «поясов безопасности» по периметру афганских границ – была выдвинута на Международной конференции по постконфликтному обустройству Афганистана в Берлине еще в 2004 г.

Для России талибы остаются поводом для сохранения ее политического и военного присутствия в Центральной Азии, в частности через созданную под российским влиянием Организацию Договора о коллективной безопасности. Китай может опасаться талибов, так как для него проблема исламского радикализма, связанная с Синьцзян-Уйгурским автономным округом, весьма акту-

альна. Помимо этого и для Пекина, и для Москвы неудачи коалиции в Афганистане – лишнее свидетельство неспособности Запада в одиночку решать глобальные проблемы.

Экспансия «Талибана» в северном направлении в сторону Центральной Азии, пожалуй, невозможна даже при возникновении политических конфликтов в некоторых странах региона. Максимум, на что способны талибы, – это публичное выражение солидарности, оказание идеологической, а также сравнительно небольшой военной помощи своим единомышленникам – исламским радикалам, если у тех появится шанс стать влиятельной политической силой. Потенциал центральноазиатской исламской оппозиции, в первую очередь, определяется внутренними факторами: неспособность местных властей решать экономические и социальные проблемы провоцирует мусульманское население на протестные действия, которые неизбежно будут сопровождаться апелляцией к исламу. Роль талибов, таким образом, может быть только вторичной.

Для центральноазиатских режимов соседство талибов – дополнительный повод для закручивания гаек. Он особенно удобен сейчас, когда они налаживают отношения с США и Европой и рассчитывают избежать критики за нарушения прав человека. Для Буша и его команды удар по Афганистану в стратегическом плане был вторичным; все внимание было сосредоточено на Ираке, на Саддаме Хусейне (хотя он и не имел никакого отношения к сентябрьской трагедии).

Отношение афганского населения к иностранному присутствию – хоть советскому, хоть американскому – было одинаково неприязненным. В обоих случаях результатом стала не стабилизация, а углубление внутреннего конфликта. Однако, как и 20 лет назад, вывод иностранных войск из Афганистана невозможен, в частности, потому, что это бы означало бросить на произвол судьбы своих ставленников. Если Хамид Карзай останется с талибами один на один, они снова могут выйти победителями. Еще одна параллель: ни Москва, ни Вашингтон не сумели до конца определить, кто является их основным противником.

Для США главный противник, базирующийся на афганской территории, – международный терроризм и поддерживающие его талибы. Однако терроризм и его главный субъект «Аль-Каида» опираются отнюдь не только на афганских талибов. Сеть «Аль-Каиды» обширна, ее структура не иерархична; не исключено, что

пока ее будут преследовать в Афганистане, она еще более укрепит свои позиции в других частях света. Джихадистов все более привлекают открытые общества передового мира, которые они рассматривают как неиссякаемый источник добычи. Талибов определяют и как национальное движение, и как освободительное, цель которого освободить Афганистан от иностранного присутствия. Такая дефиниция в принципе могла бы иметь право на существование, если бы не тот факт, что конечной целью «Талибана» является не изгнание войск коалиции, а установление собственной власти. Наиболее распространенным является определение талибов как религиозных экстремистов. Официальное руководство Афганистана настаивает, что талибы не пользуются популярностью среди афганского населения. Например, выступая на конференции «Региональная безопасность в окружении Афганистана: Насколько эффективна борьба с терроризмом?», состоявшейся в Алматы (март 2009 г.), заместитель советника афганского президента по национальной безопасности Хамаюн Тандар утверждал, что их поддерживает не более 4% населения. Однако утверждению насчет 4% поддержки противоречат данные о том, что по сравнению с 2007 г. талибы существенно расширили свое военное присутствие: тогда оно распространялось на 54% афганской территории, а в 2008 г. – уже примерно на 72%. Речь идет не о контроле, но именно о присутствии.

Точные данные о талибском контроле представить крайне трудно. Считается, что талибы распоряжаются в семи провинциях Афганистана, а есть мнение, что в ночное время они контролируют всю страну. Нет ясности с численностью вооруженных талибов. По некоторым данным, к 2003 г. было разоружено 65 тыс. боевиков, однако почти та же цифра – 60 тыс. активных «штыков» – остается актуальной и сегодня. Словом, речь идет о десятках тысяч вооруженных бойцов, владеющих тактикой партизанской борьбы, которые, в отличие от регулярной армии Ирака, едва ли выйдут из боя при первом военном натиске.

Говоря о «Талибанае», необходимо учитывать разные его характеристики. Это – национальное, а не этническое, т.е. не чисто пуштунское движение (пуштуны составляют 44% населения страны), ибо оно стремится к воссозданию афганского национального государства, а не «Пуштунистана». В том, что формированию «Талибана» способствовали пакистанские спецслужбы, нет ничего чрезвычайного. Они, как их союзники и консультанты американцы,

использовали почву, уже подготовленную ранее советскими политиками. Рано или поздно идея социального протеста, борьбы за справедливость, за независимость, облеченная в религиозную форму, должна была проявиться. Об этом свидетельствует опыт всего мусульманского мира.

Теоретически можно пытаться отделить талибов от международного экстремизма, который препятствует этому движению в осуществлении его главной задачи – установления в Афганистане собственной власти. Но в действительности «оторвать» их друг от друга, равно как разорвать связь между их вождем муллой Омаром и Усамой бен Ладеном, едва ли реально. Возможность и даже необходимость переговоров с талибами, как уже отмечалось, постоянно обсуждается. Некий усредненный вариант сводится к тому, чтобы сначала нанести военное поражение экстремистской части талибов, а затем приступить к переговорам с их умеренной (попросту говоря, уцелевшей) фракцией. В этой схеме поражение наносят силы коалиции, в то время как субъектами переговоров становится не только коалиция, но также и кабульское правительство (Карзай или тот, кто придет ему на смену).

Говоря о путях выхода из афганского кризиса, пожалуй, многие эксперты сходятся лишь в одном: разрешить его собственными силами афганцы не могут, так что решающую роль предстоит сыграть внешним силам. Поэтому первостепенное значение приобретает вопрос о том, как долго будут находиться в стране иностранные войска и насколько эффективными будут их действия. Можно рассуждать о вариантах решения и политических, и социальных вопросов в стране.

В первой версии развития событий войска коалиции одерживают сравнительно быструю (за один–два года) победу, создают эффективные государственные институты, закладывают прочные основы гражданского общества и покидают страну. Но даже при таком фантастическом сценарии остается вероятность постепенной реставрации конфликта с возвратом талибов.

В соответствии со сценарием № 2 войска коалиции покидают Афганистан, не одержав победы. Причины такого исхода связаны с невозможностью достижения военного успеха, т.е. установления контроля над всеми провинциями, включая и те, где размещены войска коалиции, а также с недостаточностью финансовых средств, неверностью союзников по коалиции. Сюда же можно отнести отказ верхушки талибов вести какие бы то ни было переговоры с

«оккупантами» и их марионетками. В результате для Барака Обамы Афганистан становится еще более тяжким испытанием, чем Ирак для Джорджа Буша. Растут людские потери, афганская проблема постепенно вызывает все большее раздражение в американском обществе, что сказывается на популярности президента. Отсутствие позитивных результатов вынуждает Вашингтон отказаться от планов по умиротворению Афганистана. Официально американская миссия объявляется успешно завершенной, но фактически уход американских вооруженных сил означает поражение. Вывод войск начинается в канун очередных президентских выборов 2012 г., вслед за этим Афганистан переживает период хаоса, и в конце концов талибы с триумфом возвращаются к безраздельной власти в стране или возглавляют разношерстную коалицию. Новый режим будет заинтересован в обретении международной легитимности, а потому (нео)талибы вряд ли станут делать акцент на связях с «Аль-Каидой». Скорее всего, их отношения с экстремистским движением станут двойственными и упор в них будет сделан на общую идеологию.

Наиболее вероятен сценарий № 3. В его пользу говорят и нынешние действия американской администрации: противостояние с талибами затягивается на неопределенно долгий срок, и окончательное решение «афганского вопроса» раз за разом откладывается. На такой сценарий указывает то, что Обама объявил об усилении американской группировки в Афганистане. В середине 2009 г. там были задействованы 55 тыс. военнослужащих США и 87 тыс. назовцев. При этом цель обозначена как «проведение ограниченных операций». Следуя логике Обамы, одновременно США будут действовать на увеличение общего числа афганских вооруженных сил и силовиков до 400 тыс. человек. Однако даже если эту задачу удастся решить, вряд ли карзаевские воины будут обладать высоким уровнем профессиональной подготовки. К тому же нельзя полностью рассчитывать на их преданность режиму.

В известном смысле получается заколдованный круг. Численность войск может наращиваться в течение неопределенно длительного времени, их ограниченные операции будут трансформироваться в более масштабные. Потери станут расти, а раскол в Афганистане углубляться. Талибам не обязательно стремиться к обострению, они могут довольствоваться укреплением своих позиций в уже освоенных провинциях. Специалист по Афганистану, Турции и странам Южной Азии Жиль Дорронзоро полагает целе-

сообразным вывод большей части войск коалиции, считая, что после этого талибы окажутся лишены своего главного мобилизационного лозунга – джихада. Эксперт считает, что с талибами следует не вести переговоры о выводе войск, а поставить их перед свершившимся фактом. Вывод войск, по мнению Дорронзоро, позволит США сосредоточиться на главной проблеме безопасности – деятельности «Аль-Каиды». Далее Афганистан следует поделить на три части:

- стратегическую зону, т.е. территорию, контролируемую войсками коалиции (в первую очередь, города);
- буферную зону, являющуюся прикрытием стратегической зоны;
- зону талибов.

Это позволит сконцентрировать внимание на уже контролируемых ключевых территориях, где можно приступить к созданию современных политических институтов, системы социального обеспечения и т.д. Уход войск может быть расценен талибами как победа, что сделает их еще менее уступчивыми. Кроме того, они ведут джихад не только, да и не столько против зарубежного присутствия, сколько против «продажного режима» в собственной стране, стремясь к его свержению. В то же время представленная схема внутренне последовательна и, вероятно, с некоторыми модификациями, может быть использована при составлении более широкого плана. Главное достоинство подхода, предлагаемого Дорронзоро, парадоксальным образом содержится в его недостатках: возможно, в самом деле имеет смысл сосредоточиться на уже достигнутом, т.е. активизировать социальную и политическую составляющие там, где они более эффективны.

Более реальным кажется «умиротворение Афганистана», если во главе страны окажется решительный диктатор, способный во имя разрушения «Талибана» на сверхжесткие меры.

Но, во-первых, даже если диктаторское правление обеспечит успех, он неизбежно будет временным, ибо борьба против радикального ислама в принципе не имеет силового решения.

Во-вторых, для достижения успеха диктатор все равно должен будет пойти на компромисс с теми же умеренными талибами.

В-третьих, хотя бы во имя собственного выживания он не станет вести непримиримую борьбу против наркотрафика.

В-четвертых, приведение к власти «афганского Саддама» будет означать отказ от провозглашенных намерений демократизировать Афганистан.

Наибольших успехов в политической игре со своими соратниками-соперниками «слабый» Карзай сумел достичь не только с помощью политической интриги и дипломатии, но и прибегая к прямому нажиму. Среди оппонентов Карзая – глава провинции Герат, влиятельнейший Исмаилхан, получивший малозначащий пост министра энергетики; преемник вождя афганских таджиков Шаха Масуда Мохаммед Фахим, назначенный сначала министром обороны, а потом отправленный в отставку, хотя и с сохранением звания маршала, а также вождь местных узбеков Рашид Дустум, ныне проживающий в Турции.

При любом развитии событий необходимо оценить вероятность распада Афганистана. Представляется, что она крайне мала. Центростремительные тенденции, с какими бы силами они ни ассоциировались, в конце концов преодолеют центробежные. Афганские узбеки, таджики, хазарейцы не способны создать собственные государства и не стремятся к объединению со своими зарубежными собратьями по крови. В свою очередь, Узбекистан и Таджикистан могли бы представить себе воссоединение с этническими сородичами разве что в кошмарном сне. Пуштуны, которые являются национальнообразующим этносом, не испытывают особой враждебности к меньшинствам.

Гипотетический распад Афганистана вызвал бы неизбежную реакцию пуштунов Пакистана, среди которых есть сторонники создания «Великого Пуштунистана». И хотя внутренние межэтнические трения сохраняются, целостность Афганистана в нынешних границах обеспечивается, как минимум, «силой сжатия», источником которой являются его соседи. Афганистан не распадется даже при внезапном уходе внешних сил. С этой точки зрения, он представляется более прочным, чем Ирак.

Восстановление монархии сегодня является совершенно нереалистичным. Афганская проблема – часть взаимоотношений мусульманского мира с Западом, а до некоторой степени также с Россией и Китаем. Она привязана к Пакистану и имеет косвенную связь с Ираном. Главный здесь, конечно, Пакистан, который в американской стратегии длительное время рассматривался как самостоятельное или полусамостоятельное направление. Лишь в марте 2009 г. назначенный Обамой спецпосланник США по Афганистану

и Пакистану Ричард Холбрук признал: «В прошлом правительства Соединенных Штатов... разрабатывали отдельную политику по Афганистану и отдельную по Пакистану. Нам придется объединить два этих направления, и, я надеюсь, мир нас в этом поддержит».

Нынешняя вашингтонская администрация наконец приступила к разработке нового трехстороннего пакистано-афгано-американского подхода, но, учитывая противоречия, существующие в пакистанском истеблишменте, на это уйдет немало времени. Высказываются намерения подключить к афганской проблеме Иран, который с раздражением наблюдает за талибами, обладая при этом большим влиянием в населенных шиитами провинциях Афганистана. Однако полноценное подключение Тегерана к афганским делам невозможно без радикального изменения отношений между Ираном и Соединенными Штатами. Между тем Вашингтон, по крайней мере теоретически, не исключает вероятности нанесения по нему военного удара, если Тегеран не откажется от разработки ядерного оружия. При таком повороте событий талибы получают дополнительную возможность для наращивания своего влияния. В целом же позиция Ирана остается скорее пассивной, чем активной, и вряд ли в ближайшем будущем он захочет принять участие в решении афганской проблемы.

Пассивна и позиция центральноазиатских государств. Эти страны оказывают посильное содействие силам коалиции. Через них осуществляется транзит невоенных грузов НАТО, они предоставляют силам коалиции территорию для авиабаз поддержки. Шанхайская организация сотрудничества устранилась от прямого участия в афганских делах, предпочитая ограничиваться риторикой, что очередной раз проявилось на конференции ШОС по Афганистану (март 2009 г.). Детище Китая, Шанхайская организация, вообще создавалась для иных, экономических, целей, и вряд ли она способна внести значимый вклад в разрешение афганского кризиса.

Войска стран – участниц коалиции постепенно покидают Афганистан, стремясь ограничить свой вклад помощью правящему режиму Кабула. Европа выделяет дополнительно 100 млн. долл. для создания вооруженных сил Афганистана и 500 млн. долл. в форме гуманитарной помощи. Германия и Франция в соответствии с решением, принятым в апреле 2009 г. на саммите «Двадцатки», участвуют в формировании местных полицейских сил. Таким образом, Америке еще долго придется нести основное бремя решения афганской проблемы. Причем в случае успеха, хотя бы и частично-

го, он будет «поделен» между другими участниками коалиции, в случае провала – виноватым окажется только Вашингтон. Это понимают американские военные, которые весьма осторожно оценивают перспективы военного успеха в Афганистане.

Итак, афганский конфликт, который никогда не был собственно афганским, а с 1979 г. стал международным, невозможно оставить на произвол судьбы. Его невозможно и «заморозить»: он будет неизбежно разрастаться, что особенно опасно, учитывая связи талибов с международным экстремизмом. Присутствие талибов закономерно, поскольку они выражают настроения значительной части афганского населения, а потому они никуда не исчезнут, какую бы политику ни избрали США, мировое сообщество и страны региона. Может меняться разве что степень их радикализации и, соответственно, готовность вступать во взаимодействие с внешними силами. Решающие сражения с талибами еще впереди. Причем если сами они выражают уверенность в своей окончательной победе, то их противники так и не могут достичь согласия и определить оптимальный способ действий. При этом талибы готовы к затяжной войне, а коалиция во главе с США находится в цейтноте. Главная задача – добиться перелома в ближайшие два года.

«Обозреватель-Observer», М., 2010 г., № 2, с. 72–78.

А. Разливаев,

кандидат политических наук

ТУРЦИЯ: ИСЛАМИСТЫ И АРМИЯ

Для правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) неприятным сюрпризом стали итоги муниципальных выборов в марте 2009 г. Хотя по совокупности голосов, отданных за ее кандидатов, она сохранила лидерство, оппозиционные силы существенно увеличили число своих сторонников, а рейтинг ПСР впервые снизился с момента ее создания. Определенную роль в этом сыграли последствия мирового финансово-экономического кризиса: по итогам 2008 г. уровень безработицы в стране достиг 13,6%, началось падение производства и страна вступила в период рецессии. Однако ПСР остается крупнейшей и влиятельнейшей партией на политическом пространстве Турции, с которой не в состоянии конкурировать ни одно другое из ныне действующих объединений. На муниципальных выборах конкурирующие партии, прежде всего

оппозиционная Народно-республиканская партия (НРП), старались концентрироваться в первую очередь на социально-экономических вопросах – высоком уровне безработицы и других проблемах, порожаемых мировым экономическим кризисом, публичных обвинениях ряда правительственных чиновников, причастных к коррупционным скандалам, но практически не затрагивали проблемы раскола турецкого общества на светскую часть и сторонников исламизации страны. Именно в авангарде политического движения исламистов, стремящихся разрушить Республику и светский характер ее режима, находится Партия справедливости и развития. Основанием для подобных подозрений служит «исламистское прошлое» значительной части руководства ПСР и ее рядовых членов. Партия была образована 14 августа 2001 г. выходцами из исламистского общественно-политического движения «Национальный взгляд» (НВ), возглавляемого его бессменным лидером и бывшим премьер-министром Н. Эрбаканом. После вынужденной отставки Эрбакана 18 июня 1997 г. Его Партия благоденствия (Рефах – политическое крыло НВ) по приговору суда была распущена. Фракция реформистов-обновленцев отделилась от «старого поколения» исламистов, оставшихся верными прежнему лидеру и его идеям, и объявила о создании собственной Партии справедливости и развития (ПСР). С самого начала ПСР позиционировала себя как партию «консервативных демократов», подчеркивая верность традиционным ценностям ислама и национальной турецкой культуры в сочетании со стремлением к модернизации и либерально-демократическим дискурсом. В ее программе был обозначен примат основных принципов светского республиканского строя: верховенство закона, гражданское общество и соблюдение фундаментальных прав и свобод. В области внешней политики ПСР объявила курс на встраивание Турции в глобализационные процессы и на вступление страны в Европейский союз. Таким образом, партии удалось сформировать широкую социально-политическую платформу. Активно пропагандируя имидж «народной» партии, противостоящей интересам столичной республиканской элиты, ПСР успешно завоевала поддержку многочисленного традиционно настроенного населения провинций Анатолии, бедных и наименее образованных слоев. Либерально-демократическая составляющая идеологического образа ПСР и призывы к демократическим реформам завоевали симпатии также и у представителей среднего класса. В то же время основные политические соперники – НРП и

Партия националистического движения (ПНД) – выглядели достаточно бледно и воспринимались как сторонники авторитаризма, опирающиеся на поддержку армии, стража государственной идеологии кемализма.

На состоявшихся в ноябре 2002 г. всеобщих выборах в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ, Меджлис) ПСР одержала серьезную победу, получив 34,5% голосов избирателей. Итоги парламентских выборов красноречиво продемонстрировали не столько идеологическую приверженность трети электората исламской традиции, сколько, прежде всего, недовольство избирателей экономической и социальной политикой прежнего руководства страны. После выборов главным оставался вопрос, действительно ли Эрдоган и его нынешние соратники отказались от идеологии исламистского движения «Национальный взгляд» Эрбакана. Среди непримиримого секуляристского истеблишмента страны сохранялась уверенность в том, что исламисты, представленные теперь ПСР, просто стали много осторожнее, но на деле, сохранив ориентацию на превращение Турции в теократию, попытаются добиться этой цели не радикальными реформами, а тихой поступью, шаг за шагом оттесняя нынешнюю светскую элиту от рычагов политического влияния. Новая власть старалась избегать упоминания о политическом прошлом многих видных членов ПСР и прежних связей с НВ. Создатели ПСР утверждали, что они стремятся сформировать образ умеренного и ответственного политического течения, выносящего вопросы религии за рамки политики. Партийные функционеры в своих выступлениях делали акцент преимущественно на программе демократических перемен, подчеркивая, что реализация предвыборной программы ПСР предполагает реорганизацию государственных и общественных структур на основе пересмотра прежних принципов кемалистского национализма и «управляемой» демократии. Процесс демократизации политической системы страны увязывался с ее внешнеполитическими ориентирами. В программе правительства ПСР, представленной ВНСТ в конце ноября 2002 г., необходимость замены действующей конституции новой, гораздо более либеральной, обосновывалась стремлением соответствовать нормам Евросоюза, а вступление в ЕС было объявлено одной из первостепенных задач. Принятое ЕС решение начать 3 октября 2005 г. переговоры с Турцией о ее вступлении в Евросоюз в качестве полноправного члена было, пожалуй, самым впечатляющим достижением правительства Эрдогана.

Новые власти без колебаний обратились к пересмотру прежде всего тех законодательных принципов, которые не отвечали Копенгагенским критериям. В июне 1993 г. в датской столице Европейский совет определил общие критерии, которым должны соответствовать страны-кандидаты, как предварительные условия вступления в ЕС: стабильность институтов, гарантирующих демократический процесс, верховенство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств; наличие и функционирование рыночной экономики, а также способность на равных конкурировать на европейском рынке; способность выполнять обязательства, вытекающие из членства в ЕС, включая содействие достижению целей политического объединения, а также экономического и валютного союза. Реформы затронули отношения между армией и правительством, судебную систему, гражданские свободы и экономическую сферу. Кроме того, Турция подписала все основополагающие международные соглашения по правам человека, а признание в этой сфере приоритета международных конвенций над национальным законодательством было закреплено в основном законе.

В этом контексте турецкий парламент с приходом к власти ПСР инициировал многочисленные изменения в законодательстве, направленные на усиление гражданского контроля за армией, а также внес поправки в Конституцию, аннулировавшие чрезмерно широкие полномочия Совета национальной безопасности (СНБ) Турции. Улучшение состояния турецкой экономики стало одним из успехов новой власти и в определенной мере свидетельствовало о компетентности правительства ПСР. Кабинету Эрдогана удалось добиться заметных успехов в оживлении национального хозяйства и подъеме благосостояния населения, провести реформы в сфере образования и здравоохранения. В заслугу правительству ПСР ставились ограничение кумовства и коррупции, а также привлечение крупных иностранных инвестиций. Турция вышла на устойчивые и при этом достаточно высокие темпы экономического роста. С 2002 по 2008 г. ежегодный рост ВВП составил в среднем 6,8%. Впервые за последние 30 лет удалось снизить годовой уровень инфляции до 9,5% (по итогам 2008 г.). В результате ПСР заручилась поддержкой самых широких слоев населения. Несмотря на то что основные экономические показатели страны демонстрировали эффективность однопартийного правительства, многие видели проблему в том, что ПСР, обладавшая подавляющим большинством в парламенте, приобрела чрезмерное влияние и теперь пытается контроли-

ровать все властные уровни. Обвинения в авторитарных методах правления, а также подозрения в участии высокопоставленных представителей партии в многочисленных коррупционных схемах, подкрепляемые спорными и скандальными законопроектами партии по реформе духовного образования и по уголовному преследованию за супружескую измену, не раз давали повод общественному мнению и представителям экспертного сообщества усомниться в следовании ПСР курсу на построение открытой демократической светской системы. Весной 2007 г. конфликт между парламентской оппозицией в лице старейшей на политическом ландшафте Турции НРП и правящей ПСР резко обострился. Причиной стали разногласия по кандидатуре президента. ПСР предложила на этот пост Абдуллу Гуля, возглавлявшего тогда МИД Турции. Эта инициатива ПСР вызвала жесточайшее сопротивление не только в парламенте, но и в целом со стороны секуляристских сил общества, которые не могли смириться с тем, что президентом может стать представитель «исламистской» партии. Выдвигались достаточно серьезные доводы о том, что безоговорочный контроль ПСР над парламентом, правительством и президентом идет вразрез с принципом разделения властей, что подобная расстановка сил искажает реальную картину политических предпочтений граждан, отдавших ПСР на выборах в 2002 г. только 34,5% голосов. В поддержку оппозиции выступил генералитет, опубликовав 27 апреля 2007 г. открытое письмо, в котором содержалось предупреждение о неминуемом вмешательстве Вооруженных сил в случае, если правящая партия и ее правительство возьмутся за пересмотр светских устоев Республики.

На основании обращения оппозиции, Конституционный суд (КС) аннулировал результаты первых двух туров голосования по кандидатуре президента, на которых А. Гюль набрал большинство голосов. Председатель Центризбиркома М. Айдын назначил проведение досрочных парламентских выборов на 22 июля 2007 г. На них ПСР одержала очередную убедительную победу, получив уже 46,7% голосов, что снова дало возможность ПСР сформировать однопартийное правительство. За парламентскими выборами последовало избрание Гюля президентом Турции. В инаугурационной речи он особо подчеркнул свою приверженность фундаментальным принципам Республики, демократии, секуляризма, прав и свобод граждан, а также важность вхождения Турции в Европейский союз.

Еще до парламентских выборов в руководство и состав ПСР вошло значительное количество новых лиц, в том числе и бывшие члены лево- и правоцентристских партий. В общей сложности более 100 членов старого парламента от ПСР лишились своих мест в 2007 г., уступив их политикам нового поколения. За несколько лет внутри ПСР произошла определенная эволюция. Партия стала представлять более широкий спектр политических взглядов, включая либералов и социал-демократов. Победа ПСР в этой предвыборной «схватке» с «непримиримыми секуляристами» была расценена многими представителями либеральной интеллигенции как победа демократии над угрозой очередного военного вмешательства, что усилило общественную поддержку действующего правительства. В итоге ПСР вышла из выборных баталий самым влиятельным игроком на политическом поле, удерживая контроль над ключевыми государственными институтами. Позже депутаты от ПСР решились на весьма смелый и рискованный шаг, инициировав внесение изменений в закон об образовании, предполагавших отмену запрета на ношение женщинами в высших учебных заведениях традиционного для мусульманок платка – хиджаба. Представляется, что ПСР, проводя либеральные реформы, не могла более медлить с отменой этого запрета, хотя бы потому, что была обязана традиционалистской части своего электората за поддержку, оказанную партии в ходе прошедших выборов. Ожесточенная полемика, развернувшаяся вокруг этого вопроса, резко накалила внутриполитическую жизнь в стране, придав проблеме острую политическую окраску. Разногласия внутри общества высветили своего рода мировоззренческий раскол. Непримиимые секуляристы в крайности полемики доходили порой до призывов к необходимости очередного военного переворота как единственной возможности возрождения погрязших идеалов Республики. В крупнейших городах проходили многотысячные митинги протеста против действий правящей ПСР, которые, по мнению оппозиции, вели к «ползучей исламизации» страны, уничтожению Республики путем подрыва ее светских устоев. В этих условиях старая секуляристская элита перешла в наступление. 31 марта 2008 г. КС Турецкой Республики принял на рассмотрение иск, поданный Главным прокурором Высшего кассационного суда Турции А. Ялчинкаем, о закрытии правящей ПСР и курдской Партии демократического общества (ПДО). Процесс над ПСР тут же был назван «судебным переворотом». Но практически для всех была более чем очевидна

роль кемалистов и армии (как авангарда секуляристской элиты) в инициировании этого процесса.

Одно из основных обвинений, предъявленных ПСР, состояло в том, что она проводит политику обмана. Забота о демократии, по мнению А. Ялчинкая, «лишь прикрытие, а настоящей целью ПСР является введение в Турции шариата». В тексте обвинения генпрокурор процитировал 61 высказывание Эрдогана и других членов партии, якобы свидетельствующее о намерениях функционеров ПСР подорвать республиканский режим Турции. В обвинении говорилось, что «еще до создания ПСР в 2001 г. Р.Т. Эрдоган и его коллеги публично выступали с нападками на Республику и ее главные завоевания. Учитывая, что КС принял дело к рассмотрению 9 голосами против 2, процесс не предвещал положительного для ПСР исхода. А отмена Конституционным судом 5 июня 2008 г. принятых «поправок о тюрбанах» окончательно убедила многих в том, что правящая партия вскоре будет распущена, а сама Республика вступит в фазу очередного глубочайшего кризиса с непредсказуемыми последствиями.

Но ПСР перешла в контрнаступление. 28 июня 2008 г. Верховный суд приступил к рассмотрению уголовного дела против 86 лиц, включая высокопоставленных военных в отставке, обвиненных в подготовке заговора против законного правительства. Среди арестованных, обвинявшихся в участии в заговорной ультранационалистической группе под названием «Эргенекон», были и журналисты, включая ведущего обозревателя и шефа бюро газеты «Джумхуриет» в Анкаре. Однако, по мнению оппозиционеров, эти аресты носят политический характер. Правительство, состоящее из умеренных исламистов, пытается свести счеты с политическими оппонентами. Через месяц после начала судебных разбирательств по «делу Эргенекона», 31 июля 2008 г., Конституционный суд огласил решение по делу ПСР. Шестеро из 11 судей КС проголосовали за закрытие правящей партии (согласно действующей Конституции для положительного решения о запрещении деятельности политической партии требуется 7 голосов). При этом 10 судей КС признали, что партия проводила политику, направленную против светского характера государства, и в связи с этими нарушениями отдала распоряжение вдвое урезать ее государственное финансирование.

Представляется, что кемалистская элита, принимая во внимание уровень поддержки ПСР среди населения, решила не обост-

рять кризис, но вместе с тем решение КС – четкий сигнал представителям правящей партии, что кемалисты держат ситуацию в стране под контролем и способны в любой момент противостоять правительству. Подобная трактовка событий подкрепляется словами председателя Конституционного суда Х. Кылыча, который заявил, что главный прокурор имеет право продолжить инициированное им дело против ПСР, «если сочтет нужным». «Это серьезное предупреждение партии. Я надеюсь, что они правильно поняли смысл адресованного им послания», – добавил он. Это заявление в совокупности с итоговым решением КС демонстрирует решимость кемалистов противостоять действиям, наносящим ущерб республиканским устоям. После благоприятного для правящей партии исхода судебного процесса подавляющее большинство экспертов сошлись во мнении, что правительство Эрдогана продолжит курс на модернизацию общественно-политической жизни страны, а во внешней политике попытается активизировать переговоры с ЕС, что диктуется к тому же нынешней расстановкой политических сил. «Теперь для ПСР и Турции, – отмечал обозреватель крупнейшего турецкого информационно-аналитического портала «Туркиш дейли ньюс» М. Акъель, – самый безопасный путь отхода от авторитарного прошлого и квазиавторитарного настоящего пролегает через движение к ЕС».

Все эти сомнительные, с точки зрения демократических процедур, разбирательства внутри властных элит поутихли на фоне первых последствий мирового финансово-экономического кризиса, которые больно ударили по национальному хозяйству страны. Турция, испытывающая сильную зависимость от иностранных инвестиций и внешнеэкономической конъюнктуры, оказалась в ряду государств, более всего пострадавших от мирового кризиса. В первом полугодии 2009 г. спад национальной экономики составил 14,2%, приток прямых иностранных инвестиций снизился на 57,1%, а дефицит бюджета вырос в 13 раз. Однако к концу 2009 г. во всем мире стали проявляться первые признаки экономического оздоровления, а осенние прогнозы МВФ относительно роста реального ВВП Турции в 2010 г. (3,7%) вселяют робкую надежду. В то же время, как только стало ясно, что экономической катастрофы, скорее всего, удастся избежать, противоборство правящей ПСР и кемалистских кругов возобновились. Теперь инициатива перешла к правящей партии. Вялотекущее дело «Эргенекона» получило новый импульс, когда 12 июня 2009 г. либеральная и критически на-

строенная к военным газета «Тараф» опубликовала копию секретного документа, якобы подготовленного в Генштабе ВС, под названием «План борьбы с исламским фундаментализмом». Утверждалось, что этот «План действий военных» был направлен на дискредитацию и дестабилизацию правящей ПСР и ее правительства, а также самого влиятельного в Турции исламского религиозного движения Ф. Гюлена путем вброса в СМИ фальшивых доказательств и компрометирующих сведений их антигосударственной экстремистской деятельности.

Некоторые проправительственные издания заявили, что по их информации документ является подлинным, в то время как светские газеты сообщали, что это фальшивка. По прошествии двух недель со дня опубликования так называемого «Плана действий» военная прокуратура выступила с заявлением о непричастности Генерального штаба к подготовке скандального документа, подлинник которого обнаружить так и не удалось. На специальной пресс-конференции, состоявшейся в конце июня 2009 г., начальник Генштаба ВС генерал И. Башбуг заявил, что «этот документ – просто клочок бумаги», а его появление в прессе – не что иное, как организованная акция, направленная на дискредитацию армии через СМИ, и часть психологической войны. «Армия более не терпит таких кампаний... Руки прочь от армии!» – предупредил Башбуг. Генерал также недвусмысленно отмел все обвинения о том, что военные причастны к попыткам сместить действующее правительство. Тем не менее начальник Генштаба подчеркнул, что расследование дела останется в сфере контроля военных. Однако, по странному стечению обстоятельств, именно в июле 2009 г. президент А. Гюль одобрил принятый парламентом закон, ограничивающий полномочия военных судов. Этот шаг в принципе вписывается в логику движения турецкого правительства в сторону ЕС через реформирование политических институтов и развитие демократии. Чрезмерное влияние генералитета на политические процессы в стране, в том числе и посредством узаконенных судебных процедур, является серьезным раздражителем для Евросоюза и постоянной темой для претензий к Турции. В этой связи реформа судов, независимо от реальных целей деятелей правящей партии, во всяком случае, выглядит логичным и обоснованным шагом на пути дальнейшей модернизации политической системы. По новому закону дела военных, совершивших тяжкие, в том числе и военные преступления, должны передаваться из трибуналов в гражданские

суды. В свое время в руках военных это был законный, а потому серьезный и чрезвычайно действенный механизм борьбы с инакомыслием и способ «профилактики» любой неугодной деятельности со стороны оппозиции. Теперь, по мнению экспертов, принятый закон станет для Турции своеобразным «предохранителем» от возможных военных переворотов, трижды случавшихся за последние полвека.

Выпестованный за более чем полвека плюрализм в партийной и общественно-политической жизни Турции отражает, однако, не столько развитость демократических институтов, сколько глубокие противоречия внутри общества по ряду важнейших национальных вопросов. Этим во многом объясняется нестабильность турецкой политической системы, для которой характерны не только конфликты между двумя основными политическими элитами, но, прежде всего, глубокие этнические и конфессиональные противоречия, многократно усиленные серьезным экономическим неравенством регионов. В Турции по-прежнему высок потенциал для гражданского насилия и бескомпромиссной политической борьбы. Последнее было явно продемонстрировано политическим кризисом 2007–2008 гг. и текущими политически мотивированными судебными разбирательствами. Оценивая феномен ПСР, нужно отметить, что ее, безусловно, нельзя отнести к привычным партиям исламистского толка, неизменной характеристикой которых является стремление обеспечить соблюдение жестких моральных норм, поставить консервативные социальные, нравственные и религиозные проблемы во главу политической повестки дня. Обращает на себя внимание, что партия не апеллирует к классовым, языковым, религиозным или этническим различиям, равно как исключительно к мусульманскому или этническому турецкому электорату. Идеология ПСР универсальна и направлена на создание широкого национального консенсуса. Будучи выходцами из «контрэлитной» культурной среды, деятели ПСР в условиях высокого уровня конфликтности сумели сформулировать широкую политическую платформу и получить поддержку самых широких слоев населения. Тем не менее в настоящее время свобода действий партии Р.Т. Эрдогана существенно ограничена армией, кемалистской бюрократией, высшими иерархами в судебной системе, образовании и значительной частью крупного бизнеса. Принимая во внимание подозрения турецких секуляристов относительно «реальных» политических целей ПСР, любая попытка правительства перейти обозначенные

сторонниками секуляризма границы, в частности ввести религиозные нормы в национальное законодательство, вызвала бы серьезное внутривнутриполитическое напряжение, не исключая и вмешательства армии.

Представляется, что логика исторического развития политической системы республиканской Турции от авторитарной модели к все более открытым демократическим формам диктует ПСР, в том числе и ради собственного политического будущего, необходимость активизации модернизационных процессов и сохранения курса на присоединение к ЕС. Дальнейшая демократизация политической системы Турции будет вести, во-первых, к постепенному снижению политической роли армии, а во-вторых, к расширению возможностей влияния религиозно-общественных объединений на политическую жизнь страны.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010, № 1, с. 20–25.

А. Гончаров **ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ** **В ИРАКЕ В 1990-е годы**

Иракское общество, находясь на историческом перекрестке разных цивилизаций, за свою многовековую историю приобрело очень сложную и неоднородную структуру. В XX в. общество формировалось после политической консолидации страны из совершенно разнородных этнических, религиозных, племенных и локальных сообществ. Наличие трех крупных обособленных групп, т.е. южное шиитское большинство, политически лидирующие сунниты центра и курдский Север, не отражало всей картины, поскольку все эти группы были разделены внутри себя не менее серьезными границами. Четвертую группу, еще более обособленную от вышеназванных трех, составляли ассирийцы – христиане. Как справедливо отмечал «отец-основатель» независимого иракского государства король Фейсал I (годы правления 1921–1933), «по-прежнему не существует иракского народа. Есть только трудно вообразимые массы человеческих существ, лишенных какой-либо патриотической идеи, вдохновленных религиозными традициями и вздором, не связанных какими-либо общими связями, склонных к пороку и анархии, постоянно готовых восстать против вообще любого правительства».

Эти суровые, но очень правильные слова можно отнести и к Ираку на рубеже XX–XXI вв. До свержения режима С. Хусейна общественные связи в стране существовали на двух уровнях. Имелась общенациональная консолидированная политическая структура – Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Но вместе с ней продолжала существовать сложная, запутанная и не всегда явная сеть традиционных связей. По мнению российского востоковеда В.В. Львова: «Самый идеологически подкованный боец за дело партии ПАСВ все равно принадлежит какому-либо племени. И он должен периодически посещать племенные собрания у шейха, вникать в проблемы племени и помогать соплеменникам. Если кто-либо ведет себя недостойно, если вспыхнула ссора или неприятности в семье, люди обращаются не в партийные или государственные органы, а к шейху». Такая система не является чем-то уникальным для арабских стран. Но особенностью именно Ирака является то, что сообщества, объединенные традиционными связями, не только не имеют каких-либо отношений друг с другом, но зачастую враждебны. Действительно, трудно вообразить наличие единства у курдов, туркмен, персов, ассирийцев, армян, сабейцев. Сунниты и шииты также разделены на многочисленные племена и группировки.

В 1990 г. в Ираке проживало свыше 17,8 млн. человек; из них 75% – арабы, более 20% – курды, 5% – туркмены, ассирийцы, персы и армяне. Самыми крупными национальными и конфессиональными группами являлись: арабы-сунниты – 7 млн., арабы-шииты – 7 млн., курды – 3,5 млн. человек. Сравнительно большую группу составляли иракские христиане. По состоянию на 1997 г. в Ираке при численности населения 22 млн. человек насчитывалось около 1 млн. христиан, причем католики халдейского обряда были самой большой христианской общиной Ирака, насчитывающей до 800 тыс. человек. Это обстоятельство делало вопрос о внутригосударственной стабилизации важнейшей проблемой для иракского руководства в 90-е годы. Оно внимательно следило не только за состоянием суннитской оппозиции, но и за межнациональной и конфессиональной ситуацией в Ираке. Среди религиозных меньшинств особое место занимали иракские христиане – ассирийцы, небольшой этнос, принадлежащий к семитской семье народов. Большая часть ассирийцев принадлежит к Апостольской ассирийской католической церкви. Это одна из старейших христианских церквей, близкая по своим догматам к несторианам, однако при-

знает главенство римского Папы в качестве верховного понтифика, т.е. является униатской. Среди ассирийцев есть приверженцы халдейской, греко-католической, греко-православной и несторианской церквей. Тем не менее, по утверждениям ассирийцев, все они – один народ. Ассирийцы являлись наиболее состоятельной и образованной группой населения, располагавшей родственными связями с иракской диаспорой в Западной Европе и церковными связями с Ватиканом. Ассирийцы считаются третьим по численности этно-религиозным меньшинством Ирака после курдов и туркмен. Несмотря на то что официальная демографическая статистика об иракских меньшинствах отсутствует, по имеющимся (неофициальным) данным, ассирийцев в Ираке насчитывалось (в начале 1990-х годов) около 750 тыс. человек. Крупная община (около 100 тыс. человек) проживала в Багдаде. До 1991 г. в Киркуке было около 100 тыс. ассирийцев, многие из которых в 90-е годы вынуждены были уехать из этого города. Вместе с тем иракский ассирийский исследователь Х. Шаба называет цифру 70 тыс. христиан (последователей ассирийской, халдейской и несторианской церквей). Среди ассирийцев Курдского автономного района (КАР) существовала глубокая неудовлетворенность уровнем своего представительства в местном парламенте, искусственно, как они считали, занижаемого ведущими курдскими фракциями – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) – путем манипуляций с избирательным законодательством района. Лидеры ассирийских организаций постоянно говорили о стремлении курдов единолично определять судьбу Курдистана без консультаций с другими силами и партиями.

Самая сложная национальная проблема Ирака – это курдский вопрос. В последние десятилетия эта проблема обострялась вместе с ростом национального самосознания курдов, единственного среди крупных народов Ближнего и Среднего Востока, не получившего национальной государственности. В прошлом курды вследствие английской колониальной политики и других исторических факторов оказались разорванными территориально между четырьмя государствами: Турцией (15 млн. человек), Ираком и Ираном (по 3,5 млн. человек), Сирией (0,6 млн. человек – по состоянию на 1990 г.). В отношении курдов, компактно проживавших в северных районах страны, Багдад проводил политику недопущения ни при каких обстоятельствах национального курдского суверенитета. Хотя под давлением международной общественности Багдад был

вынужден в 1974 г. образовать Курдский автономный район, самостоятельные функции которого были, по существу, декларативными и фиктивными, и ситуация в Иракском Курдистане (ИК) фактически полностью контролировалась центром. Такое положение не позволяло курдам распоряжаться своими природными ресурсами (особенно богатейшими нефтяными разработками Киркука, Мосула и др.), развивать полноценно национальное просвещение, культуру и органы самоуправления. Весьма ограниченные возможности существовали и в деле становления национального промышленного и коммерческого предпринимательства. Неоднократно правительственные войска проводили широкомасштабные карательные кампании против курдов-оппозиционеров равнинных и горных районов. С приходом к власти в 1979 г. президента С. Хусейна еще более усилились диктаторские методы в отношении Багдада с курдами. Это, в свою очередь, привело к усилению вооруженной борьбы иракских курдов.

В период ирано-иракской войны курды выступали за изгнание представительств центральных иракских властей из районов проживания курдов. Кроме того, усилились их требования по расширению доли Севера страны при использовании валютных поступлений от нефтедобычи и нефтепереработки. Багдад жестоко подавлял жителей мятежных регионов. Самый ужасающий пример – химическая атака 16–17 марта 1988 г. против населения города Халлабджа на территории ИК после его захвата иранскими войсками и союзными им иракско-курдскими отрядами пешмерга в ходе ирано-иракской войны. Иракская авиация подвергла город химической бомбардировке с использованием различных отравляющих веществ. Число жертв составило от 5 до 7 тыс. человек погибших и 20 тыс. пострадавших. Среди погибших велик процент детей. Карательные акции особенно усилились после окончания ирано-иракской войны. С таким положением курды не могли смириться. Поэтому на территории ИК уже в течение нескольких десятилетий действовали политические националистические организации со своими вооруженными отрядами. Они с переменным успехом вели политическую и вооруженную борьбу за создание свободного и суверенного Курдистана. Особенно трагичные отношения между центром, с одной стороны, и курдами и шиитами – с другой, сложились в 90-е годы.

2 августа 1990 г. Ирак, нанеся внезапный и массированный военный удар, оккупировал соседнее государство Кувейт и объявил

его своей 19-й провинцией. В ходе крупномасштабной военной операции под кодовым названием «Буря в пустыне» (вторая война в Персидском заливе) многонациональные силы разбили иракские войска в Кувейте, а также в южных пограничных районах Ирака. Более того, авиация и ракеты коалиции разрушили основные военные, промышленные и инфраструктурные объекты Ирака, включая и ряд ключевых объектов Багдада. Режим С. Хусейна был вынужден прекратить вооруженные действия и смириться с поражением. В составе оппозиции действовали различные движения и организации, ведшие борьбу не только под сугубо политическими и социальными, но и под национальными и религиозными лозунгами. На севере Ирака – курдские военно-политические организации; на юге – шиитские повстанческие силы. В условиях очевидного крупного военного поражения Багдада в Заливе внутренняя оппозиция сочла возникшую политическую ситуацию в стране весьма благоприятной, чтобы открыто выступить против режима С. Хусейна и таким образом добиться своих программных целей при активной поддержке со стороны США и Великобритании. Курдские и шиитские оппозиционеры в течение короткого периода мобилизовались и перехватили инициативу в ряде провинций на севере и юге страны, захватив «властные функции в регионах». На севере ввиду ослабления поддержки местным правительственным эмиссарам со стороны Багдада курды в первой половине 1991 г. установили свою полную власть не только над горными и сельскохозяйственными районами КАР, но и в ряде крупных городов. На первых порах действия ДПК М. Барзани, который контролировал районы, прилегающие к Турции, и ПСК Дж. Талабани, контролировавшего сектор, граничащий с Ираном, были успешными, хотя и велись в разьедаемом противоречиями союзе. Однако уже с лета 1991 г. багдадский режим, оправившись от печальных итогов кувейтской кампании, приступил к перегруппировке своих вооруженных сил. В октябре 1991 г. Багдад объявил военную и экономическую блокаду Курдистана. Пользуясь тем, что американские войска прекратили военные действия и сняли угрозу их возобновления, С. Хусейн направил в Курдистан военную группировку численностью 100 тыс. человек, включая элитные формирования и воинские части, переброшенные с юга Ирака. В ходе операции войска устроили безжалостную расправу над мирным населением Курдистана. По некоторым данным, за 1988–2000 гг. правительственные войска убили 200 тыс. курдов и уничтожили 5 тыс. деревень.

США, Англия, Франция и Турция определили зону, запретную для пребывания и ведения военных и полицейских операций иракской армии, установив здесь свое военное прикрытие. Затем запретили появляться иракским самолетам в воздушном пространстве Курдистана, организовали поставку продовольствия, топлива, электроэнергии, наладили медицинское обслуживание. Вывод из-под контроля багдадских властей северных районов страны позволил курдскому повстанческому движению перегруппироваться. На территории к северу от 36° северной широты курды приступили к восстановлению своих поселений, а также административно-общинных и хозяйственных структур, возобновили посевы, занялись скотоводством. Учитывая сравнительно мощный военный потенциал режима Багдада, иракская оппозиция единодушно согласилась с необходимостью вмешательства США или других внешних сил для свержения С. Хусейна и помощи оппозиционным движениям. Во главе оппозиции встал Иракский национальный конгресс, созданный в 1992 г. Вынужденное невмешательство Багдада в жизнь ИК позволило создать здесь мощный тыл для поддержки военных операций национального курдского движения в восточных провинциях Турции. Анкара была весьма обеспокоена новым этапом развертывания борьбы турецких курдов за свой суверенитет, получавший подпитку военными средствами и силами с территории ИК. Поэтому, опираясь на договоренность с Багдадом и молчаливое бездействие со стороны Запада (премьер-министр Турции Т. Чилер предварительно заручилась поддержкой президента США Б. Клинтона и других глав западных государств), турецкие вооруженные силы с 20 марта 1995 г. начали широкомасштабную карательную операцию как в пределах Турции, так и на территории Ирака. Турецкая армейская группировка численностью 35 тыс. человек вторглась в курдские районы Ирака по четырем направлениям. Войска углубились на территорию Ирака на 50 км при ширине фронта в 380 км. Однако действия турецкой армии и авиации привели к большим жертвам среди мирного населения, а 15 тыс. курдов были вынуждены бежать из районов, подвергшихся турецким атакам. Режим С. Хусейна, внимательно следя за действиями турецких войск в пограничных районах Ирака, по сути, приветствовал карательные действия турок против курдов (которые, к тому же, сопровождалось извинениями Анкары в отношении нарушения границ Республики Ирак). Тем не менее под давлением мирового общественного мнения Анкара была вынуждена отозвать

свой экспедиционный корпус. Но власти Багдада посчитали акции Анкары на севере Ирака недостаточными, поэтому в 1996 г. иракские правительственные войска ворвались в город Эрбиль, служивший оперативной базой курдских повстанцев, и сровняли его с землей, а так называемая армия оппозиции была полностью уничтожена.

Представители иракской оппозиции начиная с 1991 г. периодически вели переговоры в Вашингтоне (американский конгресс выделил 97 млн. долл. на финансирование семи главных оппозиционных режиму С. Хусейна групп). Пользуясь этим, американская администрация проводила активную деятельность по примирению противоборствующих курдских организаций ДПК и ПСК, по консолидации антисадамовской оппозиции по линии Иракского национального конгресса (ИНК). С 8 по 12 февраля 2000 г., невзирая на протесты Ирака, делегация Госдепартамента США в сопровождении представителей МИД Турции посетила ИК и встречалась с лидерами ДНК и ИСК с целью «продолжения процесса примирения между указанными организациями в соответствии с договоренностями, заключенными ими ранее в Вашингтоне и Анкаре». Несмотря на процесс примирения, вооруженные стычки продолжали иметь место между самими курдскими организациями. Так, в сентябре 2000 г. на севере Ирака произошли столкновения между бойцами ПСК (Ирак) и повстанцами из Курдской рабочей партии (Турция), в которых погибло более 60 человек.

Одной из причин современного этнического конфликта в ИК являются экономические интересы. Весьма характерным является заявление председателя ПСК Дж. Талабани, сделанное им на 1-й конференции Курдского общества бухгалтеров и экономистов в Сулеймании в августе 1999 г.: «Наша страна богата ресурсами, и мы можем построить сильную экономику, но этому препятствуют наложение различных видов эмбарго и оккупация значительной части страны, включающей наиболее плодородные и богатые нефтяными ресурсами земли». Огромные запасы нефти в районах Киркука, Мосула и Ханекина, пограничных с Арабским Ираком, предопределили курс Багдада на арабизацию этих курдских территорий и его категорический отказ включить эти районы в административные границы Курдской автономии в Ираке. Наиболее активно политика арабизации полосы Мосул–Киркук–Ханекин проводилась в 60–70-е годы. В 90-е годы Багдад продолжал проводить политику по арабизации этих промышленных районов Курди-

стана, сочетая военные методы давления на курдов с социально-экономическим стимулированием новых арабских поселенцев, изменением на этих территориях курдской топонимики на арабскую. Политика арабизации Курдистана предусматривала формальный отказ курдов от своей национальной идентичности и регистрацию курдов как арабов. Имела место конфискация земель и другого недвижимого имущества, принадлежащего курдам, в пользу арабов. С. Хусейн даже предложил свой план ближневосточного урегулирования палестинской проблемы путем размещения миллиона палестинских беженцев на территориях нефтеносных районов ИК, Киркука и Ханекина. Однако лидеры палестинцев заявили, что не допустят осуществления подобного сценария. В планах строительства курдской государственности Киркук рассматривался в качестве символа экономической мощи, энергетического богатства и духовного единства Курдистана, его индустриального и хозяйственного ядра. Примечательным в этом отношении является заявление председателя ПСК Дж. Талабани, назвавшего Киркук «курдистанским Иерусалимом».

Наряду с курдской проблемой остро стоял в 90-е годы и шиитский вопрос. Шиитскому населению ИИ, составляющему более 60% жителей страны, так же как и курдам, было отказано в равноправном представительстве в центральных и провинциальных законодательных и исполнительных органах власти. Уровень жизни и развитость хозяйства Юга значительно отставали от показателей по центральному региону. Особенно в тяжелом положении находились жители сельских районов и, в первую очередь, так называемые «болотные арабы» нижнего междуречья Тигра и Евфрата. Имели место и противоречия из-за неравноценности социальных позиций между суннитским и шиитским духовенством и мазхабами (богословско-правовыми школами) в общественной структуре Ирака. Режим С. Хусейна был бескомпромиссным в отношении оппозиции и здесь. Шиитская проблема в ИИ в 80–90-е годы обострилась в связи с приходом к власти в Иране шиитского духовенства, во главе которого стал имам Хомейни. Опасность для багдадского режима в связи с обострением политической и военной ситуации в районах компактного проживания шиитского арабского населения была обусловлена следующим: во-первых, на юге Ирака находятся равные шиитские святыни ислама – Кербела и Неджеф (гробницы имама Али и имама Хусейна). Во-вторых, правящее шиитское духовенство Исламской Республики Иран отстаивало

принцип установления конфессиональной социальной справедливости в Республике Ирак, чтобы представители шиитской общины, составляющей большинство населения этой страны, стали основной политической силой иракской государственности. В-третьих, в Тегеране обосновался и с начала 1980-х годов активно противостоял Багдаду Мухаммад Бакир аль-Хаким – духовный руководитель шиитской оппозиции – Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ). В-четвертых, шиитское движение стало одной из ведущих сил Координационного совета Иракского национального конгресса политической оппозиции режиму С. Хусейна.

Повстанческое шиитское движение охватило многие районы юга Ирака: как сельские и заливные (между Тигром и Евфратом) земли «болотных арабов», так и ряд городов, включая такие ключевые, как Кербела и Неджеф. Иракская армия применяла здесь ту же тактику, как и в Курдистане, подавляя любое сопротивление властям. Она не остановилась и перед обстрелом городов (вне разрушений остались комплексы святых гробниц имамов Али и Хусейна). После упорных боев в населенных пунктах, понимая бесперспективность сопротивления превосходящим их регулярным войскам режима, повстанцы ушли в болотистые отдаленные места иракского Юга. Но затем и эти районы были подвергнуты методическим бомбардировкам и обстрелам иракской армии. Жертвы среди мирного населения были весьма крупными. Обращения оппозиционных иракских организаций (Высший совет исламской революции Ирака, Иракский национальный конгресс и др.) к СБ ООН привели к вмешательству Запада в ситуацию в этом регионе Ирака: на 32-й параллели был установлен кордон, южнее которого было запрещено залетать иракской авиации под угрозой уничтожения без предупреждения. Однако Багдад не примирился с потерей своего контроля над южными провинциями и искал повода для возвращения туда своих войск. В июне 1993 г., используя учения своих танковых частей, иракские войска снова провели обстрел шиитских повстанческих районов. В ответ на это США провели военные учения ВВС вблизи города Эль-Кук, расположенного у 32-й параллели, т.е. на северной границе «запретной зоны», определенной СБ ООН для полетов иракской авиации.

Таким образом, обострение внутренней ситуации в Ираке в 90-е годы было обусловлено следующими обстоятельствами: военным поражением режима С. Хусейна в войне за Кувейт и последовавшими за ним восстаниями курдской и шиитской политической

оппозиции; в свою очередь, НАТО после жестокого подавления курдских и шиитских восстаний иракскими правительственными войсками установил «запретную зону» для полетов иракской авиации к северу от 36-й и к югу от 32-й параллелей; одновременно была установлена жестокая международная экономическая и политическая блокада Ирака. Из вышесказанного следует, что сложные внутренние проблемы – восстания курдов и шиитов, этнические и конфессиональные конфликты – не только обуславливали внутреннюю политическую нестабильность Ирака, но и готовили почву к социальному взрыву и смене режима в Багдаде.

«Мир и политика», М., 2009, № 5 (32), с. 115–122.

В. Кузнецов,
доктор исторических наук
У КИТАЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Общая тенденция к политизации ислама проявилась и в жизни многонациональной общины китайских мусульман. В первую очередь, это касается Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), в котором в последние годы активизировались сепаратистские силы, под знаменем ислама выступающие за отделение Синьцзяна. Прежде всего – это «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), с которым связывают террористические акты, призывы развязать джихад, а также межэтнический конфликт в Урумчи летом 2009 г. Внутриполитическая стабильность в Синьцзяне – предмет особых забот как центральных, так и местных властей.

В Белой книге Госсовета КНР «Национальная безопасность Китая в 2008 году» говорится, что сепаратистские силы, стремящиеся к «независимости Восточного Туркестана», представляют угрозу единству и безопасности Китая. «Мы должны полностью осознать, что борьба с тремя силами (терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом) – острая, сложная и долговременная задача», – заявил председатель правительства СУАР Нур Бекри в отчете правительства на 2-й сессии местного народного собрания. Угрозы должны «пресекаться в зародыше и нужно предотвращать насильственную деятельность террористов». Местное население, настаивал Бекри, должно занять «четкую позицию против этнического сепаратизма и незаконной деятельности, осуществляемой под

покровом религии». Все это придает особую, непреходящую остроту мусульманскому вопросу в Китае. В то же время следует отметить, что мусульмане проживают и в других регионах КНР, и далеко не везде среди них религиозный экстремизм находит отклик.

Пекин. Улица Ньюцзе (Быка). Она традиционно представляла собой своего рода мусульманский анклав. Об этом несколько лет тому назад наглядно свидетельствовали протянутые через улицу полотнища с надписями «Хуэйминьская средняя школа», «Хуэйминьская читальня», вывески типа «Хуэйминьская закусовая», «Хуэйминьская чайная». Словосочетание «хуэй минь» имеет двоякое значение. С одной стороны, это – собирательное понятие для обозначения всех мусульман. А с другой стороны – сокращенное самоназвание мусульманской народности хуэйминь хуэйцзу, известной еще как «дунгане»¹.

Поскольку в Китае мусульман независимо от их этнической принадлежности называют мусульман (или «мусульманин»), царившее на Ньюцзе словосочетание «хуэй минь» порождало представление об особом положении этой народности здесь.

В этот раз Ньюцзе была иной. Не бросались в глаза хуэйминьские плакаты и вывески. Сама улица и проезжая часть стали шире и гораздо чище. На месте старых приземистых строений появились современные внушительные здания. Но улица по-прежнему остается одним из центров хуэйминьской общины Пекина. Хуэй составляют большинство среди 250 тыс. мусульман в районе Пекина. В местах проживания их общин расположены мечети столицы – Ньюцзе, Мадаин и Хуаши.

О том, что находишься на Ньюцзе, зрительно напоминает ее главная достопримечательность – одноименная мечеть. Исторические записи показывают, что арабский ученый Насурутун построил мечеть Ньюцзе в 996 г. Могильные камни двух иноземцев-мусульман в мечети – свидетельство ее долгой истории: Ахмед Бурдани из возникшего на территории современного Афганистана государства Газневидов и Али Имад ад-Дин из Бухары проповедовали в мечети Ньюцзе и умерли в Пекине в XIII в. Мечеть Ньюцзе – предмет традиционного внимания со стороны китайского государства. В 1474 г.

---

¹ Дунгане (самоназвание – хуэй) – малая народность, проживающая в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономном районах, а также и в провинции Ганьсу (КНР), в Казахстане, Киргизии и Узбекистане. Мусульмане-сунниты. Дунганский язык относится к китайско-тибетской языковой семье. – *Прим. ред.*

правитель минской династии специальным указом официально даровал ей статус либайсы, т.е. мечети. Таким образом, культовый центр мусульман получил государственное признание. О значимости Ньюце особо говорилось и в указе 1694 г. властителя маньчжурской династии Цин. А правительство КНР объявило мечеть Ньюце важным национальным историческим памятником в 1988 г.

В отличие от мечетей на Ближнем Востоке китайские мечети, особенно в Пекине, часто строились в китайском архитектурном стиле. Например, мечеть Дунсы состоит из трех связанных между собой четырехугольников. Крыши мечетей подобны крышам китайских храмов. В беседе со своим давним знакомым народности хуэй Фэн Цзиньюанем, научным сотрудником Института мировых религий Академии общественных наук Китая, я поинтересовался, не проявляется ли этническая самоидентичность мусульман при посещении мечетей.

– Допустим, если хуэй из собственно Китая окажется в Синьцзяне, где среди мусульман преобладают уйгуры, в какую мечеть он пойдет?

– Если там окажется мечеть, посещаемая в основном хуэй, – ответил Фэн Цзиньюань, – он отправится именно туда.

Недалеко от мечети Ньюце размещается Китайское исламское общество (КИО), организационный и руководящий центр мусульманской общины КНР. Ему подчиняются периферийные отделения общества. Раз в пять лет проводятся общенациональные съезды мусульман, на которых избирается руководство КИО и принимается программа деятельности на очередной срок. Встречающие меня лица проводят в приемную. По пути минуем уже знакомый по прежним визитам молельный зал. Но среди хозяев не вижу тех, с которыми встречался раньше. За пиалой отменного зеленого чая идет непринужденная беседа.

– Сколько мусульман в Китае? – спрашиваю я у хозяев.

– Статистика – дело тонкое, – говорит мой собеседник. – Абсолютно точную цифру назвать затруднительно. Но, пожалуй, наиболее приемлемо можно сказать так: во втором пятилетии XXI в. численность мусульман в Китае составила около 22 млн. человек. Важность мусульманской проблемы для многонационального Китая, где исповедуются разные религии, определяется не численностью приверженцев ислама. Цифры сами по себе не отражают всей полноты межрелигиозных отношений, не раскрывают специфики

социального поведения, умонастроений людей той или иной конфессии. Для КНР проблема межрелигиозных отношений выступает как ипостась проблемы межнациональных отношений, ибо для мусульман ислам – составной элемент их самоидентификации. А это значит, что социальное поведение китайских мусульман непосредственно затрагивает проблему внутривнутриполитической стабильности страны.

Значимость мусульманского фактора для Китая выходит за рамки чисто внутривнутриполитической проблемы. Китайские мусульмане, будучи гражданами КНР, в то же время считают, что они принадлежат к всемирной мусульманской общине, умме. Она, прежде всего в лице своих ведущих деятелей, внимательно следит за положением единоверцев в Китае.

Вернемся к нашей беседе с представителями КИО.

– Некоторое время назад в зарубежных средствах массовой информации сообщалось о столкновениях в Тибете между ламаистами-тибетцами и мусульманами. Насколько это достоверно?

– Да, это действительно происходило. К сожалению, в некоторых провинциях еще имеют место межконфессиональные противоречия и конфликты. Причины их – в недостатке взаимоуважения и терпимости.

Не способствовали им и публикации в отдельных изданиях, рассчитанных на массового читателя. В некоторых из них выражалось неуважение к обычаям мусульман. Это не могло не вызывать их недовольства. Несколько лет тому назад, вспомнилось мне, одно из провинциальных издательств выпустило на китайском языке книгу «Сексуальные обычаи мусульман». Она получила скандальную известность и вызвала повсеместные протесты мусульман. И, судя по словам моих собеседников, оскорбления религиозных чувств не проходят бесследно.

– Поддерживаете ли Вы контакты с мусульманами Индии?

– Да. К примеру, нашим гостем был мусульманин-профессор Раббани – хорошо известный ученый в области исламского богословия. Его работы изучают студенты наших богословских учебных заведений. Правда, по степени интенсивности связей у нас на первом месте Пакистан, а не Индия. В частности, мусульмане из КНР обучаются в Исламском университете в Пакистане.

Приснопамятная «культурная революция» с ее гонениями на религию прервала процесс подготовки служителей культа, в том числе мусульманских. Для восполнения нехватки в 80-х годах го-

товить их стали в мечетях и в специально созданных исламских богословских учебных заведениях. Такие заведения в последнее время, рассказывают функционеры КИО, появились и на местах. Ряды духовных лиц помолодели. К примеру, в 2008 г. в Пекине среди 140 имамов было всего лишь несколько человек старше 70 лет, большинство же значительно младше – в возрасте от 20 до 40 лет.

Имаму мечети Дунсы Лю Кэцзе, заместителю председателя Исламского общества Пекина, 40 с лишним лет. После «культурной революции» он стал в 1987 г. одним из первых выпускников Пекинского исламского института. «В отличие от старых имамов, – говорит Лю, – которые получили традиционное исламское образование в мечети, нынешние молодые имамы, в основном, – выпускники официальных исламских институтов. Мы, возможно, не так сведущи в религиозных изысканиях в сравнении со старшим поколением, но обычно в наших молитвах мы шире смотрим на мир и больше отвечаем требованиям современной жизни». За последние годы претерпела принципиальные изменения и давняя традиция религиозного образования у уйгуров, у которых духовное лицо – ахун сам выбирал учеников. Теперь «самозванцам»-ахунам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе нет места, право набирать учеников имеют только проверенные кадры, политически и духовно работающие над собой и признанные правительством.

Первейшее требование властей к священнослужителям любой конфессии – это «ай го», т.е. «любить государство» – КНР. Помимо чисто религиозных дел, духовенство в Синьцзяне борется за оздоровление быта. Так, священнослужители участвуют в реализации проектов по профилактике и лечению СПИДа, проводимых с 2008 г. комиссией по этническим и религиозным делам Синьцзяна совместно с Австралией. Комиссия заявила, что в 2008 г. почти 10 тыс. имамов в районе с преобладающим мусульманским населением прошли курс обучения по профилактике и лечению этой болезни и поделились своими познаниями в этой области с 4 млн. человек в Синьцзяне. Имамы в Кашгаре, Хотане, Аксу, Кызыл-су и Турфане во время пятничных молитв регулярно проповедуют меры по предотвращению заражения СПИДом. «Ислам выступает решительно против проституции и употребления наркотиков – основных причин заражения СПИДом в Синьцзяне. Я часто советую верующим избегать вещей, которые могут навредить им и другим, – продолжает Абдураззак Мухаммад, 35-летний имам из селения Тусал-

ла (Хотан). – К тому же, согласно Корану, мы должны пытаться сделать все возможное, чтобы помочь другим людям, включая инфицированных этой болезнью». Поскольку многие не могут пойти в мечеть, чтобы помолиться, ахун использует для просвещения о недуге «и похороны, и свадьбы». «Имамы чрезвычайно влиятельны в Синьцзяне. Когда они говорят о СПИДе, проповедуя ислам, это оказывает гораздо более сильное воздействие, чем наши усилия по распространению знаний об этой страшной болезни», – отметил Ся Лисин, директор управления по предотвращению венерических заболеваний и СПИДа в центре по контролю за болезнями и их предотвращением в г. Хотан (СУАР). В Хотане 34-летний наркоман, год назад переставший употреблять наркотики, сказал, что слова имама помогли ему осознать губительное действие наркотиков и опасность СПИДа: «Я не слишком слушался своих родителей, но, конечно, я прислушался к имаму».

Хадж китайское правительство рассматривает не как личное дело, а как мероприятие государственной значимости. Об этом свидетельствуют «Правила относительно религиозных дел» и совместное «Уведомление управления по делам религий при Госсовете КНР, Министерства иностранных дел и Министерства общественной безопасности». Руководствуясь ими, Китайское исламское общество обнародовало специальное постановление относительно паломничества в 2008 г. В нем указывается, что паломники должны быть физически здоровыми, любить свое отечество, любить свою веру, быть законопослушными, иметь достаточно средств для совершения хаджа. «Дело это недешевое, – сказали мне в ИОК. – Дорога на одного человека обходится в 22 тыс. юаней. К этому нужно еще добавить расходы на проживание и т.п. Но на расходы не скупятся. Число паломников из Китая в святые места на Аравийском полуострове из года в год растет». Паломничество за рубеж – не единственное средство духовного общения мусульман Китая с единоверцами других стран. Между ними существуют устойчивые контакты в сфере культуры. Показательно, например, что хуэй Са Цзинлянь из г. Синин (в провинции Цинхай на западе центральной части КНР) удостоился награды на 34-м Международном состязании чтецов Корана, проходившем в Малайзии.

При общении с мусульманами в разных странах, когда заходила речь о рождении или смерти ребенка, нередко доводилось слышать: «Бог дал, бог взял». Словом, появление потомства – промысл Всевышнего. Как же это сочетается с политикой китайского

государства «одна семья – один ребенок»? Ведь в свое время некоторые ахуны в Нинся-Хуэйском автономном районе личным примером пропагандировали политику «одна семья – один ребенок».

– Сейчас, – отвечают мне, – положение иное. На Юго-Западе, Северо-Западе, где проживают мусульмане, разрешается иметь 2–3 детей. Регулирование рождаемости противоречит традиционному менталитету мусульман, ибо, согласно исламским представлениям и обычаям, дети – «дар божий». Чтобы обойти запреты государства, люди могли прибегнуть к обычному праву – неписаным правилам поведения. Илдико Беллер-Хан рассказал, как это происходило на практике у уйгуров СУАР. До введения принудительного планирования семьи в Синьцзяне уйгуры часто возражали, чтобы их жены соблюдали обычай рожать детей в доме своих родителей. Теперь не возражают, особенно если родители проживают в другом административном районе. Так легче скрыть и беременность, и рождение ребенка, и его воспитание в младенческом возрасте. Эти «внеплановые» дети могут быть зарегистрированы детьми бездетных братьев или сестер.

* * *

В меняющуюся картину жизни Китая свой неповторимый вклад вносят все населяющие его народы, независимо от их численности. Обыденное сознание и общественное поведение того или иного этноса нередко складываются под воздействием не официальных установок государства, а религии. И мусульмане как этнорелигиозная общность в этом отношении не составляют исключения.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010, № 3, с. 26–29.

Алексей Громыко,
доктор политических наук,
заместитель директора ИЕ РАН
УСТОИТ ЛИ НОВЫЙ ВАВИЛОН?
**(Проблемы межцивилизационной
интеграции Европы)**

Не проходит дня, чтобы в европейских средствах массовой информации не появились сообщения на тему иммиграции. Борьбе с нелегальной иммиграцией посвящаются встречи европейских политиков на высоком уровне, как это было в июле 2009 г. в Сток-

гольме, где собрались министры иностранных дел Евросоюза. Центральные газеты и материалы информационных служб пестрят такими заголовками, как «12 миллионов нелегальных иммигрантов Евросоюза ждут решения своей судьбы», «Грецию, Мальту и Кипр захлестывает волна нелегальной иммиграции», «Рабство по-европейски», «Британцы снова выступают против иностранной рабочей силы», «Французские власти закроют стихийный лагерь мигрантов», «В Нидерландах не любят приезжих» и т.п. В 2008–2009 гг. в центре внимания СМИ в связи с проблемами иммиграции находились Италия, Греция и Франция, а Британия отличилась тем, что в июне 2009 г. на выборах в Европарламент победу от этой страны одержали два представителя расистской Британской национальной партии. В 2008 г. количество незаконных иммигрантов в Италии выросло на 35 тыс. человек, что на 70% превысило их численность за предыдущий год. В этой ситуации Рим прибег к новой тактике борьбы с нелегалами, которая, по мнению правозащитников, нарушает Женевскую конвенцию о беженцах: несколько раз в 2009 г. сторожевые корабли страны перехватывали различные плавучие средства у о. Лампедуза и выдворяли нелегалов обратно в Ливию. Кроме того, Италия заявила о признании лишь политического статуса беженцев и фактически приравнивала нелегальную иммиграцию к уголовному преступлению.

Всего в 2008 г. Средиземное море из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу пересекли около 70 тыс. человек, подавляющее большинство которых влилось в ряды нелегальных иммигрантов. В мае 2009 г. в центре Афин произошла стычка националистов с нелегальными иммигрантами, уже четыре года занимающими заброшенное здание Дворца правосудия. Греция бьет тревогу, ведь 50% попадающих в Европу нелегалов проникают туда через эту страну. Все лето 2009 г. то там, то здесь в парижских этнических пригородах вспыхивали беспорядки, которые представляют собой в уменьшенном масштабе «восстание пригородов», разразившееся в 2005 г. По сообщениям французской прессы, в этих кварталах процветает наркоторговля, а безработица среди молодежи достигает 40%. Ясно, что на фоне мирового экономического кризиса проблема «чужака» в Европе будет только обостряться. В начале XXI в. каждый 35-й житель планеты был международным мигрантом. Если бы мигранты составляли население одной страны, она заняла бы по численности пятое место в мире. По данным ООН, в 2002 г. всего мигрантов насчитывалось

175 млн., а прогноз на 2050 г. составил 230 млн. Европа лидирует по количеству иммигрантов – 60 млн. человек, за ней следуют Азия и Северная Америка. Еще не так давно, до середины XX столетия, именно США и Канада были главным магнитом для переселенцев со всего мира. С 1846 по 1939 г. только Европу в направлении Западного полушария покинули около 60 млн. человек. В Старом Свете трудовые, экономические мигранты из их числа составляют большинство, значительно опережая нелегалов и вынужденных переселенцев, беженцев. Иностранная рабочая сила и мигранты первого поколения составляют 26% рабочей силы в Австралии, 22% – в Новой Зеландии, 20% – в Канаде, 16% – в США, 10% – в Германии, 6–8% – во Франции и Англии, 4% – в Испании и Италии. Более того, между 1965 и 2000 гг. количество мигрантов в мире удвоилось – с 75 до 150 млн. человек. По расчетам ООН, в 2002 г. 185 млн. человек более 12 месяцев проживали за пределами страны своего рождения. Данная цифра велика, хотя и составляет немногим более 2% мирового населения.

При всей впечатляемости приведенных данных уникальности в фактах массового перемещения населения из одних регионов в другие нет. Развитие человечества на протяжении всей истории сопровождалось активными миграционными процессами. На базе миграции складывались целые империи, включая Российскую, но и разрушались тоже, как это, например, случилось с Древним Римом. Благодаря миграции возникли и формировались многие страны, включая США, британские переселенческие колонии и доминионы, большинство стран Латинской Америки. Выделяют несколько глобальных миграционных волн. Характерной чертой последней, прокатившейся по миру после окончания Второй мировой войны, стало направление основных миграционных потоков в Западную Европу. В последние десятилетия прошлого столетия в нее хлынули выходцы из бедных и беднейших стран Азии и Африки. Сила этой миграционной волны подпитывалась многими факторами, в том числе перекройкой границ в Европе после 1945 г., распадом империй – Британской, Голландской, Французской, а позднее – и распадом Советского Союза. Свою роль сыграли процесс старения населения в европейских странах по мере увеличения их благосостояния, дешевизна иностранной рабочей силы, что длительное время было чрезвычайно привлекательно для европейских экономик – либеральное миграционное законодательство большинства развитых стран, новый качественный этап в развитии СМИ, до-

несших до всех уголков земного шара образы сытой и преуспевающей жизни «общества изобилия». Значительное влияние на ситуацию с интеграцией мигрантов во второй половине XX столетия оказал фактор коммуникаций (удешевление транспортных услуг, телефонной связи, массовое распространение Интернета и мобильной связи), т.е. качественное облегчение по сравнению с недавним прошлым решения проблемы передвижения и общения на расстоянии. Если раньше мигранты из других регионов за пределами Европы прибывали сюда в своем большинстве на постоянное место жительства, то со временем значительно выросла пропорция временной, сезонной миграции, а те, кто обосновывался на новом месте, переставали чувствовать себя оторванными от исторической родины. Кроме того, значительная и возрастающая часть мигрантов в европейских странах предпочитала селиться компактно, воспроизводя первоначальную среду обитания. В результате ослабевало стремление хорошо изучить государственный язык страны-реципиента, воспринять ее обычаи, традиции и нравы.

В отличие от потоков предыдущих волн миграции, на этот раз, во второй половине XX в. и по нарастающей, появились и укоренились две новые проблемы, невиданные со времен экспансии Арабского халифата на Иберийском полуострове и Османской империи в Юго-Восточной Европе. Во-первых, среди мигрантов значительную часть составили мусульмане; во-вторых, они перестали стремиться слиться с новым для них социокультурным окружением. Если раньше Европа знала только одну модель интеграции – ассимиляционную, то теперь многие умы увидели спасение в модели мультикультурализма, многокультурия.

Ассимиляционная модель в наиболее последовательном виде представлена в Западной Европе Францией и Данией; модель мягкой ассимиляции демонстрирует Швеция; модель многокультурия – Британия, Германия и страны Бенилюкса. Суть ассимиляционной модели, разновидностью которой является классическая и уходящая в прошлое модель американского «плавильного котла», – в растворении пришлых культур и ценностей в автохтонной среде, что не исключает ее обогащения в результате этого процесса. Логика этой модели понятна: в современном мире невозможно да и не нужно препятствовать перетеканию людей из одних регионов в другие, нужно использовать положительные стороны этого процесса, однако при этом интегрировать переселенцев на своих условиях.

В свою очередь, суть многокультурия – в признании возможности параллельного существования и взаимовыгодного взаимодействия этнических, многосоставных общин, представляющих не только разные культуры, но и разные цивилизации. Логика этой модели также понятна: и она отталкивается от тезиса об объективном и необратимом процессе переселения народов, но признает невозможность интеграции на принципах ассимиляции в условиях, когда объекты интеграции – столь разные и во многом несоединимые культуры и ценности. Считается, что культурное и в определенной степени ценностное разнообразие обогащает общество, делает нацию более динамичной и способной быть возничим глобализации, а не понукаться ею. С точки зрения этой модели нет доминирующей культуры, которая объединяла бы остальные на базе единых духовных ценностей. Эту модель нередко образно называют «крупно нарезанным салатом». В то же время подразумевается, что некая базовая система нормативов и ценностных установок все же должна существовать, но за ее границами, размытыми и плохо очерченными, допускается ценностный и культурный плюрализм. Востребованность мультикультурализма коренится в эпохе национальных государств, продолжающейся до сих пор, а также в современном процессе обострения культурных идентификаций под влиянием глобализации.

Модель ассимиляции и модель многокультурия отвечают на объективные реалии современного мира. Не больше двух десятков государств, включая Данию и Голландию, претендуют на статус моноэтнических, да и они становятся все более гетерогенными под влиянием всеохватывающих миграционных и демографических процессов. Лишь в половине государств ведущая этническая группа составляет более 75% населения. К монокультурным нельзя отнести и те страны, которые по внешним признакам являются моноэтническими. Например, испанцы и японцы составляют в своих государствах абсолютное большинство, однако с культурной точки зрения эти государства многолики. Или феномен объединенной Германии, в которой западные и восточные немцы, по мнению нобелевского лауреата, писателя Г. Грасса, так и не превратились в единый народ. По мере усложнения этнического состава и культурного ландшафта каждой отдельной страны, привлекательность и популярность мультикультурализма возрастает по сравнению с идеями ассимиляции. Поэтому мультикультурализм становится все более востребованным как для регулирования сосуществования

различных коренных этнокультурных групп, как это происходит в Испании, Британии, Бельгии, так и для регулирования взаимодействия коренного населения с пришлым.

Термин «интеграция» стал предметом дискуссий еще в 1960-е годы. Видный британский политик Рой Дженкинс так говорил об этом в 1966 г.: «Термин “интеграция” может вводить в заблуждение. Я не считаю, что он означает утерю иммигрантами своей идентичности и культуры. Я не думаю, что нашей стране нужен плавильный котел, который превращает всех в единообразную массу... Я определяю интеграцию не как процесс ассимиляции по наименьшему знаменателю, а как процесс предоставления равных возможностей, который сопровождается культурным многообразием в атмосфере взаимной терпимости». Несмотря на то, что такие страны, как Британия, Франция, Германия, придерживались разных иммиграционных моделей, во всех из них широко использовался термин «интеграция», но смысл в него вкладывался разный.

Для Европы в целом проблема миграции осложнялась собственной демографической проблемой. В 1900 г. численность европейцев составляла 390 млн. человек, или четверть населения планеты. В 2025 г. их будет насчитываться более 700 млн., но это составит лишь 9% мирового населения. Причем в следующие несколько десятилетий рост числа европейцев будет происходить главным образом за счет притока иммигрантов из Азии и Африки. В то же время, к 2025 г. доля проживающих в Латинской Америке увеличится в мировом населении с 6,6 до 8%, в Азии – с 55 до 60%, в Африке – с 9 до 13%.

И все же нет причин для фатализма и слишком мрачных прогнозов. Да, количество незаконных иммигрантов в Европе растет и будет расти, не говоря уже о переселенцах на законных основаниях. В ближайшие годы миграционное давление на Европу извне будет только увеличиваться. Но если заглянуть за середину XXI в., то ситуация, с демографической точки зрения, изменится. Большинство расчетов демографов показывает, что к 2050 г. рост численности населения планеты достигнет своего пика – порядка 8 млрд. человек. К тому времени может быть в значительной степени решена и проблема крайней бедности в странах бывшего третьего мира, что снизит отток проживающих в нем людей. На прекращении активного притока мигрантов в Европу скажется и то, что укрепят свое благосостояние другие регионы планеты, став привлекательными для переселенцев и беженцев. Наконец, демо-

графический упадок Европы в части ее коренного населения не обязательно будет продолжаться вечно, ведь переживала Европа однажды феномен бейби-бума – взрыва рождаемости. При сравнении эффективности и жизнеспособности моделей мультикультурализма и ассимиляции на явное преимущество не претендует ни одна из них. По-видимому, Европа будет идти по пути выработки компромиссного, комбинированного варианта интеграции.

Джихад против Макмира

Тема «секьюритизации» иммиграции в контексте внутренней безопасности, сращивания проблем иммиграции и безопасности, представления о том, что миграция – один из источников конфликтов внутри развитых государств, возникла относительно недавно. Конечно, мусульманские страны, расположенные в регионах высокой нестабильности, привлекли к себе внимание конфликтологов еще в 1960-е годы, но особенно после исламской революции в Иране в 1979 г. Именно тогда на ислам стали смотреть как на источник потенциальной угрозы для безопасности западных стран. Для государств ЕС исламский фактор превратился из внешнего во внутренний в 1990-е годы. В Амстердамском договоре 1997 г. темы иммиграции и предоставления политического убежища были объединены и переданы в ведение государственных органов правопорядка. Традиционные «земли обетованные» – англосаксонские государства, становившиеся приютом для сотен тысяч и миллионов иностранцев задолго до второй половины XX столетия, – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия – длительное время не сталкивались с системными проблемами безопасности, вызванными миграцией. Для политиков в США водоразделом стал сентябрь 2001 г., для Европы – теракт в Мадриде в 2004 г. Специалисты же обратили внимание на эту тему в начале прошлого десятилетия. Наиболее проницательные исследователи стали рассматривать тему секьюритизации в увязке с концепцией мультикультурализма и взаимодействия цивилизаций.

В этой связи не обойтись без упоминания общеизвестной работы Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в 1993 г. Именно в ней автор выступил с предостережением о том, что объективное разнообразие мира, главный источник которого, с его точки зрения, – культурные различия цивилизационного порядка, скрывает конфликтность экзистенциального плана. Менее известна более поздняя работа Хантингтона «За-

пад и все остальные», вышедшая в 1997 г. В ней он повторил свой тезис о делении мира на разные цивилизации, обладающие принципиальными отличиями, и о большом потенциале конфликтности в отношениях между ними. Однако на сей раз ученый недвусмысленно высказывается против попыток навязать ценности «западной цивилизации» остальному миру. Правда, делает он это исходя не из каких-либо моральных соображений, а признавая неспособность Запада на фоне изменения соотношения сил между цивилизациями и дальше навязывать свою волю другим. Фактически, Хантингтон предложил идею мультикультурализма как основу взаимодействия разных цивилизаций. К его мнению не прислушались, и после 2001 г. внедрение западных ценностей в мусульманском мире продолжилось на сей раз откровенно силовыми средствами.

За несколько лет до исламизации проблемы радикализма Хантингтон прозорливо писал о подспудно происходивших процессах накопления конфликтного потенциала в межцивилизационных отношениях. Этот тезис одинаково применим и к анализу ситуации внутри стран «западной цивилизации», в которых процесс перемешивания цивилизаций набирает обороты. «Модернизация и экономическое развитие, – пишет автор, – не только не требуют культурной вестернизации, но часто ведут к противоположному – к возрождению незападных культур. На индивидуальном уровне переселение людей в незнакомые им города, приобретение неизвестных ранее профессий вырывают их из традиционной среды, рожают чувство отчуждения, ведут к кризису идентичности, для преодоления которого помощником часто становится религия... Глобальное усиление религиозного фактора является прямым следствием модернизации». Возрождение незападных культур, считает Хантингтон, происходит активнее всего в мусульманских и азиатских обществах. Он обращает внимание на то, что усиление позиций ислама, возможно, за исключением Ирана, происходило в 1980–1990-х годах во всех мусульманских странах.

На сегодняшний день исламская цивилизация представляет собой одно из наиболее заметных человеческих мегаобществ, а ислам, пожалуй, – самую динамичную религию. К этой цивилизации принадлежит около полусотни стран и более 1 млрд. человек. В странах Евросоюза их обосновалось не менее 15 млн. Необходимо отметить, что европейская/западная цивилизация и мусульманская на протяжении веков развивались в одном русле и, по сути, были частями средиземноморской цивилизации. С точки зрения

религии они также вышли из одной авраамической традиции. До XIV–XV вв. исламская цивилизация удерживала передовые позиции; именно исламская наука и культура стали для Европы связующим звеном между античностью и эпохой Возрождения. XV век оказался в этом отношении переломным, обозначив длительный период постепенного ослабления позиций исламской цивилизации, который продолжался до второй половины XX столетия. С точки зрения темы межцивилизационного и внутрицивилизационного мультикультурализма, яблоком раздора между европейской и исламской цивилизациями стал вопрос о секулярности. Мусульманский мир никогда не знал принцип «Богу – богово, кесарю – кесарево», и подавляющее большинство мусульманских стран не приняло идею светского государства. До сих пор это остается одним из важнейших факторов, препятствующих адаптации мусульман-иммигрантов к западному образу жизни. И наоборот, западные социально-политические модели не удалось внедрить практически ни в одной мусульманской стране, за исключением в какой-то степени Турции.

Проблемы мультикультурализма, конечно, не сводятся к трудностям по интеграции мусульман в западные общества. Их нежелание воспринимать западный образ жизни является проявлением намного более широкого феномена, связанного со столкновением глобализации и идентичностей. Американский исследователь Б. Барбер образно назвал эти два явления столкновением макмира – производное от названия ведущей международной компании быстрого питания «Макдоналдс» как одного из символов глобализации и унификации, и джихада – обозначение воинствующего фундаментализма и трайбализма. И макмир, который символизирует принципы потребительства, коммерциализации и омассовления, и джихад, символизирующий противостояние модернизации, принципы этнической и религиозной клановости, кровных уз, в равной степени работают на ослабление национальных государств, разъедавая их соответственно снаружи и изнутри, противодействуют политике мультикультурализма.

Джихад – не только одна из компонент ислама, но в переносном смысле обозначает все другие проявления фундаментализма, будь то протестантский фундаментализм, иудейский или какой-либо другой. И все же в исламском фундаментализме есть свое своеобразие: «В то время как в каждой религии существуют свои фундаменталистские традиции, – утверждает Барбер, – в исламе

именно они играли ведущую политическую роль с XVIII века». Парадокс заключается в том, что фундаменталистские течения в исламе не раз вступали в борьбу с диктаторскими режимами в мусульманских странах, хотя общественные порядки, к которым они стремятся, не менее далеки от демократии. Кроме того, если западные страны стремились изменить политические режимы, например, в странах социалистического лагеря, путем внедрения в них демократических процедур западного образца, то этот метод не действовал в отношении мусульманских стран, более того, он им противопоказан. Именно с помощью демократических выборов фундаменталисты уже не раз претендовали на власть, но незаконно лишались этого права с молчаливого согласия Запада. Наиболее ярким примером стали события в Алжире, развернувшиеся в этой североафриканской стране после отмены результатов выборов 1991 г., на которых победили исламские фундаменталисты.

Ипостаси фундаментализма

В этом, как и в других подобных случаях, высветилась та же проблема, что встала среди прочих на пути мультикультурализма в Европе: исламские фундаменталисты готовы пользоваться инструментами демократии и модернизации для завоевания власти, однако, приемля форму, они отвергают демократическое устройство светского государства по сути, т.е. отрицают либеральную демократию, которая не может не быть светской. Возвращаясь к термину «макмир» как к одному из проявлений глобализации, надо сказать, что отношение его антипода – джихада, к демократии не менее формально: законы, по которым развиваются глобальные рынки, политика транснациональных корпораций и финансовых олигополий, принцип гегемонии частнособственнического интереса над общественным имеют мало общего с классическими представлениями о демократическом принятии решений, о соблюдении прав меньшинств, о бережном отношении к традиционным культурам и экономическим укладам. Не надо забывать, что в значительной мере возникновение феномена джихада – агрессивной защиты традиционных ценностей – стало реакцией на феномен макмира – агрессивной политики продвижения западных ценностей по всему миру.

Проблема усиления исламского фундаментализма, который сам по себе не лучше и не хуже фундаменталистских течений в

других религиях, усугубляется тем, что в последние десятилетия и особенно годы на его почве получил бурное развитие исламский экстремизм, т.е. воинствующая часть исламского фундаментализма. И дело не только в том, что экстремисты и террористы превратно истолковывают те или иные строки Корана для оправдания своих преступлений – священная книга мусульман действительно содержит не только призывы к миру, но допускает и насилие. Радикальные фундаменталисты также используют эпизоды из жизни Пророка Мухаммеда, например, пленение людей и возвращение их за выкуп. Но и в этом ислам не является исключением, ведь при желании отдельные места в священных текстах других религий можно также трактовать как оправдание насилия, например, в Ветхом Завете. Все же ряд исследователей настаивают на том, что война и терроризм являются частью ислама и что насилие было присуще ему всегда.

Необходимо признать как опасность недооценки исламского фундаментализма в качестве питательной среды для экстремизма, так и опасность демонизации ислама как религии, занесение всех мусульман в «черный список». Несомненно, грубейшей идеологической ошибкой властей США после 11 сентября 2001 г. был призыв к новому крестовому походу, вброс в массовое сознание образа грядущего апокалиптического столкновения западной и исламской цивилизаций, объявление «войны с террором», которая у американского обывателя стала ассоциироваться с войной против всех мусульман. По невежеству или сознательно насаждалось неприятие чужого образа мыслей и мировоззрения. Наглядный пример искажения образов – широкое использование в политической риторике и в СМИ извращенного понимания джихада как исключительно войны мусульман против неверных, хотя на самом деле джихад в исламской теологии – это прежде всего следование праведному образу жизни, духовное самосовершенствование мусульманина, не имеющее отношения к насилию. Другой пример – исламизм, термин, обозначающий политическую идеологию исламского фундаментализма. Исламизм вовсе не является синонимом насилия, хотя многие террористы являются исламистами. Неудивительно, что, например, опрос, проведенный газетой «Дэйли Телеграф» в августе 2006 г., показал, что 53% населения Британии считают ислам в целом «главной» или «некоторой» угрозой для страны, а 73% респондентов опроса журнала «Спектейтор» в сентябре того же года отве-

тили утвердительно на вопрос, ведет ли Запад глобальную войну против исламского терроризма.

И все же проблема сращивания насилия и исламизма остается чрезвычайно серьезной и актуальной. Факт остается фактом: члены суннитской группы салафитов – «истинные» последователи ислама, будь то ваххабиты или другие zeloty и пуристы, отрицают диалог между мусульманами и «неверными», диалог, направленный на мирное сосуществование, и часть их признает насилие как метод утверждения своих взглядов. Идеологическое обоснование объединения салафизма и экстремизма появилось в 1960-е годы благодаря работам египтянина Сайида Кутба. В 1970-е годы мусульманский мир заявил о себе как о глобальном игроке благодаря фактору нефти, а вновь выявленные финансовые потоки нефтедолларов стали источником подпитки радикальных организаций. Идеи исламского экстремизма получили новый стимул в 1979 г., после исламской революции в Иране и ввода советских войск в Афганистан. Тогда-то при самой активной поддержке ряда западных стран, прежде всего США, массовое развитие получило движение джихадистов – воинов ислама. Появилось и идеологическое обоснование этой радикализации благодаря проповедям палестинца Абдуллы Юсуфа Аззама.

Однако ошибочно искать корни международного терроризма исламского оттенка в Афганской войне 1979–1989 гг., которая была направлена на защиту светского режима в Кабуле. В октябре 2001 г. Усама бен Ладен заявил: «Наш народ терпел это унижение и позор более 80 лет. Его сынов убивают. Его кровь проливают, на его святыни нападают и им не управляют так, как постановил Аллах». С точки зрения бен Ладена, мусульмане должны ощущать чувства боли и унижения на примере истории всего XX в., имея в виду в первую очередь не Советский Союз, а политику западных стран в отношении мусульманского мира. Не случайно главным врагом джихадистов в 1990-е годы стали США, против которых и были направлены террористические атаки «Аль-Каиды». Против них бен Ладен объявил джихад еще в 1996 г. Монстр, как в истории о Франкенштейне, вернулся к своему создателю, чтобы погубить его. Длительное время распространение исламизма сдерживалось такими популярными в мусульманском мире идеями, как светский социализм и панарабизм, однако к 1980-м годам они выработали свой ресурс. К концу XX в. джихадисты создали международную террористическую сеть. Для ее идеологов конечная цель заключа-

ется в создании мирового исламского халифата, жизнь в котором основана на законах шариата. По мнению бывшего британского исламиста Ширази Махера, «исламистские группы расцветают за счет проповеди раскольнической идеи первенства ислама, которая направлена на прекращение временного упадка ислама и на противодействие доминированию Запада с помощью возрождения пуританского халифата».

Последствия распространения радикального исламизма во всей полноте затронули Европу. Новый взлет джихадистское движение переживает с 2001 г. после вторжения в Афганистан войск США и их союзников, хотя спустя почти десять лет после создания бен Ладеном «Всемирного исламского фронта джихада» говорить о мировом халифате иначе как об иллюзорном проекте по-прежнему нельзя. «Триумф исламского фундаментализма в планетарном масштабе, безусловно, выглядит утопией, – считает российский специалист по исламу Алексей Малашенко. – Мотивация исламистских фундаменталистов-радикалов заключается скорее в их желании доказать свое право на существование и в комплексе неполноценности, вызванном их несостоятельностью». Последний рождает отчаяние, что, в свою очередь, толкает их на экстремистские действия. Важным является вопрос связи проблемы социальной несправедливости и экстремизма. Б. Барбер так говорит об этом: «... слишком во многих уголках третьего мира, как и во многих кварталах первоклассных западных городов, существует обстановка отчаянной ярости, и это придает действиям террористов определенную легитимность». Стоит ли удивляться, что вслед за падением башен-близнецов в Нью-Йорке на улицах многих мусульманских городов наблюдались сцены торжества в честь «триумфа над неверными»?

Исламские экстремисты — кто они?

Однако если нищета, обиды и унижения исторического и бытового характера, являются благодатной почвой для рекрутирования джихадистов и террористов, то сам по себе терроризм – отнюдь не движение бедноты, между терроризмом и бедностью нет прямой зависимости. И исламский экстремизм – это не только реакция на несправедливости по отношению к мусульманам, но и утвердительное действие, направленное на навязывание с помощью насилия и страха своего мировоззрения. Не случайно почти все смертники, совершившие террористические акты 2001 г. в США, 2004 и

2005 г. в Испании и Британии, участники террористического заговора в Глазго и Лондоне в июне 2007 г. были вполне образованными людьми, включая выпускников Кембриджа, с приличным достатком. Именно таких, как они, покуда они играли роль благонадежных граждан, приводили в пример успеха политики мультикультурализма. Приведем другие слова бывшего британского исламиста Ширазы Махера: «Мусульмане в Британии (исламисты) живут своей отдельной жизнью. Они верят в то, что ислам и Запад несовместимы, что демократия – ересь, и что интеграция – наибольшая для них угроза». За исламским экстремизмом стоят большие деньги, ему покровительствуют многие сильные мира сего (мусульманского мира), его подпитывают проповедники с высшим богословским образованием.

Однако неоспоримо и то, что исламские террористы и их идеологи, представляя мизерную часть «обиженных и оскорбленных» мусульман, получают «пушечное мясо» именно из их среды, как и благодаря им обретают свое прикрытие и легитимацию. Если в Европе и США террористические акты совершались часто представителями среднего класса, то, например, на Большом Ближнем Востоке смертники – это, как правило, выходцы из бедноты, семьям которых заказчики самоубийственных преступлений обещают немалые деньги за «мученичество» их отцов, братьев и сестер. Если бы завтра нищета в мусульманском мире исчезла, исламский экстремизм в том или ином масштабе сохранился бы, но в отсутствие скрытой массовой поддержки его значение снизилось бы в разы. Связи бедности в мусульманском мире с терроризмом посвящено исследование сотрудников Принстонского и Карлова университетов. Оно показывает, что высокая степень поддержки актов насилия против израильтян существует среди палестинских студентов, торговцев и людей свободных профессий, однако среди безработных она значительно слабее. В своей массе активисты радикальной исламистской группы «Хезболла» не принадлежат к беднейшим слоям населения и имеют достаточно высокий уровень образования. Такие же выводы справедливы и в отношении радикалов с другой стороны – членов «Гуш Эмумим» – экстремистского движения израильских поселенцев на оккупированных территориях. Рассадником и источником рекрутирования для международного терроризма никогда не были такие беднейшие страны мира, как Бурунди, Демократическая Республика Конго, Эритрея или Либерия, хотя каждая из них испытала на себе все ужасы гражданских

войн. Анализ 781 акта терроризма, попавшего по классификации Государственного департамента США в разряд значительных, показал, что их исполнители были, как правило, выходцами из стран с высоким уровнем притеснения политических свобод, а не высокой бедности. 15 из 19 человек, участвовавших в террористической атаке на США 11 сентября 2001 г., принадлежали к богатым семьям Саудовской Аравии: Усама бен Ладен в свое время сколотил многомиллионное состояние, а его правая рука аль-Завахири был процветающим врачом-педиатром.

* * *

Каковы же источники радикализации европейских мусульман, иммигрировавших в один из самых благополучных регионов мира? Здесь целый набор причин образует один тугой узел. В него вплетены и исторические обиды колониального периода, и горечь поражений мусульман в арабо-израильских войнах, и специфика ислама с его неоднозначной трактовкой межконфессионального диалога. Существуют причины геополитического и геоэкономического порядка, которые выше описаны в терминах «макмир» и «джихад». Огромную негативную роль сыграла внешняя политика США в регионах Ближнего и Среднего Востока в 1990-е годы и в первое десятилетие XXI в. Свою долю вины несет и политика квазиформальной интеграции мусульман в рамках как модели мультикультурализма, так и модели ассимиляции.

Секьюритизация проблем, связанных с миграционными процессами в Европе, произошла надолго, если не навсегда. И это в определенном смысле плата Старого Света за свое благополучие, за те блага, которые он получал и получает за счет глобализации. Простых решений задач, стоящих перед европейцами в сфере интеграции культур, ценностей, образов жизни, не существует. Ношу межкультурного, межконфессионального диалога Европе придется нести и дальше. Роль перекрестка цивилизаций таит в себе немало опасностей, но предоставляет и преимущества в конкуренции за духовные и материальные ценности.

«Современная Европа», М., 2010 г., № 1, с. 18–30.

З. Абдулагатов,

кандидат философских наук (г. Махачкала)

ГРОЗИТ ЛИ ИСЛАМУ СТОЛКНОВЕНИЕ С ХРИСТИАНСТВОМ

(Доводы против «столкновения цивилизаций»)

После распада СССР глобальное противостояние, основанное на классовых противоречиях, по мнению американского политолога С. Хантингтона, сменится межцивилизационным конфликтом. Основное содержание той или иной цивилизации, считает он, определяется религией. Позиция Хантингтона находит немало своих сторонников. Тем не менее она не является общепризнанной, так как вызывает возражения различного характера. Каковы доводы за и против теории «столкновения цивилизаций»?

1. Основное содержание цивилизации по С. Хантингтону определяется религией. В то же время надо заметить, что религиозность населения мира идет на спад. Как пишет известный исследователь религиозности М. Тульский, XX в. можно с полным основанием назвать веком отхода от религии, веком «неверия». «Мир стремительно секуляризуется. Традиционная религиозность в ее средневековой форме трещит по всем швам». Число неверующих, по данным М. Тульского, за 100 лет во всем мире увеличилось в 241 раз, тогда как население Земли за тот же период (1900–2000) увеличилось в 3,7 раза. Упадок религий во многих странах Восточной Европы объясняют тем, что в них длительное время в течение XX в. господствовал государственный атеизм. Но дело в том, что тенденция роста числа людей, не связывающих себя ни с какой религией, наблюдается почти во всех странах мира. Например, в США доля лиц, не относящих себя ни к одной религии, за 100 лет выросла с 1,3 до 9,1%. В Японии, по данным опроса 1996 г., 46,6% не относят себя к верующим. В Гонконге, по данным опроса 1999 г., таковых оказалось 64%. Эти страны не являются исключением. Как показывают социологические исследования в странах Северной Америки и Европы, отход массового сознания от религии является обычным явлением. Например, в Европе лишь в таких странах, как Польша, Италия, Испания, можно говорить об определенном небольшом росте доли лиц, исповедующих ту или иную религию. В таких странах, как Англия, Германия, Франция, Австрия, Чехия, Болгария, Нидерланды, Швейцария и др., наблюдается рост атеистов и просто не относящих себя ни к одной религии.

Приведенные данные дают основание считать, что природа цивилизационной определенности одной культуры не сводится целиком к той или иной религиозной окрашенности больших социальных групп. Иначе, при нынешних темпах спада религиозности, и даже при нынешних ее состояниях в отдельных государствах, пришлось бы говорить об исчезновении атрибутов цивилизации многих развитых стран.

2. Сторонниками теории «столкновения цивилизаций» проводится подмена частного общим. Цивилизация – это абстракция. Не только разные люди, но и разные проблемы. Каждая из них требует своих методов решения. Ни одна из них не замкнута на цивилизационном своеобразии. Ни одна из них не соединяет и не разъединяет людей по критерию их общецивилизационной, религиозной, этнокультурной принадлежности. Трудности, возникающие в ходе решения конкретных проблем, в которые вовлечены представители разных цивилизаций (культур, религий, этносов), неверно привязывать к этим различиям, выводить из них, поднимать на уровень цивилизационного противостояния. Типичный пример такой подмены частного общим – попытка замкнуть действия «Аль-Каиды» и других террористических организаций на исламе. Это логически ошибочно: мусульмане не обязательно террористы, террористами становятся не только мусульмане. Такая подмена является также социально деструктивной, ибо прикрывает действительные причины терроризма¹. Цивилизация имеет более широкий спектр содержательных, социально-экономических и культурных элементов в ее системном выражении. Это многообразие, определяемое различными их сочетаниями, не только дает различные, в чем-то несоизмеримые цивилизации, но и не позволяет говорить об однозначном определении понятия «цивилизация». Последнее обстоятельство определено тем, что различные исследователи как главный определяющий фактор цивилизации берут один из элементов его богатого содержания, делая остальные второстепенными. Яркий пример – хантингтоновское определение цивилизации, где таким элементом выступает религиозная культура.

Исследователи указывают и на другие нерелигиозные составляющие (идентификационные блоки) различных социально-культурных общностей, называемых цивилизациями. Так, заве-

---

¹ См.: Гусейнов А.А. О чем мы говорим, когда говорим и диалог цивилизаций // Россия и мусульманский мир. – М., 2008. – С. 148–149.

дующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического анализа (Москва) С. Маркедонов обозначил шесть таких блоков:

1) этнический (принцип «крови»), начиная от кровнородственного уровня идентификации (тейп, клан) и субэтнического до суперэтнического (тюркский мир, славянский мир);

2) надэтнический мир (советская общность, российская общность, региональные надэтнические общности: кавказец, дагестанец, южанин и др.);

3) национально-государственный (отождествление себя с определенным государством и лояльностью вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности);

4) хозяйственно-культурный (горцы, степняки, жители равнин, оседлые, кочевники);

5) социальный (принадлежность к той или иной социальной прослойке;

6) позиционирование по отношению к традиции и инновации, идентификация себя с традиционным обществом или модернизационным проектом.

3. Государства исламского мира, будучи проявлениями одной цивилизации, зачастую конфликтуют между собой острее, чем со странами иной цивилизации. Ни один из перечисленных компонентов, включая и религиозный, невозможно раз и навсегда ранжировать по степени важности. С другой стороны, ни одна цивилизация не является монолитным образованием. Не является таковой и исламская цивилизация. Ислам многолик. Утверждения духовных лидеров ислама о единой основе мусульманской культуры (Коран, Сунна), а следовательно, единой, монолитной мусульманской умме, не убедительны, так как имеют место не только многообразие мазхабов, толков, школ, но и достаточно активные процессы напряженных отношений между различными исламскими течениями. Наиболее яркий пример конфессиональной неоднородности ислама связан с ваххабизмом и суфизмом. Салафизм (в русскоязычной терминологии – фундаментализм) противопоставил себя не только христианской культуре, но и всей остальной мусульманской.

Еще одним примером неконфессиональных конфликтов, происходящих в мире (наряду с межконфессиональными), является война в конце XX в. между Ираком и Ираном. Удивительное заключается не только в том, что с той и с другой стороны воевали мусульмане, которые шли на смерть с именем Аллаха, но и в том,

что на стороне шиитского Ирана выступали сунниты, а на стороне в основном суннитского Ирака – шииты. Государственная, страновая самоидентификация оказалась более значимым фактором, по сравнению с конфессиональной принадлежностью

4. Видимость межцивилизационного конфликта зачастую создает инструменталистское отношение к исламу. Не вписывается в концепцию межцивилизационных конфликтов, в хантингтоновском истолковании цивилизации, северокавказский кризис, обусловленный главным образом событиями в Чечне. Ни Д. Дудаев, ни А. Масхадов не были салафитами. Как верно заметил А.В. Малащенко, ислам в руках чеченских сепаратистов играл прежде всего инструменталистскую роль. Они никогда не обременяли себя чисто исламскими, конфессиональными целями. Тем самым, мы имеем не столкновение цивилизаций, в данном случае вроде бы выраженных через религиозное сознание, а иных интересов.

5. Акцентируя внимание на конфликтах, вызванных глобализационными процессами, последователи теории Хантингтона не обращают внимания на процессы противоположного характера. Это обстоятельство может сильно испортить репутацию хантингтоновской концепции. Речь идет о том, что глобализационные процессы не только способствуют межкультурной напряженности, но одновременно и более интенсивному межцивилизационному взаимодействию, последствия которого считать однозначно отрицательными было бы не справедливо. У ученых-исследователей, занимающихся проблемами современных межнациональных, межцивилизационных отношений, появился новый термин для обозначения «контактной зоны» интенсивных межкультурных общений – фронтитр. Фронтитр – это «пространство, где происходит взаимопроникновение между обществами. Он состоит из трех компонентов: территориального элемента, зоны или территории, в отличие от четких линейных границ, человеческого элемента, первоначально состоящего из отдельных и совершенно разных обществ, и элемента процесса, в котором отношения между людьми начинаются, развиваются и принимают стабильную форму. Фронтитр открывается в момент первого контакта между представителями обществ и закрывается, когда единая власть устанавливает политическое и экономическое господство над ними». Такое определение фронтитру дано американским исследователем Л. Томпсоном. Фронтитр – это зона «притирки» идентичностей. Официальная, государственная, и

«воображаемая» география представителей различных этнических, конфессиональных групп почти никогда не совпадают.

Особенность современного значения фронта как контактной зоны заключается в том, что в результате глобализационных процессов он достаточно сильно расширяется. Этому способствуют два мощных фактора глобализации современной общественно-экономической жизни. Первый – это процессы внешней и внутренней миграции. Мощные миграционные процессы привели огромные массы населения в Западную Европу из стран, когда-то называвшихся странами третьего мира. Интенсивные миграционные процессы идут на российском Дальнем Востоке. Если взять отдельно Дагестан, 400 тыс. наших земляков живут или работают за пределами РД. Это примерно 16% общей численности населения республики, или 27% его трудоспособного населения. Иммигранты, с одной стороны, вписались в новое для них правовое пространство, с другой же, внесли многие специфические элементы своей культуры в общественную жизнь государств, которые их приняли. Не всегда этот процесс идет гладко. Конфликты – «карикатурные» и «хиджабские» – имели широкий резонанс в общественном мнении мирового сообщества. Но важно другое: это конфликты не между государствами, а внутри них, это конфликты между согражданами, разделенными во мнениях по поводу ценностей. Проблема состоит в том, чтобы согласовать этническую и гражданскую идентичности. Как показывает ход событий, проблема их согласования медленно, но решается, ибо речь идет о целостности государственных образований. Государство как контактная зона межцивилизационных общений может сыграть положительную роль в предотвращении угрозы конфликта цивилизаций.

Необходимо сказать, что основная масса религиозных деятелей, как ислама, так и христианства, не приемлет оценку современных конфликтов как межцивилизационных, хотя объяснения этому даются самые разные. Приведем два характерных случая.

В октябре 2006 г. произошел скандал вокруг карикатур на Пророка Мухаммада в датской газете. Датские мусульмане отправились в страны Ближнего Востока и раздули пожар. Правительства некоторых мусульманских государств, мечтавшие доказать свою приверженность исламу (и тем самым придать себе большую значимость в глазах своих народов), воспользовались случаем и выставили себя в роли великих защитников идеи. В свою очередь, политики, интеллектуалы и журналисты – защитники другой вели-

кой идеи, идеи свободы слова, выставляют себя борцами с религиозным обскурантизмом во имя ценностей Запада. Данную ситуацию оценивал известный исламский деятель Тарик Рамадан. «Перед нами – величайшее упрощение картины, которое только можно себе представить: дескать речь идет о столкновении цивилизаций, о конфликте между незыблемым принципом свободы слова и принципом, утверждающим неприкосновенность сакрального... Нет, речь не идет о конфликте цивилизаций. Нет, этот скандал не является символом конфликта между принципами просвещения и нормами религии. Нет и трижды нет. Главный вопрос, лежащий в основе этой печальной истории, заключается в том, чтобы оценить способность и тех, и других быть свободными, рациональными (оставаясь при этом верующими или атеистами) и в то же время разумными людьми. Трещина, которую мы сегодня видим, пролегла не между Западом и Исламом, а между теми, кто умеет быть собой и утверждать свое “Я” с чувством такта, будь то во имя веры или во имя разума, и теми, кто отдается во власть категоричности, слепой страсти, узкого взгляда на других и поспешных выводов». Основной пафос позиции Т. Рамадана заключается в осознании: Запад и Ислам остро нуждаются во взаимопонимании.

Несколько с иной точки зрения подходит к этой проблеме французский философ Андре Глюксман. С одной стороны, его доводы являются ярким примером различий в мировоззренческих ценностях Запада и Ислама. С другой же, он твердо убежден в том, что «наша планета – не жертва столкновения цивилизаций или культур». Он, как и Т. Рамадан, считает, что локальные конфликты между мусульманами и христианами – это результат недомыслия. Но, по его мнению, мусульмане проводят сравнение несравнимых явлений: между реальностью факта (речь идет о карикатурах на тему Холокоста, чем мусульмане ответили на карикатуры Пророка) и символом веры (Пророком Мухаммадом). Он вменяет в вину мусульманам то, что они не различают мир фактов и мир веры, которое давно сделано в европейской культуре. Можно согласиться или попытаться опровергнуть сам метод обоснования А. Глюксманом своей точки зрения. Но важно то, что он уводит проблему конфликта в сферу сознания, где легче найти точки согласия, взаимопонимания.

Проведенный краткий анализ концепции «столкновения цивилизаций» показывает, что идут сложные, интенсивные процессы взаимоотношений различных этносов и наций, обусловленные гло-

бализацией условий их жизнедеятельности. Идут непростые процессы «притирки» мировоззренческих позиций и культурных ценностей. Иногда они выражаются в религиозной нетерпимости. Прежней обособленности культур уже нет. Людям, если они хотят выжить, надо научиться жить вместе. В этих условиях идея концепции «столкновения цивилизаций» может сыграть отрицательную роль, так как провоцирует еще неадаптированное сознание на конфликтные взаимоотношения.

*«Северный Кавказ в современной политике России»,
Махачкала, 2009 г., с. 319–330.*

С. Чудинов,
публицист

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИСТА-СМЕРТНИКА

Несмотря на чрезвычайную популярность темы терроризма смертников и солидного массива публикаций (преимущественно на английском языке), сам феномен остается загадкой, трудно поддающейся объяснению в социолого-политологических категориях. Судя по публикациям за последние годы, среди специалистов в данной области уже вряд ли найдется ученый, который поставил бы под сомнение высокую значимость культурного контекста. К сожалению, до сих пор весьма редки исследования, пытающиеся описать «культуру мученичества» несколько глубже базовых мусульманских представлений о джихаде, достоинстве и награде мученика-шахида в раю и т.п. В действительности тематика, касающаяся детерминации мировосприятия и поведенческих стереотипов террориста-смертника религиозными категориями и ментальными установками соответствующей религиозно-культурной среды, фактически еще не открыта. Один из частных аспектов данной тематики станет предметом нашего исследования – проблема характера воздействия религиозного фатализма на сознание террористов-смертников, мотивированных идеологией радикального ислама.

Проанализировав целую массу завещаний и прощальных речей палестинских террористов-смертников, американский ученый М. Хафез пришел к выводу о поразительной популярности одного из коранических стихов (аяшов), наиболее часто цитируемого: «Не вы убили их, а Аллах убил их...» (Коран, 8:17). Аят был ниспослан

после битвы при Бадре (624), первой крупной военной победы ранней мусульманской общины. В этой битве отряд мусульман под предводительством Мухаммада численностью чуть более 300 человек противостоял превосходящей их как минимум в два раза армии язычников Мекки. Общий смысл аята заключается в том, что мусульмане добились победы благодаря непосредственному вмешательству Божьей воли. Очевидно, что, цитируя его, будущие «шахиды» декларируют свои упования на божественную поддержку в борьбе с врагом. На первый взгляд это может быть оценено как удобное в пропагандистских целях идеологическое клише. Но если присмотреться к этой фразе внимательнее, она потребует герменевтического прочтения, основанного на знании тонкостей мусульманского мировоззрения, пронизанного верой в вездесущность божественного вмешательства. Что в действительности означают эти слова для самих смертников? Понимают ли они их буквально или аллегорически? Надеются ли на прямое вмешательство Божьей воли – причинение самим Аллахом урона врагу руками «шахида», выступающего лишь в качестве внешнего повода? Или же рассчитывают на косвенное вмешательство в виде содействия своим усилиям, облегчения не зависящих от человека обстоятельств, дарования удачи?

Как бы то ни было, любой из вариантов ответа подразумевает глубоко провиденциальное мировосприятие, расценивающее свободу воли и действий человека как божественную милость, даруемую свыше и осуществляемую, так сказать, под прямым «присмотром» Аллаха. Это общая установка, конкретизирующаяся в ряде частных положений мусульманской веры, задает особый тип религиозного мировосприятия и формирует в сознании человека особую онтологическую и нравственную оценку всего вокруг него происходящего. Выяснение ее влияния на отношение террориста-смертника к будущей операции может способствовать более фундаментальному пониманию его мотивации и механизмов мировосприятия, способствующих снятию нравственно-психологических барьеров перед страхом смерти и убийством других. Учитывая формат представления результатов наших научных изысканий, мы сознательно ограничим рамки своего исследования суннитской версией ислама, оставив за их пределами особенности шиитского религиозного сознания.

В суннитском исламе существует общепризнанная систематизация учения о предопределении на основе Корана и Сунны, в которой оно подразделяется на четыре ступени.

1. Первая ступень – божественное всезнание. Согласно исламскому вероучению Аллах обладает абсолютным знанием и предвидением обо всем, включая любую из сотворенных вещей, какой бы малой она ни была, будь она весом с пылинку или зернышком, спрятанным в темных недрах земли. Еще до сотворения мира Он знал о том, каковы будут его творения, какие действия они совершат и чем закончится земная история. Божественное знание охватывает прошлое, настоящее и будущее всего сущего. От Бога ничто не может укрыться: «У Него ключи к сокровенному, и знает о них только Он. Ему известно то, что на суше и в море. Даже лист падает только с Его ведома».

2. Вторая ступень — предписание. Предписание означает, что Аллах не только знал будущие судьбы всего сущего, но и записал их. Запись предопределения подразделяется на письменную фиксацию общей судьбы всего мира в целом в Хранимой Скрижали и отдельные книги, посвященные индивидуальной судьбе людей, составляющиеся ангелами еще до появления младенца на свет. Согласно исламу существует также предначертание судьбы отдельного человека. Мусульмане верят в то, что после формирования зародыша в утробе матери к будущему ребенку посылается ангел, который оживляет его, вдывая в него дух, и записывает четыре вещи: его удел (средства пропитания), срок жизни, будущие дела, а также какой будет его судьба, счастливой или несчастной. Эти записи составляют книгу индивидуальной судьбы человека.

3. Третья ступень – соизволение. Ислам исповедует взгляд, в соответствии с которым все, что случается в мире, соответствует волеизъявлению Всевышнего. Даже действия свободных разумных существ, коими являются люди, совершаются только по соизволению Аллаха. Мусульманская точка зрения настаивает на тотальном охвате божественной волей всех движений и состояний вещей, она осуществляет за ними ежемоментный контроль. Это положение мусульманской веры дало повод для длительных богословско-философских споров в средневековом исламе по темам истинного действителя, создающего действия человека, характера естественных причинно-следственных связей, которые в христианстве, за редким исключением, никогда не затрагивались. Впрочем, послед-

ние вопросы непосредственно связаны со следующим пунктом учения о предопределении.

4. Четвертая ступень – сотворение. Этот аспект предопределения заключается в представлении о сотворении всего сущего Богом. В сферу Его компетенции входят и поступки человека. Традиционное исламское богословие учит – «деяния раба сотворены Аллахом». При этом ислам ни в коем случае не отвергает человеческую свободу воли, которую он признает и отстаивает в соответствии с ясными кораническими изречениями. Дело в том, что строжайший монотеизм ислама, выражающийся в восприятии Бога как единовластного повелителя Вселенной, склонен к оценке какой-либо самостоятельности твари как умаления всемогущества Бога. Логически он приводит к неразрешимой антиномии очевидной ответственности человека за свои действия и представлении об исключительной прерогативе Бога в сотворении всего сущего.

Разрешение этого противоречия в богословских спорах растянулось на века, в ходе которых оформилось несколько важнейших концепций, по-разному объясняющих способность человека к практическим действиям и его ответственность за их результаты. Из основных версий решения этой проблемы можно привести следующие.

а) Ашаритская акыда. В рамках шафиитского мазхаба авторитетным решением поднятых вопросов считаются концептуальные богословские построения Абу аль-Хасана аль-Ашари (ум. в 935 или 941), сводящиеся к теории «присвоения» (касб) человеком своих деяний. Согласно аль-Ашари оказывается, что мы не обладаем независимыми способностями к совершению самых элементарных действий, которые принадлежат нашему телу и существуют до начала действия. Творение – это действие, принадлежащее только Богу. Человек ничего не способен творить, но только «присваивать» то, что создает для него Бог. Присвоение у аль-Ашари – это соединение свободной воли человека со способностью к осуществлению избранного поступка, творимой в нужный момент Богом и реализующейся в действии, тоже творимым Богом. Таким образом, истинным действователем (субъектом действия) в этом процессе выступает Бог, а человек – лишь присваивателем действия. Способность к действию и само действие производятся Богом в теле человека, именно они присваиваются человеком, любые последствия действия (также творимые Богом), сказывающиеся на других телах, не имеют отношения к человеку и им не присваиваются.

б) Матуридитская акыда. Почти параллельно в рамках ханафитского мазхаба самаркандский богослов Абу Мансур аль-Матуриди (ум. в 944) сформулировал позицию, очень близкую ашаризму и отличающуюся лишь в некоторых тонкостях. Согласно аль-Ашари не только способность присваивать действия, которая создается в соответствии с желаниями человека Богом, но даже воля и выбор человека между альтернативами некоторым образом зависят от Всевышнего. Аль-Матуриди тоже считает, что способность к действию творится Богом непосредственно перед тем, как человек собирается совершить соответствующее действие, но человек всегда обладает свободой выбора и свободой присвоения. Последнее означает, что любое действие, хоть и сотворено Богом, есть результат собственного выбора человека и приобретает им без какого-либо принуждения. Тем самым создается сфера человеческой автономии.

в) Салафитская (ханбалитская) акыда. В рамках строго консервативного ханбализма сложилась другая ортодоксальная интерпретация, значительно отличная от ашаризма-матуридизма, которую можно назвать салафитской, поскольку она легла в основу современного ваххабизма – одного из влиятельных салафитских течений, в европейской терминологии часто обозначаемого термином «религиозный фундаментализм». Ее истоки восходят к сочинениям средневекового богослова Ибн Таймийи (ум. в 1328) полемизировавшего с ашаритами и отвергавшего «присвоение». Отличие рассматриваемого представления о предопределении от ашаритской точки зрения заключается в том, что Богу нет нужды постоянно создавать в человеке способность к действию и каждый его поступок определять непосредственным божественным вмешательством. Все события и действия в мире происходят благодаря проявлению внутренних качеств вещей, которыми Бог наделил их изначально, проще говоря, благодаря существованию объективных физических законов. Осуществление действий человека зависит от двух условий: его желаний и возможностей (естественных сил, которыми он обладает). Человек сам совершает свои поступки, но Аллах считается их творцом потому, что именно Он как создатель поместил желания и способности в человека. Человек свободен в своих желаниях и своих действиях, которые он производит сам, но есть одно существенное ограничение – его воля подчинена воле Всевышнего и имеет место после его соизволения. Поэтому не все задуманные человеком действия реализуются (даже при условии

твердого намерения и обладания способностью к осуществлению), но только те, что совпадают с соизволением Аллаха. То есть в момент осуществления успешного действия две воли – человеческая и божественная – должны совпасть.

Учитывая все вышеизложенные аспекты мусульманского учения о предопределении, приходится констатировать, что оно оставляет пространство для различных интерпретаций. Ислам как богатая богословская традиция содержит в себе различные трактовки истин откровения о предопределении, часть которых склоняется к мировосприятию, весьма близкому абсолютному фатализму кальвинистов, выраженному в доктрине о «двойном предопределении», тогда как другие наделяют человека свободой воли, приближающейся к православному или католическому пониманию. Таким образом, все существующие мусульманские течения мысли, объясняющие суть предопределения, можно подразделить на две основные тенденции, которые стремятся к противоположным полюсам:

– Понимание предопределения как принуждения. Кратко выразить суть этой позиции можно так: Аллах принуждает все свои творения к тому результату, который был заранее Им же определен.

– Предопределение как предвидение будущего Божественным разумом, или, что точнее, абсолютное, целостное и всеобъемлющее знание Бога, существующего во вневременной реальности, обо всем творении во временной длительности, разделяемой на прошлое, настоящее и будущее. Многие традиционалистические трактовки, признавая важную роль остальных аспектов предопределения, ставят акцент на его первой ступени (абсолютное знание Божества), понимая предопределение в целом как совершенно точный расчет, прогноз будущего божественным разумом, не стесняющий свободы людей. Такое восприятие судьбы и свободы воли очевидно сближает ислам с христианскими представлениями о Промысле. Вторая ступень предопределения – запись всего, что произойдет в мире, в небесной Скрижали, – приобретает иную интерпретацию. Эта запись лишь отражает полноту божественного всезнания, но не принудительную детерминацию будущего. Бог дает свободу своим творениям совершать дела, но при этом он заранее осведомлен об их конечных последствиях.

Чрезвычайная трудность рационального постижения догмата о предопределении, философская рафинированность его различных богословских трактовок подводят нас к мысли, что, очевидно, лишь

немногие мусульмане, даже хорошо знакомые с исповедуемой акыдой, посвящены во все нюансы богословской интерпретации. Индивидуальная степень понимания догмата о предопределении может быть весьма различной, что зависит от интеллектуальных способностей, уровня образования, жизненного опыта и прочих факторов. Очевидно, что характер трактовки, уровень философского понимания и глубина веры в предопределение могут варьировать в достаточно широких границах у различных представителей террористических сообществ, в особенности у самих смертников.

Судя по разрозненным свидетельствам и интервью неудавшихся «шахидов», понимание предопределения террористами-смертниками весьма различно и также стремится к двум противоположным полюсам: в полном смысле фаталистическому и «прогностическому» с фаталистическими оттенками. Оно зависит от той культурной и богословской среды, из которой выходит будущий смертник (что включает в себя целенаправленную индокринацию в среде экстремистской группировки), а также привносимого им самим элемента спонтанной или вполне осознанной индивидуальной трактовки. Первая тенденция, дошедшая до своего предела, порождает слепую веру во всемогущество божественной воли и тотальность божественного детерминизма. По крайней мере на одном явном примере мы можем уверенно говорить о целенаправленном формировании у потенциальных смертников фаталистического мировосприятия, соответствующего духу ашаритского окказионализма (при этом формально не связанному с ашаритской акыдой!).

Бывший сотрудник ЦРУ на Ближнем Востоке Роберт Бэр в одном из сюжетов своего второго фильма по истории терроризма смертников знакомит нас с семнадцатилетним пакистанским юношей Фармануллой, не удавшимся террористом-смертником, подготовленным талибами. Фарманулла, работая в паре со своим ровесником Абдул Куддусом, собирались уничтожить афганского губернатора как «неверного» из-за его сотрудничества с американцами. О непоколебимом провиденциализме Фармануллы свидетельствуют его слова в середине интервью: «Когда ты выходишь за дверь с поясом смертника, сам Бог совершает все остальное...» Приведем диалог, состоявшийся далее:

– Вы собирались надеть пояс смертника, а Абдул Куддус должен был нажать на кнопку?

– Нет, не Абдул Куддус. Ты просто приводишь это в действие и сам Бог позволяет тому произойти.

– Бог должен был воспламенить пояс смертника?

– Да. Мне сказали, что сам Бог взорвет его.

Образ мыслей Фармануллы, сводящий сферу ответственности человека к одним намерениям и волевым усилиям, вряд ли характерен для большинства смертников-мусульман. Многие другие неудавшиеся смертники, в частности, палестинские, вполне осознают собственную ответственность за создание своих действий, сочетая ее с верой в провидение.

Салафитская трактовка детерминизма в ее ваххабитском варианте, в большинстве случаев стоящая за теологическим оправданием терроризма смертников (заметим, что авторитетный исламовед А.А. Игнатенко называет «теракты шахидов» «изобретением ваххабитских улемов»), убежденно отстаивает наличие естественных физических законов и материальных сил, имеющих у человека помимо волевой активности. Ее влияние существенно в Северо-Кавказском регионе. Женщины-смертницы, вышедшие из рядов радикальных ваххабитов Чечни (смертники-мужчины в этом регионе – большая редкость), демонстрируют в значительной степени иной тип террориста-смертника, нежели ближневосточный религиозный экстремизм. Помимо очевидного принудительного характера их поведения (в ряде известных случаев), им присуща поверхностная вера в предопределение, что связано с низким уровнем религиозного образования и самым элементарным знанием основ исламского вероучения. Фраза, которую перед смертью обронила первая смертница на рок-фестивале в Тушино (2003), чья взрывчатка смертельно ранила только своего носителя: «Теперь не попаду к Аллаху», свидетельствует об осознании полной ответственности не только за свои действия, но и за конечные результаты операции. По всей видимости, чеченская форма терроризма смертников является иллюстрацией мусульманского религиозного сознания со слабо выраженным фатализмом.

Терроризм смертников в Палестине по степени фаталистичности мировосприятия исполнителей акций самопожертвования можно поместить посередине между двумя вышеприведенными типами террориста-смертника, олицетворяющими противоположные тенденции. Среди публичных выступлений и ответов для прессы представителей руководства «Хамас», радикальной исламской партии Палестины, ответственной за большую часть «мучениче-

ских операций», можно найти яркие свидетельства, помогающие понять характер провиденциализма, культивируемого в местной мусульманской общине. Приведем лишь один характерный пример. На вопрос корреспондента: явились ли неожиданностью результаты атаки смертника в Иерусалиме 19 августа 2003 г., в которой погибло 20 человек, духовный лидер «Хамас» Ахмад Ясин (1936–2004) дал следующий ответ: «Что касается убитых в ходе операции в Иерусалиме, то все возможно, все совершается по воле Аллаха Всевышнего. Когда ты выпускаешь пулю, ты не знаешь, поразит ли она одного, двоих, троих или сотню человек. Ты защищаешь себя. Возьмем в качестве примера операцию в Тель-Авиве, которая была проведена перед акцией в Иерусалиме. Она была проведена в ответ на злодеяния сионистов, и в ней погиб один человек. Даже если бы мы хотели большего количества убитых, то все равно любой результат зависит от воли Аллаха Всевышнего».

Данные рассуждения не затрагивают богословские тонкости в объяснении мусульманской веры в предопределение, в частности, не объясняют позицию шейха в трактовке вопроса о степени ответственности человека за свои деяния, однако в них заключен однозначный ответ на другой вопрос: ответственен ли человек за последствия, производные от его первоначального действия? Ответ на этот вопрос отрицателен: защищающий себя в схватке с врагами нажимает на курок, приводит в действие механизм огнестрельного оружия, дальнейшие следствия творятся Аллахом и не зависят от воли и намерений человека. Пуля может поразить одного, а может и сотню. Результат непредсказуем, поскольку здесь вступают в действие провиденциальные силы бытия.

Антиномия человеческой свободы и божественного детерминизма в исламском мировосприятии может быть ключевой для понимания некоторых нравственных и ментальных особенностей сознания мусульман, становящихся террористами-смертниками. Особая, в той или иной степени фаталистическая, интерпретация законов детерминации и причинности в исламе имеет самые серьезные этические последствия, накладывающие глубокий отпечаток на сознание и духовную жизнь исполнителей атак (смертников). Умаление человеческой свободы в сотворении причин и их последствий в пользу всемогущества божественной воли приводит к снижению нравственной ответственности за собственные поступки. Что в свою очередь способно изменить режим функционирования совести – снизить порог совестливой чувствительности. Тому

способствует душевное состояние потенциального смертника, который зачастую представляет собой «в той же степени жертву, что и агрессора». Совесть есть интуитивная способность обнаружения истинных смыслов, погруженная в глубины духовного бессознательного в человеке. Она концентрирует в себе внутреннюю способность к различению добра и зла, правды и лжи, истины и заблуждения. Действие совести в сердце и сознании человека – одно из проявлений свободы воли, так как она не предписывает, но лишь указывает на возможность реализации истинного смысла. Побуждение совести не приводит к автоматическому исполнению, но оставляет за человеком свободу окончательного выбора. Ислам – религия божественного закона, выраженного в Коране, объясненного в Сунне и систематизированного в шариате. Убежденность в том, что акция самопожертвования является разрешенной шариатом формой ведения войны с врагами ислама в соединении с базовым для ислама императивом вести джихад и жертвовать собой «на пути Аллаха», создает почву для психологической готовности к «мученической операции» при ряде сопутствующих условий. Примешанный к этим установкам религиозный фатализм, частично снимающий груз нравственной ответственности за собственные действия, формирует особую форму аберрационной совести у будущего исполнителя атаки (смертника). Нравственное сознание смертника превращается в рационализированную законническую этику, в которой способность различения добра и зла у человека отнимается. Это различие уже дано в религиозном законе, интерпретированном идеологами исламизма.

Уповая на мудрость Всевышнего в области последствий собственных поступков, исполнитель атаки в большей степени становится озабочен формальной стороной дела: соответствием своих намерений религиозному закону. Уверенность в правильном исполнении императивных постановлений высшей сакральной воли приводит к восприятию себя в качестве слепого орудия справедливого и мудрого божественного предопределения. Именно такое отношение культивируют идеологи и духовные наставники террористов-смертников. Апеллируя к мусульманской вере в предопределенность срока жизни человека, в зависимость любого явления в этом мире от соизволения Аллаха, они пытаются создать систему теологической аргументации, снимающей нравственную ответственность со смертника не только за конкретные результаты террористической операции, но и за собственную смерть. Что лишает

саму «акцию самопожертвования» характера самоубийства, строго запрещенного в исламе.

Большая часть террористов-смертников, мотивированных радикальным исламом, вероятно, разделяют подобный тип религиозно-фанатического сознания, покоящегося на законнической этике. Однако те же ментальные и мировоззренческие установки могут привести к совершенно иному состоянию нравственного сознания исполнителя «мученической операции», о чем свидетельствуют любопытнейшие исключения из правила. Для лучшего понимания фактов, которые мы приведем далее, нам придется сделать некоторое отступление, остановившись на вопросе о природе совести и условиях ее правильного функционирования. Известно, что в подготовку террориста-смертника входит духовно-культурная практика. Многие смертники ночь перед атакой проводят в благочестивых молитвах и чтении Корана. Интенсификация внутренней духовной жизни будущего исполнителя «мученической операции» непосредственно перед ее осуществлением иногда приводит к преодолению его нравственным сознанием уровня законнической этики (блокирующей проявления совести) и феномену совестливой гипервосприимчивости, или обнажению подлинной совести во время самой операции. Последнее может проявляться в форме «слышания голоса самого Бога». К свидетельствам о подобном нужно относиться весьма критично и осторожно, поскольку такое восприятие может быть лишь субъективным явлением (внутренний голос совести может объективироваться в сознании и приниматься за повеление самого Бога) или только культурно приемлемым языком, выражающим оправдание перед соратниками за прекращение операции.

В документальном фильме Тома Робертса «Внутри разума бомбиста-смертника» рассказывается история семнадцатилетнего палестинского юноши, в последний момент передумавшего себя взрывать. Когда он добрался до места назначения (г. Тайбе) с сумкой, полной смертоносной взрывчатки, и остался предоставленным самому себе, его стали обуревать сомнения. Он впервые увидел израильский город и стал думать, что многие люди вокруг не заслуживают смерти, они могут быть невинными мирными жителями. Он долго бродил по улицам города, даже зашел в кафе пообедать, прежде чем принял решение отказаться от осуществления своей миссии. В словах, которыми он пытается передать переживания, посетившие его в то время, оправдание окрашено в яркие провиденциальные тона. В своих объяснениях юноша преподносит

сложившуюся ситуацию так, словно решение было принято за него самим Богом: «Бог позволил мне продолжить мою жизнь. Он хотел, чтобы я остался в живых. Мне еще не было суждено умереть. Я не могу убить себя. Только Бог все совершает. Он побудил меня вернуться домой. Он сказал: “Иди домой! Иди домой!” Если бы я не был смущен, теперь я мог бы быть мучеником».

Другой из подобных случаев произошел с членом «Хамас», молодым человеком по имени Зидан Ахим, интервью с которым приводится в видеофильме Пьера Рехоффа «Суицидальные убийцы». Приступив к операции, будущий смертник был уверен в правоте своих действий и страстно мечтал о мученичестве, пока не был поколеблен призывом, пришедшим в сознание как будто извне. На этот раз вместо того, чтобы подчиниться повелению, смертник решил его проигнорировать: «Во время своей миссии я услышал голос, который сказал мне остановиться, найти другой способ, но я знал, что это единственный путь и я также хотел познать другую жизнь, жизнь после смерти». Два солдата своевременно заметили подозрительно ведущего себя араба и вызвали подкрепление. Когда они пытались схватить террориста, тот нажал на кнопку. То, что произошло потом, способно привести в изумление и может быть объяснено только логикой провиденциального мировосприятия (будь то исламского или христианского). Последовавший взрыв пояса шахида никому не причинил вреда. Пострадал только террорист. Но и он был вскоре вылечен и остался жив. Весь ход событий как будто бы говорит, что все усилия юноши заранее были обречены на неуспех. Не удивительно, что в израильской тюрьме, где Зидан отбывает срок, ходит слух, что сам Аллах возложил на него Свою руку в момент взрыва и уберег от гибели.

В субкультурах радикальных исламских движений фатализм, органичный для ислама в целом, играет существенную роль в формировании религиозно-фанатического мировосприятия потенциального террориста-смертника, создавая механизмы нравственной легитимации и рационального самооправдания террористического насилия. Законническая этика исламизма, предлагающая точный религиозно-правовой критерий различения добра и зла, но имеющий исключительно внешний характер, подавляет судяще-оценивающую функцию личной совести террориста-смертника. Религиозный фатализм, значительно снижающий степень ответственности человека за собственную судьбу и вторичные последст-

вия от его прямых действий, содействует готовности к самопожертвованию и безжалостному отношению к врагам.

Фаталистическое мировосприятие – важный компонент «культуры мученичества» современного исламизма, но сам по себе он не может привести к религиозному экстремизму. Он ведет к различным последствиям в зависимости от душевного состояния и характера религиозной веры исполнителя террористической атаки. Как показывают вышеприведенные примеры, в ряде случаев пробуждение подлинной совести происходит в сердце вполне убежденных и сознательных активистов радикальных исламских группировок, уверенных в справедливости возмездия и мечтавших о райской жизни после мученической смерти. Это возможно благодаря углубленным духовно-личностным исканиям, нацеленным на интимный диалог с Богом, которые могут предшествовать террористической операции.

*«Религиоведение», Благовещенск,
2009 г., № 4, с. 144–154.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 5 (215)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 31/V-2010 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Заказ № 93

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market@INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

